

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 1
Проблемы образования,
науки и культуры

2022. Т. 28

№ 1

IZVESTIA

Ural Federal University
Journal

Series 1
Issues in Education,
Science and Culture

2022. Vol. 28

№ 1

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Т. Е. Автухович, д-р филол. наук, проф.
(Республика Беларусь, Гродно,
Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы)

А. Е. Аникин, д-р филол. наук, акад. РАН
(Россия, Новосибирск, Институт
филологии СО РАН)

Дж. Боулт, PhD (Art Studies), проф.
(США, Лос-Анджелес, Университет
Южной Калифорнии)

А. В. Головнев, д-р ист. наук, чл.-корр.
РАН (Россия, Санкт-Петербург, Музей
антропологии и этнографии (Кунсткамера)
РАН)

В. Л. Иваницкий, д-р филол. наук, проф.
(Россия, Москва, Московский
государственный университет
им. М. В. Ломоносова)

С. Г. Корконосенко, д-р полит. наук,
проф. (Россия, Санкт-Петербург,
Санкт-Петербургский государственный
университет)

К. Кроо, д-р филол. наук, проф.
(Венгрия, Будапешт, Университет
Лоранда Этвеша)

Дж. Майклсон, PhD (Philology), проф.
(США, Лоренс, Канзасский университет)

А. Мустайоки, PhD (Philology), проф.
(Финляндия, Хельсинки, Хельсинкский
университет)

Б. Ю. Норман, д-р филол. наук, проф.
(Республика Беларусь, Минск, Белорусский
государственный университет)

Г. Саймонс (Greg Simons), PhD, проф.
(Швеция, Уппсала, Уппсальский
университет)

Э. Э. Сыманюк, д-р психол. наук, проф.
(Россия, Екатеринбург, Уральский
федеральный университет)

А. Федотов, д-р филол. наук, проф.
(Болгария, София, Софийский
университет Св. Климента Охридского)

Г. Г. Щепилова, д-р филол. наук, проф.
(Россия, Москва, Московский
государственный университет
им. М. В. Ломоносова)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор

В. М. Амиров, д-р филол. наук, доц.
(Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный
университет)

Ю. М. Ершов, д-р филол. наук, проф. (Россия,
Севастополь, Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова
в городе Севастополе)

Т. А. Снигирева, д-р филол. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Л. П. Быков, д-р филол. наук, проф. (Россия, Екате-
ринбург, Уральский федеральный университет)

Ю. В. Матвеева, д-р филол. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Б. Н. Лозовский, д-р филол. наук, доц. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

М. А. Мясникова, д-р филол. наук, канд. искусство-
ведения, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский
федеральный университет)

Э. В. Чепкина, д-р филол. наук, доц. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

А. П. Чудинов, д-р филол. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский государственный
педагогический университет)

О. Л. Девятова, д-р культурологии, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Н. Б. Кириллова, д-р культурологии, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

И. Я. Мурзина, д-р культурологии, проф. (Россия,
Екатеринбург, Институт образовательных стратегий)

Г. А. Глотова, д-р психол. наук, проф. (Россия,
Москва, Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова)

Н. С. Глуханюк, д-р психол. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

И. А. Ершова, канд. психол. наук, доц. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

С. А. Минюрова, д-р психол. наук, проф.
(Россия, Екатеринбург, Уральский государственный
педагогический университет)

Т. Ю. Быстрова, д-р филос. наук, доц. (Россия,
Екатеринбург, Екатеринбургская академия
современного искусства)

Г. Е. Зборовский, д-р филос. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

И. В. Зиновьев, д-р филос. наук, доц. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

В. Ф. Олешко, д-р филос. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Р. Коул (Richard Cole), PhD, проф. (США,
Чапел Хилл, Университет Северной Каролины)

Ответственный секретарь

Л. А. Хухарева

© Уральский федеральный университет, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ЖУРНАЛИСТИКА И МАССОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ

- Олешко В. Ф., Шурко И. И.* Пропагандистский дискурс современного телевидения 5
- Ермаков Ю. А., Строганов В. Б.* Ризоморфная модель коммуникации в интернете: специфика, проблемы и перспективы развития 16
- Попиль В. А.* Особенности нейминга в рекламной сфере Дальнего Востока РФ: исследование эргонимов рекламных компаний 27
- Татаренкова Д. С.* Формирование позитивного образа сотрудника уголовно-исполнительной системы в СМИ (на примере деятельности пресс-службы ГУФСИН России по Свердловской области) 39
- Баканов Р. П., Егорова Л. Г., Туманов Д. В.* Модернистская эстетика и культура потребления в журналистике Оскара Уайльда 49

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Подлубнова Ю. С.* Между деревней и стройфронтом: очерк творчества А. И. Завалишина 59
- Гатауллина Д. Н.* Невыразимое, непостижимое и непередаваемое в словах: парадокс существования поэтической речи 70
- Бортников В. И., Шишкина Е. Н.* Категории хронотопа и тональности в художественном переводе: омотематический аспект 78
- Мальцева Т. В., Шадеко В. П.* Стихотворения «Ужасы и прелести могилы» Л. Г. Козегаргена и «Кладбище» Н. М. Карамзина: от религиозной дидактики к элегии 92
- Пуряева Н. Н.* Об одном источнике сюжета повести Л. А. Чарской «Сибирочка» 99
- Хоруженко Т. И.* Русский young adult о магических школах: влияние Гарри Поттера 107

- Шалимова Н. С.* Романы Д. Тартт в контексте феномена «young adult literature»: поэтика и опора на наследие Ф. М. Достоевского 117

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Кириллова Н. Б., Кемерова Т. А., Девятова О. Л., Лихачева Л. С.* Куда идут культура и наука о культуре? 129
- Сливкова Ю. В.* Музеефикация бывших тюрем: международный опыт и российская действительность 139
- Хрулева О. С., Сизова И. А., Варга Ю. К.* Законодательная база функционирования виртуального музея в России: музеологическое осмысление 152

ТРИБУНА УЧЕНОГО

- Мурзина И. Я.* Медиаэкология как проблема культуры и задача образования: аксиологический аспект 162

ОБРАЗОВАНИЕ: ВЫЗОВЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ

- Плаксина Е. Б., Симбирцева Н. А.* Инклюзивные практики поликультурной среды: способы достижения диалога 174
- Урунова Р. Д., Иванова Д. А.* К вопросу о роли современных текстовых технологий в образовательном процессе 185

УРАЛЬСКИЙ КОНТЕКСТ

- Некрасова Ю. С.* Альманах «Уральский современник» в материалах Государственного архива Свердловской области 197

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

- Антошин А. В.* Что важнее — технологии или смыслы? Размышления о конвергентной журналистике. Рец. на кн.: *Олешко В. Ф., Олешко Е. В.* СМИ как медиатор коммуникативно-культурной памяти. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. 470 с. 209

Научная статья

УДК 070.11:654.197 + 316.654:32 + 316.774:654.1 + 316.77

DOI 10.15826/izv1.2022.28.1.001

ПРОПАГАНДИСТСКИЙ ДИСКУРС СОВРЕМЕННОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ

Владимир Федорович Олешко¹
Илья Иванович Шурко²

^{1,2} *Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия*

¹vladimir.oleshko@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3001-7391>

²shurko.ilja@gmail.com

А н н о т а ц и я. Процессы глобализации предопределили в том числе и востребованность пропагандистской направленности дискурса традиционных СМИ в целом и ряда программ федерального телевидения в частности. Вместе с тем расхождение их информационной повестки и повестки, которая устанавливается в социальных медиа, усиливает цифровой и поколенческий разрыв аудиторных групп медиа. Во многом этому способствует агрессивная манера ведения общественно-политических ток-шоу, а также нарушение при этом журналистами элементарных профессионально-этических норм. В статье анализируются наиболее явные примеры такого рода нарушений, авторы ищут ответ на вопрос: как преодолеть данные тенденции, размывающие социальную сущность профессии журналиста.

К л ю ч е в ы е с л о в а: общественно-политическое телевидение; ток-шоу; пропаганда; этика; саморегуляция; профессиональная культура журналиста

PROPAGANDA DISCOURSE OF MODERN TELEVISION**Vladimir F. Oleshko¹****Ilya I. Shurko²**^{1,2} *Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia*¹ vladimir.oleshko@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3001-7391>² shurko.ilja@gmail.com

Abstract. The processes of globalization have predetermined, among other things, the propaganda orientation of the discourse of traditional media in general and a number of federal television programs in particular. At the same time, the divergence of their information agenda and the agenda that is set in social media strengthens the digital and generational gap of the media audience groups. In many ways, this is facilitated by the aggressive manner of conducting socio-political talk shows, as well as the violation of elementary professional and ethical norms by journalists. The article analyzes the most obvious examples of such violations, as well as the authors are looking for an answer to the question — how to overcome these trends that blur the social essence of the profession of a journalist.

Key words: socio-political television; talk shows; propaganda; ethics; self-regulation; professional culture of a journalist

В связи с расширением в эпоху цифровизации числа субъектов информационной деятельности традиционные СМИ все чаще стали использоваться именно как трансляторы текстов пропагандистской направленности. Это обусловлено прежде всего возрастными и поколенческими характеристиками их целевой аудитории, а также тем, что ее представители в меньшей степени включены в системное потребление контента, транслируемого в Глобальной сети. «Однако в России расхождение повестки официальных СМИ и повестки, которая устанавливается в социальных медиа, усиливает поляризацию в журналистике и в обществе» [Трофимова]. Поэтому одной из актуальных исследовательских задач сегодня является не только устранение различного рода межпоколенческих и цифровых барьеров [Олешко], но и поиск путей к уравниванию данных информационных повесток [Амиров, Глебович]. А поскольку пропагандистская направленность дискурса массмедиа в целом и федеральных телевизионных каналов в частности нередко характеризуется высоким уровнем агрессии [Пропагандистский дискурс...], а зачастую и нарушением элементарных профессионально-этических норм [Кузнецова], то в совокупности эти факторы все чаще являются барьерами потребления информации, транслируемой брендовыми СМИ, представителями массовой аудитории, и прежде всего молодежью [Сумская].

По данным сервиса «Mediascope», именно общественно-политические ток-шоу регулярно попадают в рейтинг ста наиболее популярных среди российских телезрителей программ (<https://mediascope.net/data>). Вместе с тем эксперт Общественной коллегии по жалобам на прессу К. А. Назаретян отмечает, что в разговоре

о журналистской этике не всегда удается оперировать общими категориями, поскольку неизбежно приходится учитывать жанровые особенности данных программ. Но ни одного «этического кодекса ведущего ток-шоу при этом нам найти не удалось» (<https://presscouncil.ru/praktika/zhaloby-kollegii/rassmotrennyezhaloby/5849>). На проблему этического несовершенства некоторых отечественных телевизионных программ обращают внимание уже и на государственном уровне. Так, президент России В. В. Путин на встрече с членами Совета по правам человека, комментируя наполнение российских политических ток-шоу, заявил, что необходимо «развивать и профессиональную культуру, развивать то, что называется самоограничениями в определенных средах» (<https://rg.ru/2020/12/11/>). Таким образом, в нашем исследовании мы поставили задачу акцентировать внимание на наиболее типичных примерах агрессивной риторики и на примерах очевидных нарушений профессиональной этики журналистами — ведущими актуальных программ данного жанра.

В вещательной сетке современного федерального телевидения представлено девять общественно-политических ток-шоу на шести телеканалах. Для анализа нами были выбраны наиболее рейтинговые из них: «Время покажет», «Вечер с Владимиром Соловьевым», «60 минут», «Место встречи».

Данный контент за 2017–2020 гг. был проанализирован методом тематического мониторинга. Но если мы обращаемся к каким-то отдельным программам, то примеры, те или иные действия ведущих, как правило, повторялись журналистами неоднократно, а также были характерны и для контента 2021 г. Представляя результаты исследования, мы использовали метод классификации нарушений, что позволило объединять их в тематические группы.

Рассмотрим вначале ситуации, связанные с *этической стороной* процесса коммуникации телеведущего и адресатов (экспертов, зрителей в студии и телезрителей). Наиболее часто, как было нами выяснено, встречаются нарушения взаимодействия телеведущих и экспертов студии. Подобные примеры неэтичного поведения являются, на наш взгляд, прежде всего способом привлечь внимание массовой аудитории к программе.

Ситуация 1. 12 октября 2017 г. проходила запись общественно-политического ток-шоу «Время покажет» на Первом канале, передававшаяся в прямом эфире на регионы Дальнего Востока. Темой обсуждения стала пропажа флагов России со здания консульства РФ в США. Ведущий ток-шоу Артем Шейнин периодически обращался к приглашенному в студию эксперту по данной теме американскому журналисту М. Бому. Диалог ведущего и гостя из США не был успешным с самого начала. В какой-то момент принципиальные различия позиций двух журналистов, находившихся на ток-шоу в разных статусах, привели к словесной перепалке:

А. Шейнин: *Вот ты меня не беси. <...> А то я тоже с тебя какой-нибудь флаг сниму.*

М. Бом: *Вы такие смелые только языком...*

После этих фраз, определенно носивших взаимный провокативный характер, произошло следующее: А. Шейнин схватил М. Бома за шею и несколько раз толкнул его, сопровождая насильственные действия словами:

Ты думаешь, я только языком могу? Ты че меня провоцируешь? Я тебе сказал сидеть – сиди (Время покажет // Первый канал. 2017. 12 окт.).

Предотвратить усиление конфликта помогли соведущая Артема Шейнина Екатерина Стриженова и гость программы, на тот момент член Совета Федерации Ф. А. Клинецвич.

На наш взгляд, ведущий ток-шоу «Время покажет» Артем Шейнин в данном случае нарушил сразу несколько положений профессиональных этических кодексов. Во-первых, в Кодексе профессиональной этики российского журналиста 1994 г. сказано: «Журналист уважает честь и достоинство людей, которые становятся объектами его профессионального внимания» (<http://docs.cntd.ru/document/901854413>). Здесь же мы видим, что Артем Шейнин позволяет себе рукоприкладство в отношении гостя программы, угрожает ему.

Во-вторых, особого внимания заслуживает тот факт, что Майкл Бом — журналист, как и вышеназванный ведущий «Время покажет». Кодекс профессиональной деятельности журналиста 1991 г., актуальность которого даже сегодня трудно не признать, гласит: «Как нарушения служебной этики и профессиональной солидарности журналистов могут быть квалифицированы следующие случаи: <...> Если журналист из карьеристских, корыстных и иных низменных побуждений представляет своего коллегу в неприглядном свете в глазах других журналистов или в общественном мнении» (https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30353759). В данном случае происходит нападение не просто на собеседника, но еще и на журналиста, прибывшего из иностранного государства на федеральное ток-шоу, чтобы выразить свою точку зрения.

Ситуация 2. 11 декабря 2017 г., в преддверии выборов президента России 2018 г., в программе «Время покажет» прошла встреча с кандидатом на пост главы государства К. А. Собчак. В записи ток-шоу принимали участие ведущие Артем Шейнин и Анатолий Кузичев. Мы считаем необходимым обратить внимание на два эпизода программы.

Во-первых, вызывают интерес действия Артема Шейнина, который по ходу диалога с Ксенией Собчак сначала надел красный поролоновый нос, ассоциирующийся с цирковыми клоунами, а затем — маску «очки — нос — усы», также часто являющуюся атрибутом клоунады. Сам журналист так комментировал свое поведение:

Мне кажется, что для этого разговора это идет. Я подготовился, у меня из Московского цирка еще много чего (Время покажет // Первый канал. 2017. 11 дек.).

Вероятно, несмотря на то что программа была организована по инициативе Первого канала, для редакторов и ведущих ток-шоу существовала цель лишить

в глазах аудитории слова К. А. Собчак всякого смысла. Журналист Артем Шейнин в данном случае отождествляет происходящее с цирком, создает для приглашенного на эфир политика образ человека, неспособного рассуждать на общественно-политические темы. И хотя подобные прецеденты не отражены в основных этических кодексах, мы считаем такое поведение как минимум не соответствующим формату программы.

Второй эпизод данного выпуска является куда более значимым с точки зрения факта нарушения этики. В процессе общения Артем Шейнин процитировал К. А. Собчак:

Бренд «Ксения Собчак» — это такая гигантская машина, с непробиваемой броней из пафоса и цинизма, внутри которой сидит маленькая девочка и нажимает на рычаги.

И позже, когда мысль этой цитаты уже была развита и дополнена, Артем Шейнин произнес в эфире следующее:

Я ведь специально не стал зачитывать окончание этой цитаты: «Конечно, основная цель этой машины, как и любой другой организации, это получение прибыли», — но это я оставляю за рамками нашего разговора (Время покажет // Первый канал. 2017. 11 дек.).

К. А. Собчак сразу же заявила о некорректном цитировании, но продолжить мысль не успела, так как ведущие ток-шоу немедленно объявили о рекламной паузе. Позже она обнародовала фрагмент расшифровки того выступления, где были произнесены эти слова. Приведенная Артемом Шейниным цитата в действительности звучала следующим образом: «Бренд “Ксения Собчак” — это такая гигантская машина, с непробиваемой броней из пафоса и цинизма, внутри которой сидит маленькая девочка и нажимает на рычаги. Я очень стараюсь это перебороть» (<https://rb.ru/article/kseniya-sobchak-rasskazala-kak-vozdvigla-brend-imeni-sebya-video/6920387.html>).

Таким образом, Артем Шейнин позволил себе описанный в главе 8 Кодекса профессиональной деятельности проступок, нарушающий право граждан на получение информации: «Как нарушения профессиональной этики, ущемляющие право граждан на получение информации, могут быть квалифицированы следующие случаи <...> если журналист фальсифицирует информацию, извращает содержание документального или иного источника, допускает смысловую правку цитируемого документа» (https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30353759). Здесь ситуация общения выходит за пределы студии. Телеведущий становится нарушителем норм взаимодействия журналиста со своей аудиторией, так как стремится ввести ее в заблуждение, а также прибегает к таким часто используемым манипуляторами приемам, как нарушение норм межличностной коммуникации для победы в психологическом противостоянии, а также эмоциональное давление вместо аргументации собственной позиции [Кузнецова].

Ситуация 3. 22 февраля 2018 г. в прямом эфире телеканала НТВ транслировалось ток-шоу «Место встречи». Выпуск был посвящен ситуации на юго-востоке

Украины, а именно обстрелам украинской армией территорий Донецкой и Луганской республик. В начале второго часа эфира развернулась дискуссия между немецким политиком А. Маурером и украинским политологом Д. Суворовым. Эксперт из Германии сообщил, что посещал донбасское село Зайцево и лично видел обстрелы домов мирного населения. Д. Суворов в ответ попросил представить доказательства произошедшего: видео или фотографии. Диалог сопровождался взаимными оскорблениями, звучали слова «мерзавцы», «лжец» и т. д. После очередной эмоциональной просьбы Д. Суворова предоставить фотографии, фиксирующие обстрелы, на украинского политолога без каких-либо комментариев и реплик напал ведущий ток-шоу Андрей Норкин. Завязавшуюся драку быстро остановили гости студии (Место встречи // НТВ. 2018. 22 февр.).

Существующие этические кодексы не фиксируют положения, запрещающие физическое воздействие журналиста на собеседника. Видимо, в силу прямой аморальности данных действий. Вместе с тем мы можем говорить о том, что они относятся к «несовместимым с нормами цивилизованной журналистики» (Хартия телерадиовещателей России // <https://presscouncil.ru/index.php/teoriya-i-praktika/dokumenty/756>). Более того, если детально анализировать видеотреггер, фиксирующий драку, следует квалифицировать произошедшее уже в плоскости российского законодательства. Статья 116 Уголовного кодекса РФ характеризует действия телеведущего Андрея Норкина как «побои или иные насильственные действия, причинившие физическую боль, но не повлекшие последствий, совершенные... по мотивам политической, идеологической... вражды...» (Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996, № 63-ФЗ. Ред. от 05.04.2021. Ст. 116). Таким образом, данный прецедент одновременно входит в противоречие и с профессиональной этикой, и с правовыми нормами. Отметим, что по состоянию на ноябрь 2021 г. никакого разбирательства по этому происшествию не последовало.

Ситуация 4. 4 апреля 2019 г. в ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьевым» на телеканале «Россия 1» проходило обсуждение проблемы реактуализации идей нацизма в Европе. Польский политолог Я. Корейба высказал мысль о недопустимости манипуляций памятью участников Второй мировой войны:

Вы отвратительные шовинисты, сейчас пытаетесь манипулировать памятью бедных евреев ради того, чтобы достичь своих геополитических целей (Вечер с Владимиром Соловьевым // Россия 1. 2019. 4 апр.).

Ведущий программы Владимир Соловьев не менее эмоционально отреагировал на слова эксперта из Польши:

Ты все сказал? А теперь пошел вон отсюда, пока я тебя не взял за нос и не выкинул! Встал и вышел вон! Потому что иначе я не смогу сдержать Сатановского и Сосновского (эксперты, находившиеся в студии. — Авт.) от того, чтобы тебя не разорвать здесь. <...> Охрана, придите сюда, я не хочу марать руки. <...> Со стулом отсюда вынести его!

После этих слов Я. Корейба действительно был выведен из студии двумя охранниками. В статье 9 Кодекса профессиональной деятельности журналиста

сказано, что журналист нарушает профессиональную этику, если «...из эгоистических, групповых или иных соображений противодействует ведению дискуссии или обнародованию суждений, с которыми он не согласен, нарушая тем самым принцип плюрализма мнений» (<http://docs.cntd.ru/document/901854413>). На наш взгляд, именно это и происходит в данном случае. Считаем, что вне зависимости от сказанного экспертами телеведущий должен сохранять ход дискуссии в цивилизованном русле, не допуская оскорблений и тем более физического воздействия. Исключение эксперта из дискуссии путем его удаления из студии можно приравнять к признанию телеведущим собственной профессиональной непригодности. По сути, журналист показывает аудитории, что готов выстраивать диалог только с удобными для себя участниками.

На основе анализа приведенных выпусков мы можем утверждать, что основными вариациями нарушения этики взаимодействия журналиста и экспертов являются: а) персональные угрозы в адрес эксперта; б) физическое воздействие (насилие) в отношении эксперта; в) удаление гостя из студии. Кроме того, особым вариантом нарушения взаимодействия телеведущего и аудитории ток-шоу является введение телезрителей в заблуждение путем сообщения недостоверных сведений.

Не менее показательными с точки зрения нарушения этических норм профессиональной деятельности являются примеры эмоциональной несдержанности и языковой агрессии. При этом, надо сказать, телеведущие общественно-политических ток-шоу нарушают следующее положение Хартии телерадиовещателей 1999 г., подписанной в том числе представителями данных телеканалов: «Стремление к чистоте, правильности и образности русского языка в телерадиоэфире, отказ от неоправданного, примитивно-подражательного заимствования иностранных слов, употребления ненормативной лексики, сленговых и жаргонных выражений» (<https://presscouncil.ru/index.php/teoriya-i-praktika/dokumenty/756>). В силу ограниченности текстовых возможностей статьи мы избегаем контекстного изложения материала.

Ситуация 1. 20 сентября 2017 г. гости ток-шоу «Место встречи» на НТВ обсуждали актуальные вопросы взаимоотношений России и Украины. Заметно выделился крайне эмоциональный диалог между украинским политологом Кириллом Климчуком и ведущим программы Андреем Норкиным:

К. Климчук: *Мы хотим себя защитить от таких стран-гопников, как Российская Федерация.*

А. Норкин: *А по шее не хочешь получить?*

К. Климчук: *Нет, мы не боимся вас и на Донбассе это показали.*

А. Норкин: *Нет, я про сейчас, в программе, за страну-гопника... может, ты изви-нишься сейчас?*

К. Климчук: *Нет, я не буду.*

А. Норкин: *А пошел ты на х... отсюда! Я говорю, пошел на х... отсюда! (Место встречи // НТВ. 2017. 20 сент.).*

Ситуация 2. 1 февраля 2018 г. в студии ток-шоу «60 минут» на канале «Россия 1» проходило обсуждение процесса декоммунизации на Украине. В ходе дискуссии между ведущей программы Ольгой Скабеевой и на тот момент лидером общественно-политического движения «Новая Россия» Н. О. Исаевым произошел краткий диалог:

О. Скабеева: *Исаев, кричать перестаньте. Речь идет о том, что на Украине приравняли фашизм и коммунизм, именно об этом рассказывает Калашников (эксперт, находившийся в студии. — Авт.), это правильно?*

Н. О. Исаев: *Это абсолютно правильно!*

О. Скабеева: *Уходите, пожалуйста, Никита Олегович, вон отсюда. Вы, мне кажется, **идиот**, Никита Олегович (60 минут // Россия 1. 2018. 1 февр.).*

Далее в ходе прямого эфира со старостой русской общины Волынской области А. А. Кононовичем Ольга Скабеева обратилась к другому эксперту, украинскому общественному деятелю В. В. Трюхану:

*Еще один **буйный** подключается... Вадим Валерьевич, тихонько слушаем, внимательно. Вдруг скажет что-нибудь. А ведь и вас тоже иной раз хотелось бы **пинками**, но нет, у нас свобода слова. Господи, Боже мой, какой-то кошмар! (60 минут // Россия 1. 2018. 1 февр.).*

Разумеется, в данной ситуации Ольга Скабеева позволяет себе выражения, не свойственные стилистике речи, принятой в общественно-политических дискуссиях. Если в первом примере было использовано просто нецензурное слово, то *идиот*, согласно Большому толковому словарю, характеризуется пометой *бран.*, слова *буйный* и *пинок* относятся к категории разговорно-сниженной лексики. Телеведущая оскорбляет приглашенных экспертов, открыто высмеивает их позицию.

Ситуация 3. 8 ноября 2019 г. в прямом эфире ток-шоу «Время покажет» Первого канала после трансляции видеосюжета, в котором жители заявили о желании установить мир на своей территории, российский режиссер Г. М. Амнуэль сказал, что люди на видео говорят не о мире, а о бандитах. Ведущий Артем Шейнин предложил пересмотреть синхрон, подчеркнув:

Если в этом синхроне, мы его сейчас поставим второй раз, не будет слова «бандиты», вы пойдете отсюда вон. Сейчас Гриша приготовился на низкий старт и приготовился вылететь отсюда (Время покажет // Первый канал. 2019. 8 нояб.).

После второго просмотра видеотрейнера подтвердились слова Артема Шейнина о том, что Г. М. Амнуэль говорит неправду. Однако телеведущий не ограничился формальным установлением истины:

*Григория Амнуэля в этой студии нету, вместе с его лживым, **волючим** языком. Это же надо быть такой **гнидой**, услышать людей, которые хотят мирно и хотят спокойно... они не говорят про бандитов, **гнида**, иди отсюда. Это ж надо быть такой **сволочью**. Гриш, ну **вали** отсюда уже.*

Несмотря на то что в целом Артем Шейнин справедливо поправил Г. М. Амнуля, он употребил ряд некорректных выражений. Так, слово *вонючий* Большой толковый словарь помечает как разговорно-сниженное и грубое. Слова *гнида* и *сволочь* обладают пометой *бран*. Слово *вали* в данном контексте помечено как разговорное. Таким образом, словарь подтверждает присутствие в сказанном ведущим ток-шоу «Время покажет» грубых, бранных и разговорно-сниженных слов.

Ситуация 4. 26 февраля 2020 г. в ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьевым» ведущий вступил в словесную перепалку с приглашенным экспертом, политологом Александром Ковтуненко. Не согласившись с мнением оппонента, журналист Соловьев в грубой форме попросил украинского политолога покинуть студию, сказав следующее:

*Ты, **упырь** нацистский, пошел вон! Охрана, выведите эту нацистскую **мразь** и отдайте ее на расстрел войскам НКВД! <...> Девять миллионов героев украинцев, которые отдали свою жизнь... чтобы эта нацистская **сволочь**, этот **тварюга** смел приезжать и лгать на память великих украинских солдат!* (Вечер с Владимиром Соловьевым // Россия 1. 2020. 26 февр.).

Таким образом, во всех рассматриваемых нами общественно-политических ток-шоу имели место инциденты, связанные с нарушением профессиональной этики и норм русского языка. В последних случаях речь идет об употреблении телеведущими разговорно-сниженных, грубых, бранных, вульгарных слов, не соответствующих актуальной дискуссии уровня федерального телеканала. Заметим, что в ходе отбора эмпирического материала нами были обнаружены ситуации, содержащие немало примеров употребления телеведущими ненормативной лексики, что, разумеется, не позволяет включать их в текст статьи, но не сказать об этом нельзя. Как и о том, что в современной пропагандистской риторике данных телеканалов достаточно примеров проявлений языковой интолерантности: использование анекдотов скабрёзного содержания, некорректных сравнений представителей этнических групп, оппозиционных высказываний по принципу это «свой», а это «чужой» и др. Интолерантные суждения телеведущих недопустимы с точки зрения профессиональной этики. Мы также полагаем, что гости и эксперты ток-шоу должны быть до эфира предупреждены об ответственности за подобные высказывания.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что нарушение профессионально-этических норм обусловлено возникающими на практике противоречиями между законами телевизионного производства и пропагандистскими интенциями акторов, а также политическими / экономическими факторами творческой деятельности.

Политические причины прослеживаются уже при первом просмотре любой из данных программ. Ровно половина проанализированных нами за 2017–2020 гг. выпусков были посвящены вооруженному конфликту на юго-востоке Украины, еще примерно четверть программ — взаимоотношениям России и США. То есть геополитические процессы становятся основным предметом дискуссии.

Абстрактность категорий данной сферы политологии, где речь идет уже не о конкретных личностях, а о нациях и этносах, позволяет проводить ведущим порой самые немыслимые параллели, делать примитивные обобщения. Например, частыми случаями являются примеры, когда приглашенный эксперт вынужден под давлением ведущих выполнять функцию «адвоката государства». Акцентируя внимание исключительно на международной повестке, учредители, возможно, таким образом решают задачу нейтрализации у телезрителей подобных программ негативных эмоций (природа которых может быть самой различной). Отсюда следует, что общественно-политические ток-шоу на федеральных каналах являются своеобразными инструментами и медийными технологиями снижения градуса социальной напряженности. Оценка их эффективности требует отдельного научного исследования.

Экономические причины следуют из двух предпосылок. Во-первых, это стремление медиаменеджеров извлечь за счет сопутствующей рекламы прибыль от трансляции общественно-политических ток-шоу, где пресловутый рейтинг опирается на искусственно взвинченный эмоциональный накал страстей. Очевидно, что популярность данных проектов базируется на их массовости. Следовательно, финансового успеха достигает программа, подвергшаяся массовизации своего содержания. В случае общественно-политических ток-шоу превращение актуальной экспертной дискуссии в «кулачный бой» — наиболее эффективный вариант, ведь спортивные соревнования всегда были популярнее академических прений. При этом снижение речевой культуры и этики диалога, вероятно, не рассматривается авторами программ как существенная издержка. Во-вторых, немаловажную роль играют высокие гонорары телеведущих (они порой в десятки раз больше средней зарплаты по Москве, как свидетельствуют открытые данные) [Ежов]. Такие доходы, по всей видимости, становятся полноценной компенсацией морального ущерба и ущерба репутации журналиста, который неизбежно наступает в связи с представленными нами этическими коллизиями в общественно-политических ток-шоу.

Таким образом, поскольку соблюдение различного рода профессионально-этических ограничений и рекомендаций имеет, как известно, свободный индивидуально-личностный характер, то их исполнение будет возможно лишь в случае принятия журналистским сообществом таких *профессиональных стандартов*, неукоснительное исполнение которых не будет предполагать дискуссий. Хотя практика цифровой эпохи, когда журналисты оказались в конкурентной среде множества субъектов медиадейтельности, конечно же, должна учитывать специфику отдельных направлений журналистской деятельности, в том числе и пропагандистской. Что допускает возможность разработки отдельных эффективных инструментов профессионально-этического саморегулирования для ведущих общественно-политических ток-шоу.

Кроме того, не вызывает сомнения тот факт, что преодоление негативных последствий манипулятивного воздействия отдельных представителей государственных органов, владельцев массмедиа или их руководителей, гонящихся

за рейтинговыми показателями, ставящими монетизацию контента выше социальных функций журналистики, возможно при помощи «коррекции государственной информационной политики, совершенствования бюджетного финансирования медийной сферы, активизации деятельности гражданских институтов» [Лозовский].

Убеждены, что соглашения между заинтересованными сторонами могли бы сделать работу участников договоренностей этически корректной, а деятельность вне журналистского профессионального сообщества — затруднительной. Особую актуальность данный тезис приобретает сегодня, в условиях перманентного развития социальных медиа и блогинга. На наш взгляд, одна из главных задач современной журналистики — обретение себя в условиях активного развития медиаиндустрии, размывающей границы существующих профессий и, соответственно, присущих им норм и правил прежде всего в рамках пропагандистского дискурса телевидения.

Амиров В. М., Глебович Т. А. Конфликт либеральных и консервативных ценностей в медиадискурсе федеральных и дагестанских СМИ // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2021. № 70 (70). С. 313–335. <https://doi.org/10.17223/19986645/70/18>

Ежов С. «Пропагандисты на миллионы»: раскрыты баснословные зарплаты российских телеведущих // Новые известия. 2020. 24 сент.

Кузнецова Н. Е. Профессиональные стандарты в политической журналистике (на примере программ Первого канала и канала «Россия 1»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2021.

Лозовский Б. Н. Манипулятивные технологии влияния на средства массовой информации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2011.

Олешко В. Ф. Пропагандистская риторика как маркер цифрового межпоколенческого разрыва // Медиа в современном мире. 60-е Петербургские чтения: сб. материалов Междунар. науч. форума (30 июня — 2 июля 2021 г.) / отв. ред. А. А. Малышев: в 2 т. СПб., 2021. Т. 2. 267 с.

Пропагандистский дискурс в условиях цифровизации / науч. ред. В. А. Ачкасова, Г. С. Мельник. СПб., 2021. 502 с.

Сумская А. С., Сумской П. Ф. Тематические приоритеты и перспективы межпоколенческой медиакоммуникации // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2021. Т. 27, № 2. С. 5–21.

Трофимова И. А. Гражданская журналистика в медиасистеме современной России: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2021.

Статья поступила в редакцию 11.11.2021 г.

Научная статья

УДК 316.28:004.77 + 070.1:004.32.6 + 004.5 + 004.738.5

DOI 10.15826/izv1.2022.28.1.002

РИЗОМОРФНАЯ МОДЕЛЬ КОММУНИКАЦИИ В ИНТЕРНЕТЕ: СПЕЦИФИКА, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Юрий Александрович Ермаков¹

Вадим Борисович Строганов²

^{1,2} *Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия*

¹jury.ermakov@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0943-7391>

²tarangarret@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9680-8762>

Аннотация. Статья посвящена изучению современной формы интернет-коммуникации, которую мы называем ризоморфной. Цель — рассмотрение особенностей ризоморфной коммуникации, определение основных проблем, связанных с ее функционированием, и перспектив развития. Объект исследования — модель ризоморфной коммуникации. Научная новизна статьи обусловлена рассмотрением пока еще слабо изученного феномена ризоморфности в интернете. Результатом работы является проведенный SWOT-анализ ризоморфной модели коммуникации в интернете.

Ключевые слова: ризома; ризоморфизация; цифровизация; интернет-коммуникация; система Web

RISOMORPHIC MODEL OF COMMUNICATION ON THE INTERNET: SPECIFICS, PROBLEMS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Yurii A. Ermakov¹

Vadim B. Stroganov²

^{1,2} *Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia*

¹jury.ermakov@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0943-7391>

²tarangarret@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9680-8762>

Abstract. This article is devoted to the study of the modern form of Internet communication, which we call risomorphic. The purpose of the article is to consider the features of risomorphic communication, determine the main problems associated with its functioning and development prospects. The object of the study is a model of risomorphic communication. The scientific novelty of the article is due to the consideration of the still poorly studied phenomenon of risomorphism

on the Internet. The result of the work is a SWOT analysis of the risomorphic model of communication on the Internet.

К е у w o r d s: risoma; rhizomorphization; digitalization; Internet communication; Web system

Сегодня мы являемся свидетелями активной цифровизации всех сфер жизни и деятельности человека, что неизбежным образом оказывает значительное влияние на коммуникативную среду общества. Цифровизация обеспечивается развитием новых форм, моделей и возможностей интернет-коммуникации, которые активно включаются в практику использования современным обществом. По данным статистических агентств, к апрелю 2020 г. численность интернет-пользователей по всему миру составляла более 4,57 млрд человек, из которых порядка 3,81 млрд — это одновременно участники социальных сетей, а уникальных пользователей мобильных устройств уже насчитывалось более 5,16 млрд [Гаджиев, с. 148]. Таким образом, интернет стал неотъемлемой частью жизни миллиардов людей, он ускорил процесс передачи информации, сформировал бесчисленное количество каналов ее распространения, сделал информацию общедоступной, позволяя связывать города, страны и континенты, сыграл ключевую роль в процессе ускорения темпов глобализации. Это стало возможным ввиду высокой скорости компьютеризации и «смартфонизации» населения планеты.

Благодаря нарастающей всеобщности интернета в нем фактически молниеносно отражаются все события, происходящие в мире, при этом осуществляется не только информирование общества об этих фактах и событиях, но и привлечение, а нередко и приковывание к ним внимания различных аудиторий. В масштабном, бурном и разнообразном потоке информации авторы стремятся обратить взгляд потребителей информации именно на свое сообщение или на новость, создавая в них для этого яркий эмоциональный дизайн, а то и намеренно превращая их в громогласную сенсацию. Кроме того, PR своей страницы, аккаунта в социальной сети, персонального сайта или интернет-сообщества благодаря впечатляющему эмоциональному следу помогает увеличить их контактность и посещаемость. А это, в свою очередь, расширяет возможности рекламирования каких-либо товаров и услуг и, соответственно, поступления дополнительного дохода предприимчивым авторам.

Словом, огромные потоки информации в яркой эмоциональной расцветке распространяются по Сети с огромной скоростью, прежде всего, благодаря самим ее потребителям и пользователям, которые фактически поголовно становятся участниками в ее создании и распространении. В результате информация, которая может носить недостоверный, низкокачественный или откровенно лживый и опасный для общества характер, превращается в своеобразный «вирус», который заражает огромное число пользователей и интернет-комьюнити. К тому же, учитывая повсеместность интернет-коммуникации, эти факторы создают ряд серьезных проблем для нормального функционирования общества в информационной сфере. Также необходимо учитывать, что ввиду быстрого развития

интернет-коммуникации, растущего многообразия ее моделей, форм и технологий общество в ближайшем будущем ожидают серьезные качественные изменения в социальном и информационном взаимодействии в интернете. Некоторые из возникающих проблем и перспектив, порожденных данным развитием, будут рассмотрены в рамках данной статьи.

Изучению интернет-коммуникации посвящено огромное количество публикаций, среди них работы Л. В. Астаховой, Х. А. Гаджиева, А. В. Плетнева, А. Н. Фортунатова, Н. Г. Воскресенской, А. Кэмбил и др.

В рамках нашего исследования были применены методы SWOT-анализа современной интернет-коммуникации, анализ научных работ, посвященных данной проблематике, и компаративный подход при сравнении так называемой «ризома» и интернет-коммуникаций.

Важнейший процесс, связанный с доминирующей ролью интернета, которой мы наблюдаем в сфере коммуникации последние десятилетия, — это процесс преобразования линейной формы коммуникации в сетевую, дисперсную и хаотичную. Данный процесс мы называем «ризоморфизация» [Строганов, с. 279]. Это понятие связано с термином «ризома», который ввели в научный оборот французские философы-постмодернисты Жиль Делез и Феликс Гваттари: «Ризома сама по себе имеет очень разнообразные формы, начиная со своей внешней протяженности, разветвленной во все стороны, до конкретизаций в луковицы и клубни» [Делез]. Другими словами, ризома не имеет четкой структуры, у нее отсутствует строгая иерархия и доминирует горизонтальная коммуникация.

Следовательно, главными особенностями ризоморфизации являются, во-первых, протяженность и разветвленность линий коммуникаций между акторами; во-вторых, отсутствие ярко выраженной иерархичности ввиду сетевого принципа передачи информации; в-третьих, участие в коммуникации огромного числа акторов, которые регулярно создают новые и закрывают старые каналы коммуникация, параллельно являясь создателями интернет-контента; в-четвертых, «вирусная» передача информации в интернете, которая носит хаотичный характер, практически не поддается контролю со стороны институциональных структур [Фурсов, с. 458].

Стало быть, интернет-коммуникация имеет достаточно серьезные отличия по сравнению с традиционными СМИ. Прежде всего, интернет является моделью коммуникации «многие — многим» (Web 2.0), либо «многие — одному» (Web 3.0), в то время как традиционные СМИ действуют по модели «один — многим» (Web 1.0). Web 2.0 и Web 3.0 выделяются тем, что рядовые интернет-пользователи выступают не только в качестве потребителей информации, но также и ее распространителей, а самое главное — создателей информации. Другими словами, пользователи могут, не обладая специальной подготовкой, самостоятельно выбирать платформу и форму создания сообщения (аудио, видео, текст, изображение) без каких-либо цензурных ограничений. Причем в случае Web 3.0 пользователи создают и подбирают контент коллективно, формируя свой специфический информационный фрейм. В случае Web 1.0 создателями информации выступают

профессиональные журналисты, писатели и др., которые, как правило, обладают специальной подготовкой, но очень часто стеснены цензурными рамками. К тому же в случае СМИ информация попадает к потребителю в уже готовом виде, в то время как пользователю Сети необходимо проявить активность и даже некоторые интеллектуальные усилия для получения необходимых материалов [Шапкина, с. 96].

Однако при всем при том большая часть обрабатываемой информации (в Web 1.0, Web 2.0 и Web 3.0) — это контент, созданный пользователями, который обрабатывается постоянно увеличивающимися вычислительными мощностями [Kambil, p. 58]. Совершенно иная ситуация складывается в Web 4.0, она будет рассмотрена ниже.

Кроме того, необходимо учитывать, что в отличие от СМИ, где информация подается более структурированно и централизованно, в интернете преобладают синкретизм и синтетичность, а также фрагментарность коммуникации. Первое проявляется в слиянии различных инструментов и форм: будь то видео, аудио или изобразительные материалы. Фрагментарность же обусловлена получением обрывков информации из различных, никак не связанных друг с другом источников, что затрудняет формирование целостной картины события. И последнее — это экспансивный характер развития интернета и огромный охват аудитории. Интернет переключает внимание людей с традиционных СМИ (снижая их значимость) на новые способы получения информации и обмена ею, создавая для этого необходимые инструменты и платформы. К подобным платформам относятся и социальные сети («ВКонтакте», Facebook, Instagram), мессенджеры (WhatsApp, Viber, Telegram), блоги и др.

Определив основные особенности ризоморфизации интернет-коммуникации и ее отличия от традиционных СМИ, стоит подробнее рассмотреть группу проблем, которые активно проявляются в ходе участия людей в данной модели коммуникации.

1. Фрагментация информации. Одна из ключевых проблем современной интернет-коммуникации — это существование огромного числа каналов связи, через которые человек потребляет информацию. Сюда относятся различные социальные сети, мессенджеры, блоги, новостные сайты и др. Однако каждый из таких каналов подает информацию в своем индивидуальном ключе, отличаясь повесткой дня, формой информации (аудио, видео, текст, формат текста), частотой подачи информации, эмоциональным фоном и др. Тем самым получение информации из различных источников и в разных формах и форматах рождает проблему ее хаотичного, ненормированного потребления. Следствием этого подчас является искажение восприятия информации, формирование неверных выводов, нарушение целостности мировосприятия у рядового интернет-пользователя.

Отдельного упоминания заслуживает влияние фактора «рационализации» (термин, введенный еще З. Фрейдом). Рационализация заключается в том, что мозг человека стремится вписать новую поступающую информацию в уже

существующую и определенную систему знаний, используя поэтому только часть полученной информации и исключая «лишнюю». В случае ее фрагментированного поступления усложняется получение неразмытой и четкой картины транслируемого события.

2. Распространение незаконной информации и рост кибертерроризма.

Интернет-технологии, задействованные в коммуникации между пользователями, а также инструменты сохранения анонимности и сокрытия источников информации содействуют тому, что в Сети распространяется информация радикальных взглядов, экстремистского характера, открываются возможности для активности сетевых террористических ячеек. Все это создает угрозу в виде кибертерроризма. К кибертерроризму сегодня относят и популяризацию деятельности террористов в интернет-пространстве, планирование и поиск денег для осуществления их деятельности, сбор закрытой и чувствительной для общества информации, обеспечение связи между различными экстремистскими ячейками, а также вербовку и распространение их информационно-пропагандистских материалов [Джинджолия, с. 26].

Распространение незаконной информации происходит и в виде распространения идей и программ запрещенных в России террористических организаций, распространение в Darknet'e рецептов изготовления взрывчатых веществ, призывы к осуществлению антигосударственной деятельности и др. Помимо этого исследователи отмечают, что экстремизм проникает в СМИ и социальные сети через злопыхательскую критику органов государственной власти и правоохранительных органов, осуществляющих политику борьбы с экстремизмом, в виде разносной критики «неоправданно жестких и антигуманных мер», применяемых ими [Рузавина, с. 26].

3. Попытки государства регулировать интернет-коммуникацию.

Данная проблема имеет двойственный характер. С одной стороны, интернет стал тем местом, где отсутствует характерная для СМИ цензура, где отсутствует государственный контроль за потоками информации и где можно изучить альтернативные мнения и факты относительно того или иного события. Таким образом, интернет стал своеобразной «меккой свободы» мнений и распространения информации.

Безусловно, существуют правила цензурирования информации в социальных сетях, интернет-сообществах, форумах, блогах и др. Однако их соблюдение сопровождается рядом сложностей: 1) невозможность установить цензуру на всех площадках; 2) администраторы сайтов или интернет-сообществ не всегда могут вовремя отреагировать на появление запрещенной информации, что может привести к ее дальнейшему распространению; 3) отдельные интернет-площадки могут добровольно полностью отказаться от любого вида цензуры исходя из своих «идейных» соображений.

С другой стороны, учитывая вышеназванные проблемы, государство становится всерьез заинтересовано в контроле за интернет-пространством в целях

обеспечения национальной безопасности в борьбе с кибертерроризмом и экстремизмом в Сети, а также активного цензурирования нежелательных для себя тем. Вот почему государство вынуждено заниматься постоянным мониторингом интернет-сетей на предмет экстремизма и осуществлением учета уже заблокированных сайтов с экстремистскими и террористическими материалами [Кудряшев, с. 129].

Однако учитывая сложность, многогранность, хаотичность и множественность горизонтальной коммуникации в интернете, государство зачастую идет на применение крайне радикальных мер.

Прежде всего, они связаны с запретом и блокировкой конкретных интернет-площадок и платформ. Ярким примером может служить Китай, где запрещены практически все популярные интернет-площадки (Facebook, WhatsApp и др.). Другой случай, когда государства могут выдвигать условия таким платформам по фильтрации контента определенного содержания для того, чтобы они были разрешены [Гаджиев, с. 170]. К примеру Россия, согласно отчетам Google, за последние 10 лет стала лидером по числу требований об удалении контента [За последние 10 лет...]. Наконец, власть посредством имеющихся у нее ресурсов может влиять на алгоритмы ранжирования и купирования различных площадок в поисковых системах интернета [Гаджиев, с. 171]. Также в руках государства находится еще один инструмент, который является самым радикальным, — временное отключение от интернета. Однако важно понимать, что подобные действия могут нанести серьезный ущерб различным формам экономической деятельности, а также разозлить лояльных власти граждан и тех, кто не проявляет до поры до времени политической активности [Морозов, с. 15].

Однако интернет-пользователи уже давно создали специальные инструменты для анонимного формирования, распространения и потребления информации (например, VPN). Эти инструменты позволяют обходить большинство блокировок, которые устанавливает государство. Это говорит о том, что в сегодняшних условиях директивный контроль за интернет-коммуникацией и наличие цензуры не дают никаких гарантий нераспространения экстремистской информации и кибертерроризма.

4. Быстрая смена повестки дня. Немаловажным фактом, который стоит отметить, является то, что даже в традиционных СМИ информационная повестка дня меняется достаточно часто ввиду «пресыщения аудиторией» новостями и аналитикой по тем или иным событиям. Однако в Сети этот срок значительно сокращается, ибо пользователи потребляют и распространяют информацию с такой скоростью, что она вмиг завладевает значительным информационным пространством. В результате быстрая смена повестки дня формирует своеобразный «управляемый хаос» в мировоззрении пользователей.

Пользователь, не успевая как следует разобраться в одном конкретном событии, сталкивается с навязыванием другого «инфоповода» и вынужден начать уделять внимание именно ему. Так происходит, потому что новый инфоповод

замещает собой предыдущий, причем «делает» это часто руками самих пользователей, которые распространяют его по Сети и создают его аналоги.

К тому же новая повестка дня может выступать своеобразной погоней за рейтингом, поэтому новый «инфоповод» должен обладать еще более яркой эмоциональной окраской, чем его предшественник, чтобы привлечь к себе внимание. Вследствие такой погони за рейтингом интернет-пользователи больше и чаще ориентируются на публикацию сообщений о крупных происшествиях и катастрофах, интерпретируя при этом действительность в субъективированном и нужном им ключе [Рузавина, с. 27].

5. Информационная перегрузка. Получая одновременно огромные потоки информации, пользователь так или иначе сталкивается с неспособностью обработать ее целиком. Как уже было отмечено, это очень часто затрудняет формирование целостного мировосприятия и адекватного понимания информации. К тому же переизбыток информации может нанести прямой физический вред человеку, вызывая психопатические проблемы и даже соматические заболевания.

6. Падение качества передаваемого материала. Если взять в расчет вышеизложенные факторы, то можно обосновать вывод о невысоком в целом качестве той информации, которая создается и распространяется в Сети как рядовыми пользователями, так и лидерами общественного мнения. Связано это с тем, что в угоду особенностям сетевой коммуникации и соответствующего ее восприятия информация пользователям подается в упрощенном и даже примитивизированном виде. А. Н. Фортунатов отмечает, что сегодня в интернете подвергается пересмотру буквально вся структура коммуникации — от языка (эмодзи вместо словесных оборотов, нарочитое отсутствие знаков препинания, уничтожение грамматики и т. п.) до фундаментальных принципов доверия и сочувствия (пранкеры как социальные провокаторы, хакеры как виртуальные робин гуды, боты как иллюзия сочувствующей массы и т. д.) [Фортунатов, с. 281].

К тому же в последнее время очень ярко проявляется нарочитая безграмотность, эпатаж и провокация в интернет-коммуникации. Основной упор делается подчас не на создание логически структурированного сообщения, несущего в себе какую-то значимую информацию или идею, а на привлечение внимания к автору данного сообщения. В итоге на смену логике приходит «раздутая и гипертрофированная чувствительность», тем самым информационное сообщение теряет свою ценность и качество объективности содержания. При этом стоит отметить, что ключевым критерием оценивания значимости информации выступает часто не ее качество, а ее «реплицируемость» — количество «лайков/репостов» и создания ее копий [Там же, с. 280].

7. Значительная виртуальная дифференциация общества. Последней проблемой, на которую хотелось бы обратить внимание, является то, что интернет, с одной стороны, упрощает пользователю его самоидентификацию и поиск

единомышленников, но с другой — происходит дробление общества в Сети на огромное число групп и подгрупп, каждая из которых имеет свои нормы, ценности, идеи и взгляды. Эта новая дифференциация приводит к росту различных социальных конфликтов, которые зачастую способны перейти из Сети в реальную сферу. Таким образом, обществу становится сложнее консолидироваться в реальной жизни для отстаивания своего мнения и своих прав.

Обозначив проблемы, необходимо рассмотреть перспективы развития ризоморфной интернет-коммуникации. На наш взгляд, можно выделить два ключевых направления — это развитие по линии Web 4.0 и по линии Web 5.0.

Web 4.0 («Нейронет»). Уже сегодня мы наблюдаем за тем, что искусственный интеллект (ИИ) выполняет огромный спектр основополагающих задач для бизнеса, государства, потребителей. К тому он осуществляет сбор информации со смартфонов, браузеров, камер наблюдения, транспорта в режиме реального времени.

Благодаря этому ИИ уже способен формировать своеобразную картину мира и потребностей как одного конкретного пользователя, так и всего общества в интернет-пространстве. Так возникают «виртуальные агенты», которые «потребляют» с помощью собственных интеллектуализованных технологий саму личность, которая по идее сама использует ИИ для удовлетворения своих потребностей. Речь идет о сборе информации ИИ о самом пользователе, его интересах, взглядах, его «маршрутов в Сети».

Знание этой информации позволяет создавать ИИ-алгоритмы, упрощающие пользователям поиск информации путем подстраивания под запросы аудитории, а также решая за нее конкретные поисковые задачи. Тем самым происходит интеграция физических и виртуальных объектов. Суть данной интеграции сводится к тому, что ИИ начинает обучаться у живого объекта различным аспектам поведения и коммуникации в Сети. В этом и заключается основная черта Web 4.0, а именно — активное участие в интернет-коммуникации ИИ, который самостоятельно способен подбирать интересующую пользователей информацию.

Однако Web 4.0 может столкнуться с рядом серьезных проблем. Во-первых, собирая информацию о запросах потребителя, ИИ потенциально способен «подстраивать» поступающую информацию под потребителя, создавая тем самым информационный «фрейм». Во-вторых, ИИ может создавать собственную информацию либо делать ее «симулякр».

Ярким примером таких симулякров являются «нейросети», которые могут создавать DeepFake — менять изображение лица человека на видеозаписях, что служит проявлением создания «фейка». Безусловно, DeepFake создается конкретным человеком, «руками» ИИ. Однако, учитывая тот факт, что на откуп ИИ человек отдает все больше функций, мы можем оказаться перед угрозой создания подобных фейков самим ИИ, который просто выполнял задачу «подстроить информацию по запросу пользователя, основываясь на алгоритме его запросов».

На наш взгляд, при системе Web 4.0 возможен некоторый уход от ризоморфной коммуникации. Обусловлено это тем, что ИИ будет создавать более четкие алгоритмы подготовки и распространения информации, а также формирования

информационных фреймов для интернет-пользователей, другими словами — «информационного вакуума». Суть информационного вакуума сводится к тому, что пользователь не будет выходить за рамки определенного круга сайтов, платформ и интересов. Здесь речь идет о сознательном самоограничении пользователя в масштабах коммуникации. Следовательно, интернет-коммуникация будет приобретать более четкую структуру каналов связи, сократится количество акторов коммуникации (особенно создателей) — их место займет ИИ, а также, потенциально, сократится хаотичность передаваемой информации, так как у ИИ будут существовать алгоритмы ее передачи в зависимости от интересов конкретной аудитории.

Web 5.0. Гораздо более интересной перспективой развития ризоморфной интернет-коммуникации выглядит система Web 5.0 (сенсорно-эмоциональная сеть). Однако сразу нужно отметить важный аспект — теория Web 5.0 содержит в себе значительные элементы футуризма, и, в отличие от Web 4.0, эта теория развивается на основе еще не изобретенных ресурсов [Benito-Osorio et al., p. 277].

Данная система основана на технологиях соединения информационных сетей с нервной системой человека. В результате станет возможным путь применения нанотехнологий, когда с помощью «нанороботов» мозг человека будет напрямую подключен к Сети. Несмотря на футуристический вид теории, в совместной публикации группы ученых, представляющих 14 авторитетных университетов США, Канады, Австралии и России, предсказывается технологическая возможность создания «интернета мыслей» [Плетнев, с. 3]. Для этого в мозг человека планируется ввести «три типа нейронороботов», и он сможет «передавать по беспроводной сети до $\sim 6 \times 10^{16}$ бит в секунду синаптически обработанной и закодированной электронной информации» [Martins et al., p. 112].

Таким образом, возможно формирование глобального информационного поля, при котором стираются границы между киберпространством и физическим социальным взаимодействием. В результате происходит прямое мысленное воздействие на виртуальные элементы. Огромную роль в этом процессе ряд исследователей отдают эмоциональным аспектам работы с информацией [Kambil]. В Web 5.0 управленческой задачей станет настоящая адаптация взаимодействия для создания богатого, эмоционально резонирующего опыта для пользователей [Ibid.]. Другими словами, Web 5.0 позволит напрямую обмениваться эмоциями относительно тех или иных событий, причем не в текстовой или визуальной форме, а в психологической.

Плюсами данной системы являются, во-первых, приближение человека ко всему объему знаний, накопленных человечеством, и, как следствие, резкое сокращение срока обучения; во-вторых, формирование коллективного мышления для объединения возможностей большого количества людей решать интеллектуальные задачи; в-третьих, развитие способности предвидеть радикальные изменения, которые затронут общественную жизнь [Плетнев, с. 2].

Минусами данной системы могут стать: во-первых, вопрос совместимости нанотехнологий и человеческого мозга; во-вторых, реакции организма

на внедрение в мозг нанотехнологий; в-третьих, огромный простор для создания новых средств воздействия на человека и управления его поведением и взглядами; в-четвертых, вопрос об эмоциональной компетенции «передатчиков» информации через Web 5.0 [Астахова, с. 90].

Резюмируя, стоит отметить, что, в отличие от Web 4.0, Web 5.0 — это на данный момент потенциально пик развития ризоморфной коммуникации. Обусловлено это тем, что обладая прямой органической связью с интернет-пространством, человек устранил последние технические и технологические преграды для создания, распространения и потребления информации. К тому же будет окончательно ликвидирована проблема «временной трансгрессии», другими словами, человек всегда будет «онлайн» и всегда может там «находиться» и напрямую получать информацию о каком-либо событии. Итогом этого станет тотальная «интернетизация» всех сторон жизни как проявление новой информационно-психологической реальности [Титов, с. 18].

Однако еще раз отметим, что концепт Web 5.0 на данном уровне развития технологий носит во многом футуристический характер.

Подводя итоги нашего анализа интернет-коммуникации, выделим ее сильные (strength) и слабые (weaknesses) стороны, перечислим возможности (opportunities) и угрозы (threat), которые несет в себе ризоморфная интернет-коммуникация.

Сильные стороны (strength):

- возможность быстрого обмена информацией;
- активное участие в коммуникации пользователей со всех континентов, большинства стран и языков;
- ликвидация национальных, языковых, культурных ограничений;
- возможность обмена альтернативными мнениями;
- сложность в осуществлении институционального регулирования сверху.

Возможности (opportunities):

- максимально быстрое освещение событий, моментальная реакция пользователей;
- формирование повестки дня самими интернет-пользователями, что позволяет оказывать влияние на институциональные структуры и привлекать их внимание к определенным событиям;
- в случае возникновения социального конфликта, ризоморфная коммуникация позволяет быстро найти соратников и единомышленников, которые способны оказать поддержку сторонам конфликта.

Слабые стороны (weaknesses):

- фрагментация и хаотичность передачи информации;
- быстрая смена повестки дня;
- падение качества передаваемого материала;
- сложность осуществления контроля за передачей незаконной или экстремистской информации.

Угрозы (threat):

- дифференциация общества по взглядам, мнениям, идентификации и др., чреватая различными конфликтами;
- сложность социального объединения для совместного достижения целей;
- риск влияния ИИ на формирование повестки дня;
- риск создания «информационных вакуумов» и «провалов» в мировоззрении пользователей, созданных алгоритмами ИИ.

Астахова Л. В. Эмоциональная компетентность будущего специалиста по защите информации: понятие и педагогические условия развития // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер. : Образование. Педагогические науки. 2021. № 2. С. 88–95.

Гаджиев Х. А. Цифровое пространство как поле политического противостояния власти и оппозиции // Полит. наука. 2020. № 3. С. 147–171.

Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: глава первая // Восток : альманах. URL: https://web.archive.org/web/20180929012423/http://www.situation.ru/app/j_art_1023.htm (дата обращения: 07.10.2021).

Джинджолия Р. С., Хачидогова М. М. О некоторых вопросах определения терроризма и информационного терроризма // Уголовная юстиция. 2019. № 13. С. 25–28.

За последние 10 лет Россия просила Google блокировать контент чаще, чем все остальные страны, вместе взятые // Хабр : [сайт]. URL: <https://habr.com/ru/news/t/582750/> (дата обращения: 8.10.2021).

Кудряшов К. В., Понделков А. В., Косенко О. К., Семеренко А. С. Правовые новеллы российского законодательства о противодействии молодежному экстремизму // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 9. С. 127–132.

Морозов И. Л. Уличный протест как технология антигосударственных действий радикальной оппозиции — опыт // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 3. С. 12–16.

Плетнев А. В. От Web 4.0 к Web 5.0: будущее виртуализации в эпоху сверхсовременности // Credo new. 2020. № 3 С. 1–4.

Рузавина А. К. Влияние средств массовой информации на рост экстремизма в среде молодежи // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 2. С. 26–29.

Строганов В. Б. Политическая ризоморфизация интернета как форма «мягкой силы» // Мобильность как измерение мягкой силы: теория, практика, дискурс : сб. науч. тр. по итогам Первой Всерос. науч.-практ. молодежной конф. Екатеринбург, 2019. С. 276–287.

Титов В. В. Национальная безопасность современной России: гуманитарные и социокультурные вызовы // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 9. С. 16–19.

Фортунатов А. Н., Воскресенская Н. Г. Цифровые компетенции и технологии новой искренности в эпоху Web 4.0 // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. : Литературоведение. Журналистика. 2021. № 2. С. 276–285.

Фурсов А. И. Борьба вопросов. Идеология и психоистория: русское и мировое измерения. М., 2017. С. 784.

Шапкина Е. В. Интернет в системе средств массовой информации и особенности его восприятия в общественном сознании // Вестн. Кемер. гос. ун-та. 2015. № 2. С. 94–98.

Benito-Osorio D., Peris-Ortiz M., Armengot C. R., Colino A. Web 5.0: the Future of emotional competences in higher education // Glob Bus Perspect. 2013. № 1. P. 274–287.

Kambil A. What is Your Web 5.0 Strategy? // Journal of Business Strategy. 2008. № 29. P. 56–58.

Martins N. R. B., Angelica A., Chakravarthy K. et al. Human Brain/Cloud Interface /// Frontiers in Neuroscience. 2019. № 13. P. 112.

Статья поступила в редакцию 18.10.2021 г.

Научная статья

УДК 659.1(571.6) + 811.161.1'373.46 + 330.341.1:659.111.23

DOI 10.15826/izv1.2022.28.1.003

ОСОБЕННОСТИ НЕЙМИНГА В РЕКЛАМНОЙ СФЕРЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РФ: ИССЛЕДОВАНИЕ ЭРГОНИМОВ РЕКЛАМНЫХ КОМПАНИЙ

Василина Андреевна Попиль

*Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия
popil.va@dvfu.ru*

А н н о т а ц и я. В статье исследуются способы конструирования названий рекламных и PR-организаций, ведущих свою деятельность на территории Дальневосточного федерального округа России. Автор выделяет 32 категории эргонимов, проводит их анализ и выявляет наиболее популярные способы нейминга в указанной сфере. Исходя из проведенного исследования, автор дает оценку креативности основателей компаний.

К л ю ч е в ы е с л о в а: нейминг; эргонимы; рекламные компании; PR-компании; медиасистема; Дальневосточный федеральный округ

Б л а г о д а р н о с т и. Статья подготовлена в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук МК-5795.2021.2 «Медиасистема Дальнего Востока России: преодоление диспропорций».

NAMING PECULIARITIES IN ADVERTISING SPHERE OF RUSSIAN FAR EAST: A STUDY OF ADVERTISING COMPANIES' ERGONYMS

Vasilina A. Popil

*Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia
popil.va@dvfu.ru*

A b s t r a c t. The article examines the ways of constructing the names of advertising and PR-organizations in the Russian Far Eastern Federal District. The author identifies 32 categories of ergonyms, analyzes them and identifies the most popular naming methods in this area. Based on the conducted research, the author of the article assesses the creativity of the companies' founders.

К e y w o r d s: naming; ergonyms; advertising companies; PR-companies; media system; Far Eastern Federal District

© Попиль В. А., 2022

A c k n o w l e d g e m e n t s. The article was prepared within the framework of the grant of the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists-PhDs МК-5795.2021.2 «Media system of the Russian Far East: overcoming disproportions».

Появление новых игроков рынка и развитие уже существующих акторов в отдельных сферах российского бизнеса требует поиска эффективных способов по выделению компаний в конкурентной среде. Большинство организаций видит свою цель в нестандартном рекламном информировании, другие компании расширяют товарный ассортимент, третьи разрабатывают планы по выходу на новые рынки. Но на начальном этапе знакомство потребителя с товаром или услугой начинается с имени [Слободянюк], т. е. организации после определения стратегии бизнеса, мотивов потенциальных потребителей, а также конъюнктуры рынка, на котором она планирует осуществлять свою деятельность, необходимо заняться неймингом.

Понятие «нейминг» включает в себя разработку названия организации, товара или услуги с использованием инструментов лингвистики, фоносемантики и психоанализа [Винокурова, Соловьева]. Также нейминг представляет собой деятельность, направленную на создание языковой единицы, обладающей определенными особенностями, такими как броскость, оригинальность и т. д. [Корчагина]. Многие современные исследователи отмечают, что процесс разработки названий организаций, товаров и услуг в России существенно отстает от западноевропейских трендов. Кроме того, прослеживается разрыв между неймингом в крупных городах РФ и креативом на периферии, где активно используются уже устаревшие техники [Наниева]. Тем не менее, почерпнув в сети Интернет базовые знания о способах построения названий, владельцы бизнеса самостоятельно или с помощью брендинговых агентств приступают к разработке эргонима — нейма своей фирмы, способного быстро привлечь внимание и запомниться целевой аудитории. Процесс разработки нейма требует значительных усилий: создавая название, носитель языка должен мобилизовать свои знания об окружающем мире, сортировать и анализировать их, используя языковые знания и лексические единицы языка [Лутфуллаева, Сапарниязова]. В то же время название организации любой сферы деятельности должно быть сконструировано таким образом, чтобы его автор и реципиент одинаково воспринимали замысел и смысл сообщения, а эргоним рождал схожие у обеих сторон ассоциации.

Исследованиями названий компаний различных сфер деятельности в нашей стране в первую очередь занимаются лингвисты и психологи, предлагая параметры классификации бренд-неймов: по степени эффективности, по техническому способу образования, по признакам рациональности и эмоциональности, по тематике наименований, по характеру выбранных языковых и литературных приемов [Изотова], выделяя роли и функции эргонимов [Алистанова]. Тем не менее данная тема в последнее время привлекает внимание представителей других областей знаний, а также практиков: детальному анализу подвергается

нейминг ресторанного бизнеса [Мерцалова], высших учебных заведений [Петушкова], медицинских организаций [Винокурова, Соловьева], гостиничного бизнеса [Корчагина], таксомоторного бизнеса [Брюхова, Старцева], ритуальных агентств [Пантелеева] и т. д. По мнению автора данного исследования, в названиях организаций, предоставляющих услуги по информационному продвижению, должна быть более масштабная творческая составляющая, чем в эргонимах компаний других сфер: креативная деятельность рекламщиков и пиарщиков призвана находить отражение и в нейминге собственных агентств.

Данное исследование посвящено анализу эргонимов рекламных и PR-организаций, осуществляющих свою деятельность на территории Дальневосточного федерального округа РФ (ДФО) в 11 субъектах Федерации: Амурской области, Еврейской автономной области, Забайкальском крае, Камчатском крае, Магаданской области, Приморском крае, Республике Бурятия, Республике Саха (Якутия), Сахалинской области, Хабаровском крае и Чукотском автономном округе. Основным методом исследования стал контент-анализ. Единицами отбора выступили наименования рекламных и PR-компаний ДФО, представленных на сайте «2ГИС» [Карта городов России]. При этом в сплошную выборку ($N = 982$) вошли как агентства полного цикла, так и специализированные компании, типографии, оказывающие рекламные услуги, а также индивидуальные предприниматели, зачастую имеющие в штате одного-двух профессионалов или использующие услуги фрилансеров.

Автор исследования выдвинул следующие гипотезы:

1. Наиболее популярным способом формирования названия рекламной компании в ДФО является указание на ее местоположение: нейм связан с городом, субъектом Федерации, федеральным округом.

2. Значительная часть названий (10–15 %) рекламных и PR-организаций в ДФО имеет «этнические корни», т. е. сформирована на якутском и бурятском языках.

3. Около половины неймов в рассмотренной сфере деятельности на Дальнем Востоке РФ имеют латинское написание.

В ходе контент-анализа нами было выделено 32 категории неймов рекламных и PR-организаций на территории российского Дальнего Востока. Основным критерий формирования каждой категории — включение в нее не менее четырех компаний. Наименее популярными категориями, объединившими по четыре организации, предоставляющие рекламные услуги, стали:

1. **«Первые»:** «Первая типография» (г. Благовещенск, Амурская область), «Первое Маршрутное Телевидение» (г. Улан-Удэ, Республика Бурятия), «Первая печатня» (г. Усурийск, Приморский край), «Первый Рекламный» (г. Хабаровск, Хабаровский край)). Названия компаний в категории «Первые» говорят потребителю услуг о том, что, во-первых, возможно, данные организации действительно появились одними из первых в каждом городе и функционируют в настоящее время, что подтверждает их конкурентоспособность в глазах клиентов, а во-вторых, эти организации, возможно, оказывают услуги на высшем уровне

(в контексте «первый = лучший, победитель»). Вместе с тем авторы таких неймов не нарушают пункт 2 статьи 5 ФЗ «О рекламе», поскольку названия не содержат некорректные сравнения рекламируемого товара с находящимися в обороте товарами, которые произведены другими изготовителями или реализуются другими продавцами [ФЗ «О рекламе»].

2. **«Микс»** (англ. «смесь») — подчеркивает наличие нескольких видов услуг в каждой из представленных организаций. Так, например, уссурийский «Телемикс» предлагает размещение рекламы в средствах массовой информации и производство наружной рекламы, елизовский «Фотомикс» занимается не только фотографией, но и всеми видами полиграфии, в перечень услуг «Рекламного микса» из с. Чигири входит полиграфия и наружная реклама, а в перечень «Микс-Арта» в Якутске — полиграфия, наружная и сувенирная продукция. По мнению автора статьи, увидев данные названия, потенциальный потребитель представит себе более обширный комплекс предложений каждой организации, и такие неймы были бы более логичны для полносервисных агентств.

3. **«Партнер»**: «Бизнес Партнер» (г. Владивосток, Приморский край), «Бабич и Партнеры» (также г. Владивосток), «Партнер+» (г. Артем, Приморский край), «Сах Медиа Партнер» (г. Южно-Сахалинск, Сахалинская область). В каждом из четырех названий лексема «партнер» идентична понятию «компаньон по бизнесу». Таким образом, согласно задумке авторов неймов, сотрудники агентства (в трех случаях из четырех в Приморском крае) не просто выполняют заказы клиентов, а становятся полноправными участниками всего бизнес-процесса, построенного на принципе взаимодоверия.

По пять рекламных и PR-организаций на территории ДФО объединили четыре категории:

1. **Неймы в честь знаменитостей**: «EDDISON» (г. Владивосток), «Александр Дарвин» (г. Улан-Удэ) и просто «Дарвин» (г. Хабаровск), «Элен и ребята» (г. Благовещенск), «КонтейнерДжекаДэниэлса» (г. Якутск). Такие названия даются в первую очередь для привлечения внимания потребителей и быстрого запоминания компании. В каждом отдельном случае можно придумать интересную легенду, связывающую деятельность организации с известной личностью.

2. **«Вектор»**: «Вектор» (во Владивостоке, Благовещенске и Улан-Удэ), «Vector VTL» (г. Благовещенск), «New Vector» (г. Чита). Данная категория указывает на четкую направленность действий компании.

3. **«Креатив»**: «Креатив» (в Находке и Аниве), «Creative Custom» (г. Владивосток), «Креатив Бюро» (г. Владивосток), «Агентство Креативных Идей» (г. Якутск). В каждом нейме подчеркивается творческое направление деятельности организации, что бесспорно важно для рекламного агентства. Вместе с тем примечательно то, что ни одно из 982 названий, проанализированных нами, не содержит лексему «творчество»: иноязычный «креатив» оказывает более эффективное влияние на целевую аудиторию.

4. **«Фабрика»**: «Фабрика рекламы XXI век» (г. Владивосток), «Фабрика рекламы» (в Хабаровске, Корсакове, Магадане, Улан-Удэ). Данная категория

имеет практически то же значение, что и рассмотренная нами ранее категория «Микс», — комплекс различных рекламных услуг: наружная реклама, реклама на транспорте, разработка и поддержка веб-сайтов, полиграфия, сувенирная продукция. Тем не менее в Магадане агентство с таким масштабным названием предлагает только услуги по изготовлению и размещению наружной рекламы, т. е., по мнению автора исследования, логично было бы конкретизировать название, превратив компанию в «Фабрику наружной рекламы».

Следующие три категории объединили по шесть рекламных компаний:

1. **«Линия»:** «FreshLine» (г. Владивосток), «Artline Pro» (г. Владивосток), «ARTLine» (г. Уссурийск), «LINE» (г. Улан-Удэ), «Восьмая линия» (г. Хабаровск), «7 Красных линий» (г. Чита). Линия, как и вектор, — символ четкости и стабильности. В глазах клиентов каждое из агентств придерживается определенной линии ведения бизнеса, скорее всего, устраивающей заказчика.

2. **«Идея»:** «Идея» (в Уссурийске, Комсомольске-на-Амуре, Петропавловске-Камчатском, Благовещенске, пгт Нижний Бестях), «Агентство Креативных Идей» (г. Якутск). Данная категория указывает на то, что организация всегда готова к нестандартному решению проблем заказчика, к новому замыслу. В этом плане прослеживается схожесть с категорией «Креатив», а название одного из агентств в Якутске даже объединяет обе выработанные нами категории.

3. **«Графика»:** «Графика» (в Находке, Биробиджане и Благовещенске), «Принтграфика» (г. Комсомольск-на-Амуре), «ПромГрафика» (г. Петропавловск-Камчатский), «Графика Принт» (г. Улан-Удэ). Категория найминга, связанная с рисованием, определяет основной комплекс услуг компании: в двух случаях это полиграфические услуги, а также изготовление и размещение наружной рекламы, еще в двух — исключительно наружная реклама, «Графика» в Благовещенске предлагает изготовление и размещение наружной и транзитной рекламы. Вместе с тем компания из Улан-Удэ, помимо производства полиграфической и сувенирной продукции, проводит маркетинговые исследования, что сложно ассоциировать с лексемой «Графика».

Еще четыре выделенные нами категории объединили по семь коммуникативных организаций:

1. **«Дом»:** «Digital-агентство House» (г. Владивосток), «Хаус Медиа» (г. Владивосток), «Лайтхаус» (г. Южно-Сахалинск), «Сахалинский дом рекламы» (г. Южно-Сахалинск), «Дом рекламы» (г. Благовещенск), «3Дом проект» (г. Улан-Удэ), «ArtHome Мята» (г. Улан-Удэ). Дом, бесспорно, меньше фабрики, описанной нами выше, но также подразумевает комплекс услуг по информационному продвижению.

2. **«Космос»:** «SpacePromo» (г. Владивосток), «РАКЕТА RED» (г. Владивосток), «GRAVITACIA Disign» (г. Владивосток), «Space agency» (г. Хабаровск), «Space crabs» (г. Петропавловск-Камчатский), «Спутник-Медиа» (г. Свободный), «Геосфера» (г. Улан-Удэ). Космическая тема является модной на протяжении нескольких лет, а подобные названия указывают на внеземные возможности каждого из агентств по продвижению товаров и услуг клиента.

3. **«Формат»:** «Правильный формат» (г. Владивосток), «BIG format» (г. Находка), «Format DV» (г. Находка), «Формат» (г. Петропавловск-Камчатский, Улан-Удэ), «Формат +» (г. Якутск), «MEDIA FORMAT» (г. Улан-Удэ). В данном случае форматы, т. е. площадки для размещения, предоставляемые компаниями, разные: это и реклама в подъездах, и полиграфия, и сувенирная продукция, и наружная реклама. Сам термин «формат» выглядит статусно и весомо, что определяет его выбор в процессе нейминга.

4. Отдельно хотелось бы уделить внимание категории **«Этнические названия»**, представленной в Республике Саха (Якутия) и Республике Бурятия. До проведения исследования автор выдвинул гипотезу о том, что подобных названий в списке будет значительно больше. Данное предположение базировалось на том, что, например, большинство ойконимов в Якутии якутского происхождения [О якутских названиях]. Гипотеза не подтвердилась: только семь рекламных организаций в республиках Дальневосточного федерального округа РФ, по данным 2GIS, имеют этнические неймы. В Якутске это «Салгын Кут», «АХСЫМ», «Тэтим», «Дайбы», «Сайдыы» и «Талба». При этом примечательно, что только одна компания в Улан-Удэ — «Ариг Ус» имеет этническое название, еще 141 агентство в этом городе носит русский или англоязычный нейм.

По восемь рекламных и PR-компаний объединили три нейминговые категории: «Мир», «Лаборатория» и «Новое» (табл. 1).

Таблица 1

**Неймы рекламных и PR-организаций ДФО:
категории «Мир», «Лаборатория», «Новое»**

Категория	Неймы рекламных и PR-организаций
Мир	Мир Рекламы (Владивосток), Мира (Находка), Мир Рекламы (Алдан), Рекла-Мир (Якутск), Мир рекламы (Благовещенск), Цветной мир (Чита), Мирра+ (Чита), Мир рекламы03 (Улан-Удэ)
Лаборатория	LAB.Company (LAB.Present) (Владивосток), CONCEPT LAB (Владивосток), URAN AdLab (Якутск), TABLAB (Якутск), Z-Labs (Благовещенск), Kinolab (Благовещенск), FreeLab (Благовещенск), Секретная лаборатория (Чита)
Новое	Нью Тон (Владивосток), NEWSAKH PRODUCTION (Южно-Сахалинск), Нью вижн (Якутск), Novareal (Якутск), ньюБОРД (Чита), New Vector (Чита), Ньюмедиа Групп (Улан-Удэ), НоваПринт (Улан-Удэ)

Нейминговая категория «Мир» включает значения категорий «Микс» и «Фабрика», описанных нами выше. Исходя из логики этой категории, агентства с такими названиями должны предоставлять полный перечень рекламных услуг. На практике оказывается, что ни одна из представленных восьми компаний не оказывает все рекламные услуги: чаще всего список их услуг ограничен полиграфией и производством наружной рекламы. Лексема «лаборатория» (или сокращенное английское «lab»), по нашему мнению, выбрана авторами названий

как нечто таинственное, место, где творят настоящие исследователи рекламного дела. Что касается категории «Новое», представленной в названиях словами «ню», «new», «nova», «нова», то, возможно, авторы хотели показать клиентам новые направления в своей деятельности, уникальные в конкурентной среде, или в свое время данные компании были действительно новыми на рынке (антагонизм категории «Первые»).

По 10 компаний включали нейминговые категории «Сети» и «Бизнес» (табл. 2).

Таблица 2

Неймы рекламных и PR-организаций ДФО: категории «Сети» и «Бизнес»

Категория	Неймы рекламных и PR-организаций
Сети	Вебси (Владивосток), Вебинком (Якутск), ЯкВеб (Якутск), Байкал-Веб (Улан-Удэ), Webbelov (Владивосток), Sterweb.ru (Благовещенск), AmurWeb (Благовещенск), Website75 (Чита), Zab-Net (Чита), AmoWeb (Улан-Удэ)
Бизнес	Бизнес Партнер (Владивосток), Бизнес решения (Владивосток), Бизнес Кейс (Владивосток), Business Kitchen (Артем), Internet Business Group (Петропавловск-Камчатский), Бизнес-полиграфия (Нерюнгри), Тындинская бизнес-справка (Тында), Бизнес Печать (Чита), Business Code (Чита), Бизнес Форвард Улан-Удэ (Улан-Удэ)

При этом в категорию «Сети» вошли компании с такими лексемами в названиях, как «веб», «web» и «net». Логично, что все десять агентств занимаются digital-продвижением (онлайн) заказчиков. Категория «Бизнес» в данном случае схожа с описанной нами выше категорией «Партнер». К слову, четыре рекламных и PR-организации из десяти располагаются в Приморском крае.

Далее в нашем исследовании следуют две нейминговые категории, включающие по 12 компаний: «Город» («город», «мегаполис», «city», «сити») и «Превосходная степень» («big», «мега», «max», «maxi», «макс») (табл. 3).

Таблица 3

Неймы рекламных и PR-организаций ДФО: категории «Город» и «Превосходная степень»

Категория	Неймы рекламных и PR-организаций
Город	Город (Владивосток), Мегаполис видео (Владивосток), CITY MEDIA GROUP (Владивосток), Неоновый город (Хабаровск), Colors City (Корсаков), Радио Сити Сахалин (Южно-Сахалинск), Мой город (Якутск), City Impulse (Благовещенск), City Walls (Благовещенск), City LED (Благовещенск), Ситимедиа (Чита), Яркий город (Улан-Удэ)
Превосходная степень	BIG format (Находка), Мега (Благовещенск, Свободный), MAXSYS (Благовещенск), Мегаполис видео (Владивосток), Мега Контекст (Владивосток), Мега Плюс (Находка), Макс Медиа (Улан-Удэ), LeadMax (Улан-Удэ), Максимум рекламы (Хабаровск), Максла (Хабаровск), MAXI-Pro (Чита), M@XSOUND (Чита)

Категория «Город», с одной стороны, схожа по интерпретации с категориями «Мир» и «Фабрика» и подразумевает широкий комплекс рекламных услуг. С другой стороны, все агентства с «городскими» неймами расположены в городах субъектов Федерации и, вероятно, нацелены на городскую аудиторию. Неймы из категории «Превосходная степень» также указывают на широкий комплекс услуг, но на практике большинство агентств из этого списка специализированные, поэтому такая гигантомания авторов не оправдана.

Еще одной интересной категорией, включающей 15 рекламных и PR-агентств, является нейминговый блок «Цвета», куда вошли «Black Production & Agency» (г. Владивосток), «Черный куб» (г. Владивосток), «Белый Барс» (г. Владивосток), «РАКЕТА RED» (г. Владивосток), «Redlama» (г. Владивосток), «GreenRed» (г. Владивосток), «Redpark» (г. Владивосток), «Зеленый Лист» (пос. Трудовое), «Red Corner» (г. Южно-Сахалинск), «Белая ворона» (г. Благовещенск), «7 Красных линий» (г. Чита), «Red Vox» (г. Улан-Удэ), «Черный квадрат» (г. Петропавловск-Камчатский), «Yello Digital» (г. Улан-Удэ), «Black & White» (г. Улан-Удэ). Из них 8 компаний представляют Приморский край (7 во Владивостоке и одна в пос. Трудовое), а наиболее предпочтительными цветами в названиях являются красный — цвет свободы, отваги и праздника (7 организаций) и черный — цвет статуса и роскоши (4 организации).

Две нейминговые категории («Студия» и «Центр») включают по 17 рассмотренных нами организаций (табл. 4). Обе категории указывают на определенное место, в котором происходит процесс рекламного творчества. В этом такие названия схожи с категориями «Лаборатория», «Фабрика», «Дом».

Таблица 4

Неймы рекламных и PR-организаций ДФО: категории «Студия» и «Центр»

Категория	Неймы рекламных и PR-организаций
Студия	Studio 501 (Владивосток), XML Studio (Владивосток), 33/87 STUDIO (Владивосток), ITD Studio (Владивосток), СТУДИЯ 19 (Владивосток), R-студия (Уссурийск), АртСтудия (Уссурийск), Студия 117 (Хабаровск), Контрол`Пэ студия (Петропавловск-Камчатский), KIT STUDIO (Петропавловск-Камчатский), PaliArt Studio (Елизово), Студия-5 (Чита), DARK STUDIO (Благовещенск), inART studio (Благовещенск), Studio 108 (Улан-Удэ), ROZETKA-SMM STUDIO (Улан-Удэ), Noname-studio (Улан-Удэ)
Центр	Кредо. Центр рекламных технологий (Владивосток), Принт-центр (Владивосток), Центр документации (Владивосток), Reklama Center (Владивосток), Центр Деловых Услуг (Хабаровск), Туймаада центр (Якутск), Копицентр (Якутск), Республиканский Медиа-Центр (Якутск), Центр рекламы (Якутск), Амурский медиа центр (Благовещенск), Копицентр (Чита), Реклама-центр (Чита), Эпицентр (Чита), КОПИ-Центр (с. Нижний Саянтуй), Центр-Принт (Улан-Удэ), Центр Рекламных Услуг (Улан-Удэ), Фотокопицентр (Улан-Удэ)

Три следующие категории объединили по 22 нейма рекламных агентств. Первая из них — «Эпонимы» — включает названия в честь основателей организаций («Коковихин Диджитал», г. Владивосток; «Serjio Smirnov PRODUCTION», г. Чита; «Вусович & К», г. Улан-Удэ и т. д.) и эргонимы в честь родных и близких («Алина», г. Уссурийск; «Алиса-арт», г. Петропавловск-Камчатский; «Виктория», г. Якутск; «Диана», г. Улан-Удэ и т. д.). В данном случае, когда в название закладывается имя учредителя, исследователи говорят о мемориальной функции нейма [Алистанова], т. е. агентство способно сквозь время пронести гордое имя ее основателя: Коковихина, Смирнова, Вусовича и других рекламных деятелей. Чаще всего эпонимический нейминговый прием для рекламных и PR-агентств используется в Приморском крае: названия десяти компаний образованы таким способом. Именно эта тенденция господствовала в Москве примерно с 1995 по 2003 г. и постепенно уступила место профессиональному неймингу [Наниева].

Также 22 нейма агентств вошли в категорию «Флора»: «Кактус» (г. Владивосток), «Лайм» (г. Хабаровск), «Вапана 101» (г. Южно-Сахалинск), «Апельсин» (г. Магадан), «Черника» (г. Петропавловск-Камчатский) и т. д. При этом два агентства в ДФО имеют названия «Апельсин» — во Владивостоке и Магадане, также в Благовещенске (Амурская область) функционируют две компании, названия которых связаны с еще одним фруктом — абрикосом: «Абрикос» и «Абрикос-ДВ», и названия еще двух организаций связаны с лаймом: «Лайм» в Хабаровске и «Lime agency» в Благовещенске. Интересно то, что в этой категории г. Благовещенск лидирует по количеству неймов рекламных агентств — их пять: «Абрикос-ДВ», «Абрикос», «Lime agency», «Лимон» и «Клевер».

Еще одна нейминговая категория «Группа», включившая также 22 наименования рекламных компаний, подразумевает наличие команды профессионалов и одновременно некую сплоченность заказчика и исполнителя в процессе работы над рекламным сообщением. В этом данная категория схожа с категорией «Партнер», и, как в случае с «Партнером», здесь лидирует Приморский край с десятью рекламными фирмами: РПК «BSD-group», «PROFI GROUP», «JB Group Production & Digital», «CITY MEDIA GROUP», «Grossman Group», «Фарбэй Медиа Групп», «Русская Медиагруппа», «Фьюжн Групп», «Тулиграм Групп» (все во Владивостоке), «САХА-групп» (г. Артем).

Тридцать рекламных и PR-организаций вместила в себя категория «Фауна». Автор исследования отмечает, что давать рекламной компании название животных на Дальнем Востоке РФ любят больше, чем связывать неймы с растениями. Возможно, этот факт связан с тотемизмом, и основатели организаций верят в силу существа, закрепленного в названии. Отметим, что в рассмотренных нами неймах присутствуют не только существующие звери, но и вымышленные: три «Феникса» (во Владивостоке, Комсомольске-на-Амуре и Улан-Удэ) и один «Кентаурус» в Магадане. Что касается реальных существ, то в названиях рекламных агентств дальневосточные креативщики любят упоминать хамелеонов (агентства с таким названием функционируют в Южно-Сахалинске, Чите и Улан-Удэ) и слонов («Бумажный Слон» в Южно-Сахалинске, «СЛОН» в Улан-Удэ, «Мамонт»

в Якутске). В эту же категорию входят два барса («Белый барс» во Владивостоке и «Барс» в Улан-Удэ), две акулы (в Благовещенске и Улан-Удэ), два жирафа (в Хабаровске и Якутске) и две совы (брендинговое агентство «СОВА» во Владивостоке и «Фото-Сова» в Южно-Сахалинске).

Следующей выделенной нами категорией стали акронимы (аббревиатуры), которые использовали 32 рекламные организации. Практики подчеркивают, что в случае с аббревиатурами клиент может перепутать (или забыть) одну букву и ввести в поисковой строке не то название и, следовательно, не найти нужный сайт и контакты [Как корабль назовешь...]. Действительно, в названиях V.L.A., FPRG, ВИТ, ЛНТ, NAVL, КВК, ПИТ, ЛІК, ДІВ, ЧІБ и т. д. не так просто найти логичную расшифровку, не зная реальной истории формирования каждого из акронимов, и запомнить эти аббревиатуры.

Третье место по количеству неймов рекламных и PR-организаций занимает категория «Медиа». Сама лексема является довольно популярной и была в свое время позаимствована из английского языка в значении «СМИ». Рекламные агентства не входят в категорию средств массовой информации, но ведут активную деятельность с такими каналами, как телевидение, радио, печатная продукция и интернет. В категорию вошло 40 рекламных и PR-компаний Дальнего Востока, большинство (11) расположены в Приморском крае, семь — в Забайкальском, шесть — в Республике Бурятия.

Еще одной довольно популярной нейминговой категорией, включившей 45 агентств, стало направление, обозначенное нами как «Искусство», куда вошли все названия с лексемами «арт» и «art». По наполнению данная категория схожа с уже описанным нами выше «Креативом»: основатели рекламных и PR-компаний доказывают свою тесную связь с миром искусства, подразумевая создание не только коммерчески эффективных, но и эстетически привлекательных рекламных сообщений. В сформированном нами списке больше всего рекламных и PR art-организаций в Приморском крае (16): «Art-Print», «Art Lime», «Artline Pro» и т. д., и Республике Бурятия (10): «Арт-Лазер», «Арт-Медиа», «АРТмосфера» и т. д.

Наиболее объемной по количеству входящих в нее названий рекламных и PR-организаций стала категория «Локальная географическая принадлежность» (83 компании), что подтверждает нашу первую гипотезу. По мнению практиков, использование в нейминге названий городов и стран хорошо только тогда, когда город плотно связан с товаром, который производится в этой местности [Как корабль назовешь...]. Дальневосточные рекламные и PR-компании не имеют уникального торгового предложения, отличающего их от таких же организаций в других регионах России. Тем не менее на локальном рынке каждое из агентств с названием из данной категории может зарекомендовать себя в глазах иногороднего заказчика, вошедшего на рынок ДФО. Большинство неймов (20) в категории «Локальная географическая принадлежность» имеют привязку к Дальнему Востоку РФ: в таких названиях эта привязка обозначена лексемами «Дальневосточное», «ДВ», «DV», «Восток» и «Pacific». Многочисленны неймы, связанные с субъектами Федерации: полные (например, «Приморский комбинат рекламы»)

и сокращенные (например, «Тонсах», «ЯкВеб» и т. д.) названия субъектов, коды субъектов Федерации (27, 65, 14, 75). Длинный перечень названий рекламных компаний, имеющих отношение к населенному пункту, в котором они расположены: «ВладНеон», «Konica Churapcha», «ЧитаРеклама» и т. д.

Последней гипотезой, выдвинутой нами на первом этапе проведения исследования, стало предположение о том, что около половины неймов в рассмотренной сфере деятельности на Дальнем Востоке РФ имеют латинское написание. Согласно данным, предоставленным базой 2ГИС, в ДФО действует 286 рекламных и PR-агентств с неймами на латинице, что составляет 29 % от общего количества компаний. Следовательно, данная гипотеза опровергнута: названия на кириллице преобладают на данный момент.

Таким образом, в процессе исследования из 32 сформулированных нами категорий неймов рекламных и PR-организаций Дальневосточного федерального округа России мы выявили наиболее популярные техники создания названий: лидирующие позиции заняли категории «Локальная географическая принадлежность» — 83 нейма, «Искусство» — 45 неймов, «Медиа» — 40 неймов. Кроме того, некоторые из категорий могут быть объединены в более широкие концепции. Так, например, «Искусство», «Креатив» и «Идея» могут составить единую категорию «Оригинальность» и в этом случае включить 56 названий (45 + 5 + 6). По той же схеме можно объединить «Город», «Мир» и «Превосходную степень» в контексте «Большой выбор», который бы вместил 32 названия организаций (12 + 8 + 12). Также нами было обнаружено, что некоторые рассмотренные единицы нейминга совмещают несколько категорий, поскольку основной задачей специалиста по созданию успешного бренда является передача максимального количества информации крайне ограниченными средствами (Корчагина). Примерами могут послужить следующие названия: «Арт-ДВ», «Бизнес Партнер», «Ньюмедиа Групп» и т. д.

Наши итоговые расчеты показали, что, несмотря на выявленные нами популярные приемы «неймотворчества», больше половины (более 500) названий рекламных и PR-организаций ДФО не вошло ни в одну из предложенных категорий: это либо нейминговые группы из 2 или 3 эргонимов, либо абсолютно оригинальные названия. Данный результат позволяет нам говорить о высокой доли креативности основателей рекламных и PR-агентств на Дальнем Востоке РФ.

Алистанова Ф. Ф. Функции эргонимов в ономастическом пространстве города // Современный ученый. 2019. № 2. С. 219–223.

Брюхова О. Ю., Старцева Н. Н. Нейминг как инструмент маркетинга в таксомоторном бизнесе // Вестн. Евразийской науки. 2019. № 5. С. 70–77.

Винокурова А. М., Соловьева Ю. С. Нейминг как элемент брендинга медицинской организации // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2019. № 2. С. 9–14.

Изотова Е. И., Сизова В. В. Лингвомаркетинговые тенденции развития нейминга // Вестн. ТвГТУ. Сер. : Науки об обществе и гуманитарные науки. 2018. Вып. 3. С. 71–75.

Как корабль назовешь... или Как правильно разработать нейм : [Два слова : брендинговое агентство]. URL: <https://dvaslova.com/blog/branding-design/kak-pravilno-razrabotat-neum/> (дата обращения: 16.10.2021).

Карта городов России : [2GIS]. URL: <https://2gis.ru/> (дата обращения: 11.10.2021).

Корчагина Е. П. Нейминг как процесс формирования рекламного дискурса на примере наименований объектов гостиничного бизнеса // Актуальные проблемы языкознания : сб. ст. СПб., 2018. С. 23–29.

Лутфуллаева Д. Э., Сапарниязова М. Нейминговая технология: функции информативности, коммуникативной результативности и речевого воздействия неймов // Вестн. науки и образования. 2020. № 11 (89). С. 46–51.

Мерцалова С. Л. К вопросу о значении нейминга в ресторанном бизнесе // Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования. 2018. № 8. С. 292–295.

Наниева Л. В. Нейминг: сущность и особенности на локальном рынке // Вестн. Сев.-Осет. гос. ун-та им. К. Л. Хетагурова. Общественные науки. 2018. № 1. С. 130–133.

О якутских названиях : [Республика Саха Якутия]. URL: <https://республика-саха-якутия.рф/stati/jakutija/o-jakutskih-nazvanijah.html> (дата обращения: 13.10.2021).

Пантелеева Л. М. Коммуникативная эффективность и лингвокультурная информативность названий ритуальных агентств // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2019. № 4. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/01FLSK419.pdf> (дата обращения: 13.10.2021).

Петушкова Е. В. Нейминг в системе высшего образования как значимый инструмент в формировании бренда вуза // Инновации и инвестиции. 2019. № 1. С. 85–88.

Слободянок Э. Ю. Настольная книга копирайтера. М., 2008.

ФЗ «О рекламе». Ст. 5. Общие требования к рекламе : [КосультантПлюс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/f67f81c57fdcdacc2643d19d59369f7e185e1156/ (дата обращения: 27.10.2021).

Статья поступила в редакцию 08.11.2021 г.

Научная статья

УДК 343.1(470.5) + 351.74/76 + 316.775.3 + 17.022.1:351.74

DOI 10.15826/izv1.2022.28.1.004

**ФОРМИРОВАНИЕ ПОЗИТИВНОГО ОБРАЗА СОТРУДНИКА
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В СМИ
(на примере деятельности пресс-службы ГУФСИН России
по Свердловской области)**

Дина Сергеевна Татаренкова

ГУФСИН России по Свердловской области,

Екатеринбург, Россия

ttd1818@yandex.ru

А н н о т а ц и я. В статье представлен обзор исследований, посвященных формированию образа сотрудников правоохранительных органов, в том числе уголовно-исполнительной системы, в СМИ. На примере деятельности пресс-службы ГУФСИН России по Свердловской области рассмотрены пути формирования позитивного образа сотрудника уголовно-исполнительной системы. Контент-анализ материалов о пенитенциарном ведомстве Свердловской области, вышедших в федеральных и региональных СМИ в 2020 г., а также опрос журналистов, пишущих о СИЗО и колониях, показал, что на данном этапе интерес медиа смещен на материалы об осужденных, а не о сотрудниках. Позитивных материалов, которые готовит и распространяет пресс-служба ГУФСИН России по Свердловской области, в силу ряда факторов недостаточно для формирования позитивного образа сотрудника уголовно-исполнительной системы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: медиавоздействие; стереотипы в СМИ; общественное мнение; пресс-службы правоохранительных органов; образ сотрудника уголовно-исполнительной системы в СМИ

**FORMING A POSITIVE IMAGE
OF AN EMPLOYEE OF PENITENTIARY SYSTEM IN THE MEDIA
(on the Example of Working of the Press Service of the Penitentiary System
of Russian Federation in Sverdlovsk Region)**

Dina S. Tatarenkova

*Federal Penitentiary Service of Russia in the Sverdlovsk Region,
Ekaterinburg, Russia
ttd1818@yandex.ru*

Annotation. The article provides an overview of studies on the image of law enforcement officers, including the penitentiary system in the media. On the example of the activities of the press service of the Penitentiary system of Russia in the Sverdlovsk region, the ways of forming a positive image of an employee of the penitentiary system are considered. The method of content analysis of materials on the activities of the penal enforcement system for 2020 was used, which allowed us to conclude that at this stage the interest of journalists in preparing materials on the activities of the penal enforcement system is shifted to the topic of convicts, not employees. And the positive materials that are prepared and distributed by the press service of the Penitentiary system of Russia in the Sverdlovsk region, due to a number of factors, are not enough to form a positive image of an employee of the penal system.

Key words: media activity; stereotypes in the media; public opinion; press services of law enforcement agencies; image of an employee of the penal enforcement system in the media

Актуальность исследования, посвященного способам формирования позитивного образа сотрудника уголовно-исполнительной системы в средствах массовой информации, обусловлена общественным резонансом, вызванным сообщениями о пытках и нарушениях прав осужденных, вышедшими в российских средствах массовой информации в конце 2021 — начале 2022 г. С одной стороны, данные материалы привлекли внимание общественности к преступлениям, а с другой стороны — сформировали негативное отношение ко всем сотрудникам пенитенциарного ведомства без исключения. Негативное отношение к ним в обществе как к представителям государственной власти влечет за собой негативное отношение к государству в целом, а также мешает формированию законопослушного поведения граждан.

Повышение уровня открытости и создание положительного мнения о деятельности пенитенциарной системы — одна из целей Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 г. Согласно концепции, в числе основных направлений совершенствования развития уголовно-исполнительной системы — повышение уровня взаимодействия с институтами гражданского общества, включая обратную связь с гражданами и средствами массовой информации.

У средств массовой информации есть ресурс по формированию общественного мнения о каком-то объекте или проблеме, по формированию определенных стереотипов. К примеру, Е. П. Прохоров считает, что журналисты помогают формированию общественного мнения, анализируя деятельность различных социальных институтов [Прохоров, с. 76]. А. Р. Тузиков утверждает, что «СМИ в состоянии в значительной степени программировать массовое сознание, ежедневно предлагая не только повестку дня (о чем думать и на что обратить внимание), но и задавая схемы интерпретации обсуждаемых событий» [Тузиков, с. 21].

В книге У. Липпмана «Общественное мнение» большое внимание уделяется понятию «стереотип». В процессе социализации, сталкиваясь с потоком обрушивающейся информации, индивид вырабатывает правила ориентации, понимания любой ситуации. Именно поэтому наше восприятие стереотипизировано. Объемность представления воссоздается по детали, которая в дальнейшем замещает целое. Изначально возникает фрагментарность его отражения, а само отражение варьируется от точного понятия до неуловимого намека. Это фрагментарное представление об объекте «цементируется» как завершенное и не подвержено ни малейшему изменению. У. Липпман писал, что «картинки в наших головах» складываются в большей степени из того, что мы видели и слышали из СМИ. В современном мире именно они создают большинство стереотипов (цит. по: [Катлип, Сентер, Брум, с. 138]).

М. В. Жерновой и Г. Ю. Шевчук отмечают: «Своей деятельностью СМИ не только информируют население о процессах, происходящих в регионе, стране или мире, но и формируют мнение общества, способствуя развитию и утверждению в нем определенных стереотипов, соответствующих уровню развития демократии, характерного для данного государства» [Жерновой, Шевчук, с. 33].

Имиджу сотрудников правоохранительных органов посвящено учебное пособие А. Л. Ситковского [Ситковский], исследование Н. Е. Браженской, Р. Е. Чернородова. Последние, проанализировав материалы в СМИ об МВД, а также официальные аккаунты полиции, приходят к выводу, что «...образ российского полицейского размыт, существуют отрицательные стереотипы: злоупотребление полномочиями, наличие вредных привычек, коррупционные правонарушения. Вместе с тем благодаря появлению официальных аккаунтов отделов полиции у населения возникла возможность узнавать больше информации о деятельности работников правопорядка и увидеть их с положительной стороны» [Браженская, Чернородов, с. 310].

С. И. Окс считает, что «от отношения социума к силовым структурам в значительной мере зависит отношение к государству в целом», и здесь ключевую роль играют средства массовой информации. «Соблюдение технологии формирования имиджа силовой структуры с учетом возможностей, которые предоставляют для этого современные СМИ, позволяет достичь поставленных целей максимально эффективно и в оптимальные сроки», — пишет она [Окс, с. 7].

Т. А. Наговицина, рассматривая деятельность пресс-служб уголовно-исполнительной системы, одной из их функций называет формирование позитивного

имиджа сотрудника [Наговицина]. Исследованию имиджа сотрудника МЧС посвящены работы Д. В. Сороки [Сорока] и К.Н. Киткина [Киткин].

Вопросы формирования имиджа уголовно-исполнительной системы рассмотрены в монографии «Социально-психологические аспекты деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы». Авторы исследования считают, что «...Федеральная служба исполнения наказаний более уязвима для информации, проходящей по каналам СМИ, чем иные государственные структуры. В отличие от других служб ФСИН не может иметь широкого контакта с общественностью, а режимность объектов УИС делает их закрытыми для широкой публики. Потому главным источником информации об УИС России для широких слоев населения остаются различные СМИ» [Социально-психологические аспекты..., с. 37].

Размещение в средствах массовой информации осужденными сообщений о нарушении их прав исследователи называют классическим «черным пиаром», «который, как и всякий “черный пиар”, не отличается достоверностью и плотностью». По мнению исследователей, «под влиянием негативного общественного мнения, волны публикаций в СМИ и последовавших от стран Запада и международных организаций требований по гуманизации отечественной уголовно-исполнительной системы, правительство РФ оказывается вынуждено вводить дополнительные права и льготы для осужденных и еще больше ограничивать применение карательных мер к нарушителям» [Социально-психологические аспекты..., с. 38].

Однако проведенный в ходе нашего исследования анализ сообщений в федеральных и региональных СМИ о деятельности ГУФСИН России по Свердловской области за 2019, 2020, 2021 гг. показал, что из 334 сообщений по 43 информационным поводам о нарушении прав осужденных, отбывающих наказания в исправительных учреждениях Свердловской области, плохих условиях отбывания наказания и преступлениях, совершаемых сотрудниками УИС, только 90 материалов по 15 информационным поводам не нашли подтверждения и были опровергнуты.

За три года вышло всего 5 сообщений по одному информационному поводу — о том, что ГУФСИН России по Свердловской области был выигран суд о защите чести, достоинства и деловой репутации. 27 марта 2019 г. Московский городской суд обязал фонд «Русь Сидящая» принести извинения сотрудникам и руководству ИК-13 в Нижнем Тагиле и опубликовать на своем сайте опровержение информации, размещенной 26 сентября 2018 г. на сайте www.zekovnet.ru, которая содержала сведения о якобы имевших место фактах коррупции в ИК-13, связанных с трудоустройством заключенных, их условно-досрочном освобождении и предоставлением иных привилегий за взятки.

Таким образом, значительная часть сообщений о правонарушениях в СИЗО и колониях является достоверной.

Кроме того, сообщения, которые формируют позитивный образ сотрудника УИС, дублировались журналистами меньше, чем сообщения о преступлениях, совершаемых работниками СИЗО и колоний. К примеру, о том, что в июне 2020 г. сотрудник-кинолог ИК-2 Сергей Софронов спас утопающего на Верх-Исетском

пруду г. Екатеринбурга, вышло 8 материалов, а о том, что в конце сентября 2021 г. в отношении заместителя начальника ИК-46 было возбуждено уголовное дело по факту коррупции, вышло 13 материалов.

В. И. Доможиров считает, что при освещении криминальной темы в СМИ «...возникает катастрофический дисбаланс между отрицательной и положительной информацией. Конечно, случаи нарушения закона человеком, который этот закон обязан защищать, всегда будут привлекать внимание массмедиа, однако на фоне почти полного отсутствия положительной информации у аудитории возникает искаженная картина образа сотрудника правоохранительных органов» [Доможиров, с. 38].

Авторы монографии «Социально-психологические аспекты деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы» выделяют причины недоверия граждан к органам госвласти, в частности уголовно-исполнительной системе. Во-первых, это так называемые «технические причины» — отсутствие соответствующих «служб» и специалистов. Во-вторых, причины «культурно-исторического» типа: из-за событий 1930–1950-х гг. об уголовно-исполнительной системе России сложилось необоснованное представление как о репрессивной организации с ужасными условиями содержания осужденных. Переполненные СИЗО и исправительные колонии в 1990-х гг. усугубили ситуацию. Подобные представления о современных условиях отбывания наказания не соответствуют действительности, но закрытость пенитенциарных учреждений способствует их сохранению. В-третьих, «организационные» причины, связанные с нехваткой квалифицированных кадров. И в-четвертых, «ресурсные» причины — недостаточное финансирование службы, отсутствие необходимой материальной и технической базы, маленький штат сотрудников и другое [Социально-психологические аспекты..., с. 40].

Решение проблемы авторы видят в активной деятельности пресс-служб уголовно-исполнительной системы, в том числе в осуществлении постоянного взаимодействия с общественными организациями, участии в реализации социально значимых проектов, проведении дней открытых дверей, «круглых столов», привлечении к сотрудничеству представителей экспертного сообщества, лидеров интернет-сообществ, размещении материалов на официальных сайтах территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний. Одной из наиболее распространенных ошибок в деятельности пресс-служб УИС называют запоздалую реакцию на какие-то негативные события. Отмечают также необходимость реагировать на комментарии к статьям про тюремное ведомство, предоставлять опровержения недостоверной информации, отстаивать репутацию организации в судебном порядке [Там же, с. 42].

С нашей точки зрения, аудиторией официальных сайтов территориальных органов Федеральной службы исполнения наказания и их страниц в социальных сетях в большей части являются сами сотрудники пенитенциарного ведомства либо родственники осужденных, а не граждане, которые не имеют отношения к системе исполнения наказаний. Однако они делают ФСИН «социальный заказ» по приведению в исполнение судебных приговоров, связанных с лишением

свободы людей, совершивших преступления, чтобы обеспечить безопасность общества в целом, следовательно, и они должны знать о проведенной правоохранителями работе. Их информирование возможно только через СМИ для широкой аудитории, поэтому важно уделять внимание не только размещению информации на официальных сайтах, но и ее распространению в СМИ.

Что же касается несвоевременного реагирования на негативные материалы в СМИ, то все пресс-службы УИС во всех регионах дают комментарии журналистам по фактам правонарушений в течение часа. Но проблема заключается в том, что информация о преступлениях часто подтверждается и не может быть опровергнута. Пресс-служба может только сообщить, что преступники в погонах понесут наказание, а также что в большинстве случаев эти преступления были выявлены сотрудниками управления собственной безопасности.

Поэтому при формировании позитивного образа сотрудника УИС важно не только оперативно реагировать на негативные материалы, но и создавать позитивные информационные поводы о деятельности УИС.

Контент-анализ материалов в СМИ о деятельности ГУФСИН России по Свердловской области за 2020 г. показал, что о деятельности УИС региона вышло всего 2605 материалов. Из них позитивных о сотрудниках — 501, т. е. примерно 19 %, негативных о сотрудниках — 56 (около 2 %), позитивных об осужденных (их трудоустройстве во время отбывания наказания, культурно-массовых и религиозных мероприятиях в колониях, бытовых условиях отбывания наказания, посещениях правозащитников и другие) — 1996 (76 %), негативных об осужденных (их нападениях на сотрудников СИЗО и колоний, употреблении наркотических веществ, уклонении от отбывания наказания и побегах) — 52 (2 %).

Неравное соотношение материалов о сотрудниках и осужденных (соответственно 40 % и 60 %) объясняется большим интересом СМИ к жизни заключенных. Однако пресс-релизы об осужденных чаще дублировались редакциями. Поэтому в каждом сообщении о том, в каких условиях отбывают наказания осужденные, чем они заняты в колониях, подчеркивается роль сотрудников. К примеру, в некоторых колониях есть студии кабельного телевидения, на которых осужденные сами готовят сюжеты, для осужденных проводятся спортивные турниры по хоккею с городскими спортивными командами. В материалах сообщалось, что эти мероприятия проходят именно благодаря сотрудникам учреждения.

К косвенным факторам формирования позитивного имиджа сотрудника УИС в СМИ можно отнести и сообщения об открытости уголовно-исполнительной системы — организации пресс-туров в колонии, постоянном посещении этих учреждений правозащитниками, прокурорами. В таких материалах подчеркивается, что скрывать сотрудникам нечего, система не является абсолютно закрытой, условия отбывания наказаний постоянно проверяют.

Материалы, формирующие позитивный образ сотрудников уголовно-исполнительной системы в СМИ, отражали следующие темы:

- о погибших героях — сотрудниках системы;
- спасение людей сотрудниками;

- участие в благотворительных акциях, оказание шефской помощи детским домам и центрам социальной помощи, больницам;
- личные интересы сотрудников, необычные увлечения, взаимоотношения в семье;
- о команде КВН ГУФСИН (такие материалы позволяют показать, что в УИС служат разносторонние люди, способные относиться с юмором к своей непростой службе);
- профессиональные, спортивные, научные достижения сотрудников уголовно-исполнительной системы.

К примеру, в СМИ широко освещался турнир по комплексному единоборству, посвященный памяти Героя России, начальника штабного отделения отдела специального назначения «Россы» ГУФСИН России по Свердловской области Сергея Багаева. Он погиб в январе 2000 г. в городе Грозном, прикрывая своих товарищей от огня в бою. На мероприятие были приглашены журналисты, материалы, подготовленные пресс-службой ГУФСИН, направлены в региональные и федеральные СМИ.

Также в СМИ публиковались материалы о турнире по самбо памяти кавалера ордена Мужества Анатолия Завьялова, погибшего при ликвидации массовых беспорядков в Кировградской воспитательной колонии в 2007 г.

В СМИ сообщалось о героических поступках, которые совершали сотрудники ГУФСИН, подчеркивалось, что они готовы рисковать жизнью ради других не только во время службы. Например, 30 апреля 2020 г. инспектор филиала Уголовно-исполнительной инспекции по Чкаловскому району г. Екатеринбурга Елена Калашникова спасла мужчину, который перелез через ограждение железнодорожного моста и хотел спрыгнуть на проезжую часть. В июне 2020 г. возвращавшиеся со службы сотрудники ИК-19 Елена Майкан и Янина Гартман смогли предотвратить изнасилование несовершеннолетней.

Медиа информировали о совместных операциях сотрудников ГУФСИН и МВД по предотвращению преступлений.

В ходе исследования был проведен краткий опрос 10 журналистов региональных и местных СМИ, освещающих тюремную тему.

На вопрос «Какая информация вам наиболее интересна для подготовки материалов — о сотрудниках уголовно-исполнительной системы или осужденных?» 10 опрошенных ответили — об осужденных. Объяснили это следующим образом: «сотрудники — это обычные люди, которые не отличаются от других, а вот осужденные — это отдельная социальная группа, закрытая часть общества, информация о них недоступна для всех, поэтому она вызывает больший интерес»; «осужденные — достаточно необычная тема, когда на кулинара выучился ваш сосед в техникуме — это неинтересно, а когда осужденный в колонии — интересно, это придает некую необычность информации, а что расскажешь про сотрудников — охраняет и все»; «чтобы рассказать, что происходит за закрытыми стенами, где многие никогда не побывают», «рассказать о том, что в тюрьме не так уж все страшно и после колонии люди могут вернуться в общество нормальными».

Вторым был вопрос: «Какая информация об осужденных вам наиболее интересна (о производстве в учреждениях; профессиональном обучении во время отбывания наказания; медицинском обеспечении осужденных; бытовых условиях отбывания наказания; защите прав осужденных; поддержании связей с семьей, творческих, спортивных конкурсах и необычных увлечениях; религиозных обрядах или другая)?» 6 представителей СМИ ответили — о производстве, 3 — о необычных увлечениях, 1 — о религиозных обрядах.

На третий вопрос анкеты «Упоминаете ли вы при написании материалов об осужденных статьи, за которые они отбывают наказания? Почему?» 7 человек ответило — «нет», мотивировав это тем, что аудитории и так понятно, что в колониях находятся преступники, что они совершили, уже неважно, поскольку получили наказание. 3 человека отметили, что «статьи не указывают, что отмечают режим учреждения — общий, строгий, особый».

На четвертый вопрос анкеты «Какая информация о сотрудниках уголовно-исполнительной системы вам была бы интересна для подготовки материалов (необычные увлечения сотрудников; их спортивные достижения; профессиональные конкурсы и достижения; работа по предотвращению преступлений в учреждениях; розыск преступников, уклоняющихся от наказания; участие в благотворительных акциях; другая)?» 5 человек ответило — профессиональные конкурсы, «если в них есть “движуха”, интересная картинка, например, как у спецназа — бегают стреляют, разбивают доски, или у кинологов — собаки что-то ищут, находят»; 4 — предотвращение преступлений, особенно если сотрудники проявляют «креатив» и им удается переиграть преступников: «Мы часто ставим ваши материалы про розыск преступников, потому что они у вас необычные. Например, как оперативники знакомились с осужденным под видом девушки через соцсети, чтобы поймать осужденного. Про изъятия публикуем постоянно, особенно когда друзья осужденных проявляют изобретательность, чтобы передать в колонию телефоны или наркотики, а сотрудники все равно их находят. Труссы в передаче, пропитанные героином, всей редакции обсуждали»; 1 — необычные увлечения.

Последний вопрос, заданный журналистам: «Всегда ли вы даете информацию о сотрудниках УИС, совершающих преступление? Почему?» 10 человек ответили «да», указав следующие причины: «к такой информации есть интерес у читателей»; «мы должны писать об “оборотнях в погонах”, их разоблачении и наказании, чтобы другие не совершали преступления, а если совершили, знали, что все равно будут наказаны»; «в этом есть некий контраст, противоречие, если хотите: человек, охраняющий преступников на зоне, сам идет по их стопам и тоже совершает преступление, такое будут читать».

Исследование позволяет сделать вывод, что для создания положительного образа сотрудника уголовно-исполнительной системы в СМИ пресс-секретарям уголовно-исполнительной системы необходимо, чтобы, во-первых, количество информационных поводов о профессионализме сотрудников, их геройских поступках было больше количества информационных поводов об их

преступлениях, ведь материалы о негативных информационных поводах чаще дублируются журналистами.

Во-вторых, следует размещать позитивную информацию о деятельности уголовно-исполнительной системы не только на официальных сайтах территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний, но и в средствах массовой информации для широкой аудитории. При этом, как отмечают сами журналисты, такие материалы для любого СМИ, телевидения или информационного агентства должны быть с интересной картинкой (не случайно интерес вызывает работа спецназа, кинологов) либо содержать игровой элемент, как информация о работе отдела розыска ГУФСИН.

В-третьих, в случае, если информация о преступлениях сотрудников УИС не является достоверной, она должна оперативно опровергаться с разъяснением, что это провокация со стороны осужденных, не желающих соблюдать установленный законом режим. Как правило, ложную информацию в СМИ через родственников, правозащитников, адвокатов распространяют осужденные, имеющие множество судимостей и дисциплинарных взысканий. Целесообразно сообщать о правонарушениях осужденного без указания персональных данных. Аудитория СМИ должна иметь представление, что сотрудники УИС охраняют общество от людей, совершивших преступления, иногда — очень тяжелые преступления. С этой же целью в СМИ нужно распространять пресс-релизы о наказаниях осужденных, напавших на сотрудников УИС или оскорблявших их.

И, в-четвертых, в случае, если информация о преступлениях сотрудников УИС подтверждается, сообщать об их наказании, подчеркивать, что руководство заинтересовано в чистке рядов от «оборотней в погонах», отмечать работу управления собственной безопасности в выявлении преступлений.

Браженская Н. Е., Чернородов Р. Е. Средства массовой информации как один из механизмов формирования имиджа полиции // Психопедагогика в правоохранительных органах (Омск). 2019. Т. 24, № 3 (78). С. 306–310.

Доможиров В. И. Формирование концепции освещения криминальной темы в средствах массовой информации // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2011. № 4 (95). С. 32–40.

Жерновой М. В., Шевчук Г. Ю. Роль средств массовой информации в формировании положительного имиджа сотрудников органов внутренних дел // Вопросы теории и практики : в 2 ч. Тамбов, 2013. № 7, ч. 2. С. 33–38.

Киткин К. Н. Имидж офицера МЧС в общественном мнении : дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2008.

Маклюэн М. Понимание медиа. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3528/3550> (дата обращения: 15.09.2021).

Наговицина Т. А. Пресс-службы уголовно-исполнительной системы России: структура, функции, информационно-коммуникационный потенциал // Журналистика цифровой эпохи:

как меняется профессия : материалы Междунар. науч.- практ. конф., Екатеринбург, 14–15 апр. 2016 г. Екатеринбург, 2016. С. 55–58.

Окс С. И. Формирование положительного имиджа силовых структур в СМИ: технология и обратная связь : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2011.

Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики. М., 2005.

Катлин С., Сентер А., Брум Г. Паблик рилейшенз. Теория и практика : учеб. пособие : пер. с англ. 8-е изд. : М., 2001.

Сорока Д. В. Формирование имиджа ведомства информационными потоками (на примере МЧС России) // Вестн. Адыг. гос. ун-та. Сер. 2 : Филология и искусствоведение. 2010. № 2. С. 65–69.

Социально-психологические аспекты деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы / под ред. Н. П. Полизаевой. Воронеж, 2015.

Тузиков А. Р. Теории идеологии в западной социологии: от критики «ложного сознания» к анализу дискурсивных практик массмедиа : дис. ... д-ра социол. наук. М., 2003.

Формирование «медийного образа» сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации. М., 2019.

Статья поступила в редакцию 17.10.2021 г.

Научная статья

УДК 821.111(417)-4 Уайльд + 070.1 + 7.035.93 + 81'42 + 159.942

DOI 10.15826/izv1.2022.28.1.005

МОДЕРНИСТСКАЯ ЭСТЕТИКА И КУЛЬТУРА ПОТРЕБЛЕНИЯ В ЖУРНАЛИСТИКЕ ОСКАРА УАЙЛЬДА

Роман Петрович Баканов¹

Лилия Георгиевна Егорова²

Дмитрий Валерьевич Туманов³

^{1, 2, 3} *Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Россия*

¹rbakanov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1097-8390>

²lge1964@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5035-8199>

³dvt1964@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5461-8127>

А н н о т а ц и я. В статье выявлена специфика авторского взгляда и творческой позиции в журналистских произведениях известного ирландского писателя Оскара Уайльда. Авторы статьи установили, что О. Уайльд всюду стремился запечатлеть реальный мир в его подвижности и изменчивости через свои мимолетные впечатления. Импрессионизм его произведений сосредоточился на текучести мгновения, переменчивости настроения или парадоксальном угле зрения. Уайльд-публицист не хотел документально воспроизводить описываемую реальность. Он фиксировал мгновенные изменения в своем восприятии, через образы воспроизводя впечатления, которые рождались в нем в тот или иной момент времени. Мир Уайльда — это мир субъективных, оригинальных впечатлений, он декоративен, чрезмерно картинен, но это мир обдуманных и даже придуманных впечатлений, а не стихийно, импульсивно рождающихся в восприятии художника. Авторы статьи считают, что многие мысли и выводы писателя актуальны для российского общества настоящего времени.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Оскар Уайльд; публицистика; искусство; эстетика; модернизм; наблюдение; размышление; впечатление; эмоция; оценка

MODERNIST AESTHETICS AND CONSUMER CULTURE IN OSCAR WILDE JOURNALISM

Roman P. Bakanov¹

Lilia G. Egorova²

Dmitrii V. Tumanov³

^{1,2,3} *Kazan Federal University, Kazan, Russia*

¹rbakanov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1097-8390>

²lge1964@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5035-8199>

³dvt1964@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5461-8127>

Abstract. The article reveals the specifics of the author's view and creative position in the journalistic works of the famous Irish writer Oscar Wilde. The authors of the article found that he everywhere sought to capture the real world in its mobility and variability through his fleeting impressions. The impressionism of his works focused on the fluidity of the moment, the changeability of mood or a paradoxical angle of view. Wilde, the publicist, did not want to document the described reality. He recorded instantaneous changes in his perception, reproducing through images the impressions that were born in him at one time or another. Wilde's world is a world of subjective, original impressions, it is decorative, excessively picturesque, but it is a world of deliberate and even invented impressions, and not spontaneously, impulsively born in the perception of the artist. The authors of the article believe that many of the writer's thoughts and conclusions are relevant to the Russian society of the present time.

Key words: Oscar Wilde; journalism; art; aesthetics; modernism; observation; reflection; impression, emotion; evaluation

Оскар Фингал О'Флаэрти Уиллс Уайльд — ирландский философ, писатель, поэт, публицист — редко становился предметом изучения журналистиковедов, исследователи в основном сосредотачивались на его прозе. В зарубежных монографиях, посвященных Оскару Уайльду, эта сторона его мыслетворчества отражена лучше, чем в российских. Исследователь современной британской литературы Джон Стоукс и член Совета директоров Исследовательского общества периодических изданий Викторианской эпохи, соредатор журнала «Media History» Марк У. Тернер в 2013 г. подготовили к публикации первое полное издание публицистических произведений писателя, составивших 6-й и 7-й тома Оксфордского Полного собрания сочинений Оскара Уайльда. Стремясь к академической точности воспроизведения текстов, они обращаются к периодическим изданиям, в которых статьи были первоначально опубликованы. Обширный комментарий раскрывает источники экстраординарных культурных знаний Оскара Уайльда и дает перекрестные ссылки на его творчество в целом.

Творческую биографию Оскара Уайльда невозможно понять без его журналистских произведений, где публицист в наибольшей степени раскрывал свои истинные взгляды на социальные изменения в мире. В своих модернистско-эстетических

статьях он показал основные этапы формирования культуры потребления, возникшей с развитием капитализма.

Уникально остроумная, проницательная и социально осведомленная журналистика Оскара Уайльда не только демонстрирует его широчайшую интеллектуальность и стилистические эксперименты, подготовившие почву для его основных работ 1890-х гг., но и предоставляет возможность картографирования яркой и быстро меняющейся журналистской культуры конца XIX в., в которой он играл основную роль.

Анализ разнообразия задач, которые он брал на себя в «The Woman's World», «Pall Mall Gazette» и «The Dramatic Review», соседствует в комментариях издателей с размышлениями о том, почему публицистические работы Оскара Уайльда иногда появлялись без его имени.

Увлечение эстетизмом привело к созданию оригинальной узнаваемости стиля начинающего писателя: «Punch» печатал карикатуры, изображавшие Уайльда, а в лондонском театре «Savoy» была поставлена забавная оперетта «Терпение», едко его осмеявшая. Но и то и другое сыграло позитивную роль в судьбе выпускника Оксфорда. Благодаря карикатурам он стал популярен в Англии, а благодаря спектаклю — в Америке. Дело в том, что оперетту поставили в Америке, но так как там движение эстетов не было распространено, то антрепренер организовал турне Оскара Уайльда по Америке, чтобы тот, проповедуя эстетизм, служил живой иллюстрацией к спектаклю.

Не желая, по всей вероятности, разрушать формирующийся образ эпатажного писателя, двадцатисемилетний Уайльд уже самую первую свою лекцию, которая называлась «Ренессанс английского искусства», завершил словами: «Мы все расточаем свои дни в поисках смысла жизни. Знайте же, этот смысл — в искусстве» [Уайльд, Ренессанс..., с. 283]. Так была задана генеральная линия всего его дальнейшего творчества.

К глубочайшему нашему сожалению, в российских изданиях до сих пор нет целостного представления публицистического творчества Оскара Уайльда. Даже те немногие его работы, которые удостоились чести быть переведенными на русский язык, оказались разбросанными по различным изданиям. Это значительно затрудняет возможности российского журналистиковедения включить импрессионистскую публицистику Оскара Уайльда в систему профессиональной подготовки современного журналиста.

Импрессионизм в конце XIX в. возникает как тенденция, демонстрирующая новое восприятие реальности, которая фиксирует восприятие мимолетного, сиюминутного явления, и находит свое отражение не только в живописи, но и в литературе, и в публицистике. Импрессионистские черты исследователи обнаруживают в журналистских произведениях А. И. Куприна, А. П. Чехова, И. А. Бунина, Б. К. Зайцева, И. А. Шмелева и некоторых других.

Но наиболее ярко это направление было обозначено именно в публицистике Оскара Уайльда. И без понимания характерных типологических черт его журналистского наследия невозможно понять российское журналистское пространство Серебряного века.

В журналистику Оскар Уайльд придет в тридцатилетнем возрасте. Как отмечают его биографы и исследователи творчества, появление писателя в английской прессе связано с финансовыми затруднениями. В 1884 г. Оскар Уайльд женился на Констанс Мэри Ллойд, и в некоторой степени «газетное творчество» было вынужденным шагом для поддержания благосостояния молодой семьи.

Но, с другой стороны, журнализм в ту эпоху становился особым средством массовой информации личности. Уайльд не мог этим не воспользоваться, чтобы заявить: «Проявить во всей полноте свою сущность — вот для чего мы живем. А в наш век люди стали бояться самих себя. Они забыли, что высший долг — это долг перед самим собой» [Уайльд, Портрет..., с. 41].

Публицистические статьи Уайльда являются скорее развернутыми афоризмами, нежели актуальными журналистскими материалами. Сегодня мы отнесли бы их к жанру «колумнистика». Обычно говорят, что тематика публицистических произведений Оскара Уайльда далека от политики. Однако это не совсем так. В каждую свою рецензию, в каждый отчет о лекции он вставлял размышления о социальном положении.

Так, в статье «Красоты переплетного дела» Уайльд пишет: «Прежде чем у нас будет налажено настоящее переплетное дело, должна произойти социальная революция. Сейчас положение таково, что рабочий низведен до состояния машины, он превратился в раба предпринимателя, а предприниматель, наживший миллионы, сделался рабом общества, тогда как само общество является рабом своего любимого идола — дешевизны» [Уайльд, Красоты..., с. 176].

В статье «Близость искусств и ремесел» он вновь возвращается к тому же вопросу: «Искусство зависит от Жизни. Машины его нам не дадут. Машины, однако, плохи лишь тогда, когда они становятся нашими хозяевами. Искусство ценит печатный станок, потому что станок повинует ему. Настоящее искусство должно черпать творческую энергию в самой жизни, брать свои краски у реальных добра или зла» [Уайльд, Близость..., с. 178–179].

При этом Уайльд осознает, что всякое творчество напрямую зависит от ментальности нации. В статье «На лекции м-ра Уистлера в десять часов» Уайльд констатирует: «Художник не есть нечто изолированное, он — производное определенной среды и определенного окружения и не может родиться в народе, лишенном всякого чувства красоты, как не может смоква вырасти на терновнике или роза расцвести на репейнике» [Уайльд, На лекции..., с. 308].

Мимолетность наблюдений, странность и даже некоторая причудливость изложения, чрезвычайная неровность и кажущая случайность соседствующих в предложении слов являют собой тот самый импрессионизм мысли, который В. С. Соловьев обнаружил в произведениях К. К. Случевского. Оскар Уайльд в английском литературно-публицистическом пространстве стоит особняком: никто более из его соотечественников не смог — или не захотел — подняться на вершины фиксации мгновенных впечатлений и ощущений, с последующей репрезентацией их в форме художественно-творческой рефлексии.

Рассуждая в заметке «Читать или не читать» о литературе, Уайльд предлагает программу формирования этой среды: «Советовать людям, что им читать, как

правило, либо бесполезно, либо вредно; восприятие литературы зависит от темперамента, а не от школы; по учебнику не взобраться на Парнас, и никакие знания тут не помогут. Но вот сообщить людям, чего читать не стоит, — совсем другое дело, и я охотно предложил бы включить эту тему в факультативный университетский курс» [Уайльд, Читать..., с. 109].

И еще одна цитата на эту же тему, на сей раз из статьи «Отношение костюма к живописи»: «Учить искусству надо не в Академии. Художника создает то, что он видит, а не то, что он слышит. Подлинной школой станут улицы. <...> У искусства поистине никогда не может быть иной цели, кроме собственного совершенства, и художник, вероятно, поступает мудро, стремясь к одному лишь наблюдению и творчеству, и не задаваясь целью изменить других» [Уайльд, Отношение..., с. 312].

В калейдоскопичности, хаотичной пестроте импрессионистических наблюдений Оскара Уайльда отчетливо видна оппозиционность к диккенсовскому патернализму. Статья как серия коротких афоризмов бросала вызов классической литературной структуре и породила споры в викторианской Англии.

Однако ошибочно полагать, что Уайльд, отражая формирующееся общество потребления, интересовался лишь вопросами эстетизма. В эссе «Душа человека при социализме» — единственном образце политической эссеистики Уайльда — он заявляет: «Истинное совершенство человека определяется не тем, что у него есть, но тем, что он сам собой представляет. Частная собственность, разрушив истинный Индивидуализм, создала взамен Индивидуализм мнимый. Она лишила одну часть общества индивидуальности, повергнув ее в нищету. Она лишила индивидуальности и другую часть общества, обременив ее заботами, толкнув на неверный путь. Что и говорить, понятие собственности настолько возобладавало над личностью, что по британским законам посягательство на частную собственность карается с большей суровостью, нежели оскорбление личности, и по масштабам частной собственности до сих пор судят о достоинствах граждан» [Уайльд, Душа..., с. 224]. Размышляя над процессами переустройства общества, Уайльд приходит к мысли, что «...бедность и нищета действуют настолько растлевающе и до такой степени парализуют человеческое естество, что ни один класс не способен до конца осознать, насколько он обездолен. Чтобы ему объяснить это, требуются люди со стороны» [Там же, с. 222]. И все же публицист делает в итоге неоднозначный вывод: «Истина в том, что человечество должно быть свободным, а не в том, что им следует управлять. Все формы правления несостоятельны. Деспотия — это несправедливость ко всем, в том числе и к самому деспоту, который, возможно, достоин лучшей участи. Олигархия — несправедливость по отношению ко многим, охлократия — из избранным. Некогда большие надежды связывали с демократией; но демократия — не что иное, как припугивание толпой толпы в интересах толпы. Это очевидно. Должен сказать, что сейчас избавляться от власти самое время, ибо всяческая власть совершенно растлевающая» [Там же, с. 230].

Подтверждение своих размышлений Оскар Уайльд ищет и в произведениях других авторов. В частности, он обращается к романам Федора Михайловича

Достоевского «Униженные и оскорбленные», «Преступление и наказание», «Записки из Мертвого дома» и «Братья Карамазовы». Характеризуя творчество русского писателя, Уайльд отмечает: «Достоевский сильно отличается от своих соперников. Он не такой утонченный художник, как Тургенев, поскольку больше обращается к фактам, а не к впечатлениям; не обладает он и широтой видения и эпической невозмутимостью Толстого; у него иные, присущие только и исключительно ему одному достоинства: яростная напряженность страсти и мощь порыва, способность распознавать глубочайшие психологические тайны и потаенные родники жизни, реализм, безжалостный в своей верности и ужасный потому, что он верен» [Уайльд, «Униженные...», с. 329].

Как видим, Уайльд отмечает в Достоевском те качества, которые выдвигает как основополагающие в своих публицистических статьях: «Настоящее искусство должно черпать творческую энергию в самой жизни, брать свои краски у реальных добра или зла, следовать за ангелами света или ангелами тьмы. Нельзя подобострастно копировать образцы искусства прошлого. Новое время требует новых форм» [Уайльд, Близость..., с. 178–179].

«Сколь бы безжалостен ни был Достоевский в своем методе как художник — как человек он сострадает нам всем: тем, кто творит зло и кто страдает от него, эгоистам в не меньшей мере, чем тем, чьи судьбы исковерканы другими, и чья жертва была принесена напрасно», — заявляет Уайльд [Уайльд, «Униженные...», с. 331]. Ему важно то, как осторожно, исподволь Достоевский приводит читателя к мысли, что «отнюдь не одни только испорченные люди поступают дурно и не одни только плохие порождают зло» [Там же, с. 330]. Он считает, что Достоевскому «...удалось выразить себя в Искусстве, в области романа, мироощущение которого близко к средневековому, так как доминирующий мотив — самовыражение через страдание. Ну а для людей, не причастных к искусству, и для тех, кто живет исключительно сегодняшним днем, боль становится единственным путем к совершенству» [Там же, с. 253].

В этом заключается и идея единственного романа Оскара Уайльда: всякое излишество, равно как и всякое самоограничение, приводит к наказанию, но испытанная боль приводит к очищению души. Вслед за Достоевским он обнажает лабиринты человеческой психики. В письме в редакцию «The Scots Observer» он заявляет: «Для драматического развития моего романа, милостивый государь, было необходимо окружить Дориана Грея атмосферой морального разложения. Иначе роман не имел бы смысла, а сюжет — завершения. Художник, написавший роман, ставил перед собой цель сделать эту атмосферу туманной, неясной и удивительной. Я утверждаю, милостивый государь, что это ему удалось. Каждый человек видит в Дориане Грее свои собственные грехи. В чем состоят грехи Дориана Грея, не знает никто. Тот, кто находит их, привнес их сам» [Уайльд, Редактору..., с. 382]. Он отказывает обществу в праве судить произведения искусства, признавая единственным их мерилom ценности реализацию художником своего собственного замысла.

Если принять во внимание его неприязнь к новой капиталистической формации, убивающей в человеке душу и индивидуальность, то эта позиция Уайльда

может быть оценена как стремление дифференцироваться от зарождающегося общества потребления. Мир в его глазах парадоксальным образом перевернулся: вещи стали обретать признаки человечности, а люди утратили их.

Недаром же в своих сказках, которые Уайльд пишет в это время, красоту природы он любит подчеркивать сравнением с искусственными вещами: море — сапфировое, глаза — зеленые бериллы, небо — горящее, как раскаленный опал. Даже стиль произведения окрашивается для Уайльда в определенный искусственный цвет. Когда сказку «День рождения инфанты» перевели на французский язык, Уайльд написал: «По стилю — это моя лучшая сказка. Мне она виделась в черных и серебряных тонах, а на французском языке она превратилась в розово-серебряную» [Wilde, Œuvres..., p. 11].

В конечном счете это и является ключом к постижению всего творчества Уайльда — и художественного, и публицистического. Он всюду стремился запечатлеть реальный мир в его подвижности и изменчивости через свои мимолетные впечатления. Импрессионизм его произведений сосредотачивается на текучести мгновения, переменчивости настроения или парадоксальном угле зрения. «Чистое наблюдение», которое провозглашали импрессионисты, подразумевало отказ от идеи, закрепленный формулой импрессионизма: видеть, чувствовать, выражать — в этом все искусство.

Уайльд-публицист даже не стремится документально воспроизвести описываемую реальность, он фиксирует мгновенные изменения в своем восприятии, через образы воспроизводя впечатления, рождающиеся в нем в тот или иной момент времени. Потому так трудно определить жанр, в котором работает Уайльд: рецензия, отчет, статья, эссе... С каким тонким — поистине английским — юмором описывает он в них собственные впечатления.

Вот как он воссоздает атмосферу лекции англо-американского художника Джеймса Эббота Макнила Уистлера: «Стоя там — настоящий Мефистофель в миниатюре, издевающийся над толпой! — он напоминал блестящего хирурга, читающего лекцию перед аудиторией, состоящей из лиц, которым в конце концов предстоит вскрытие, и с серьезным видом убеждающего их в том, какую ценность для науки представляют их болезни и что проявление с их стороны малейших признаков здоровья было бы совершенно лишено интереса» [Уайльд, На лекции..., с. 307].

А вот фрагмент рецензии Уайльда на книгу «Обеды и блюда» анонимного автора: «Книга написана кратко и выразительно, она не претендует на красноречие, и в этом ее очевидное преимущество. У кого хватит сил прослушать целую ораторию даже во славу дичи? Существует у нее и другое достоинство — отсутствие иллюстраций. Конечно, предмет произведения искусства не имеет ничего общего с красотой этого произведения, но все равно есть что-то гнетущее в цветной литографии бараньей ноги» [Уайльд, Обеды..., с. 96].

Мир Уайльда — это мир субъективных, оригинальных впечатлений, он декоративен, чрезмерно картинен, но это мир обдуманых и даже придуманных впечатлений, а не стихийно, импульсивно рождающихся в восприятии художника. Но ведь

латинское слово «*impressio*» означает не только «впечатление», но и «вторжение», «нападение». Импрессионизм Уайльда как раз таков — он вторгается в действительность, нападает на природную естественность, чтобы искусственно создать то Прекрасное, которое он теряет в трансформирующемся социуме.

В декабре 1894 г. появляются «Заветы молодому поколению», которые подвели своеобразный итог философским размышлениям, творчеству и жизни Оскара Уайльда. К этому времени он окончательно приобрел имидж человека, попирающего общественную мораль. В этом публицистическом манифесте Уайльд заявлял, что «порочность — это миф, созданный людьми благонравными, когда им было нужно объяснить, почему же иные из нас бывают так странно привлекательны», что «промышленность — корень уродства» и что «наслаждение — это единственное, ради чего нужно жить» [Уайльд, Заветы..., с. 284–285]. Но именно «Заветы молодому поколению» стали вершиной эскапизма Уайльда, пытающегося скрыться от скорбного бесчувствия надвигающегося века.

Внутренне он преобразился. И откровенно признается в этом: «Страдание и все, чему оно может научить, — вот мой новый мир. Я жил раньше только для наслаждений. Я избегал скорби и страданий, каковы бы они ни были. И то и другое было мне ненавистно. <...> Теперь я вижу, что Страдание — наивысшее из чувств, доступных человеку, — является одновременно предметом и признаком поистине великого искусства» [Уайльд, *De Profundis*, с. 472–473].

Последними публицистическими произведениями Оскара Уайльда стали социально направленные послания обществу, опубликованные в газете «*Daily Chronicle*». В них он рассказывает об аморальных законах, по которым малолетний ребенок может быть заключен в тюрьму: «В последнее время немало сказано и написано об отрицательном воздействии тюрьмы на детскую душу. И это вполне справедливо. Тюремная жизнь портит ребенка. Но порча эта исходит не от заключенных. Она исходит от исправительной системы в целом — от начальника тюрьмы, от капеллана, от надзирателей, от одиночной камеры, от изоляции, от скверной пищи, от параграфов тюремного устава, от дисциплинарных требований — от всего уклада жизни. Делается все возможное, чтобы ребенок даже на глаза не мог попасться кому-либо из заключенных старше шестнадцати лет. В часовне дети сидят за особой занавеской, на прогулку их выводят в тесные и мрачные дворы — иногда во двор, где дробят камень, иногда на задворки мельниц, — лишь бы только они не встретились с кем-нибудь постарше из отбывающих срок. А между тем в тюрьме именно заключенные являются единственным подлинным источником человечности» [Уайльд, *Письма...*, с. 194].

Знакомя с внутренними распорядками в каторжной тюрьме в Рединге, Оскар Уайльд в деталях описывает страх, одиночное заточение, голод — все то, что пришлось перенести и малышам, — и советует смягчить условия отбывания наказания. Публицист перечислил три вида пыток, узаконенных в английских тюрьмах: голод, бессонницу и болезнь. Он указал, что необходимые реформы очень просты, но они должны касаться как телесных, так и душевных нужд заключенных, которые пока полностью игнорируются тюремным режимом. Заключительные строки письма

звучат как обвинение в адрес капитализирующегося общества: «Предстоит многое сделать. И в первую очередь самое, вероятно, трудное: научить начальников тюрем человечности, надзирателей — цивилизованности, капелланов — учению Христа» [Уайльд, Письма..., с. 142].

Это были последние публицистические произведения Оскара Уайльда, опубликованные при его жизни.

-
- Уайльд О.* Близость искусств и ремесел // Избр. произв. : в 2 т. М., 1993. Т. 2.
Уайльд О. Душа человека при социализме // Соч. : в 3 т. Т. 3 : Стихотворения. Поэмы. Эссе. Лекции и эстетические миниатюры. Письма. М., 2003. С. 218–254.
Уайльд О. Заветы молодому поколению // Соч. : в 3 т. Т. 3 : Стихотворения. Поэмы. Эссе. Лекции и эстетические миниатюры. Письма. М., 2003. С. 284–285.
Уайльд О. Красоты переплетного дела // Избр. произв. : в 2 т. М., 1993. Т. 2. С. 174–177.
Уайльд О. На лекции м-ра Уистлера в десять часов // Соч. : в 3 т. Т. 3 : Стихотворения. Поэмы. Эссе. Лекции и эстетические миниатюры. Письма. М., 2003. С. 306–309.
Уайльд О. Обеды и блюда // Избр. произв. : в 2 т. М., 1993. Т. 2. С. 95–97.
Уайльд О. Отношение костюма к живописи // Соч. : в 3 т. Т. 3 : Стихотворения. Поэмы. Эссе. Лекции и эстетические миниатюры. Письма. М., 2003. С. 309–313.
Уайльд О. Письма. СПб., 2007.
Уайльд О. Портрет Дориана Грея // Соч. : в 3 т. Т. 1 : Портрет Дориана Грея. Рассказы. Сказки. М., 2003. С. 21–244.
Уайльд О. Редактору «The Scots Observer» // Соч. : в 3 т. Т. 3 : Стихотворения. Поэмы. Эссе. Лекции и эстетические миниатюры. Письма. М., 2003. С. 380–382.
Уайльд О. Ренессанс английского искусства // Соч. : в 3 т. Т. 3 : Стихотворения. Поэмы. Эссе. Лекции и эстетические миниатюры. Письма. М., 2003. С. 257–283.
Уайльд О. «Униженные и оскорбленные» Достоевского // Соч. : в 3 т. Т. 3 : Стихотворения. Поэмы. Эссе. Лекции и эстетические миниатюры. Письма. М., 2003.
Уайльд О. Читать или не читать // Избр. произв. : в 2 т. М., 1993. Т. 2. С. 108–109.
Уайльд О. De Profundis // Соч. : в 3 т. Т. 3 : Стихотворения. Поэмы. Эссе. Лекции и эстетические миниатюры. Письма. М., 2003. С. 409–526.
Wilde O. Œuvres Complètes : 2 vol. Trad, française, éd. par J. de Langlade. Stock, 1975–1977. 1977. Vol. 2.

Статья поступила в редакцию 05.10.2021 г.

Научная статья

УДК 821.161.1-3 Завалишин + 82'06 + 82.091

DOI 10.15826/izv1.2022.28.1.006

МЕЖДУ ДЕРЕВНЕЙ И СТРОЙФРОНТОМ: ОЧЕРК ТВОРЧЕСТВА А. И. ЗАВАЛИШИНА

Юлия Сергеевна Подлубнова^{1,2}

¹ *Уральский федеральный университет,*

² *Институт истории и археологии
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия*

tristia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5210-0861>

А н н о т а ц и я. В статье представлен обзор творчества писателя и драматурга Александра Ивановича Завалишина, начиная с произведений 1910-х гг. и заканчивая книгой «Хата Буденного» (1938). Впервые рассматриваются фельетоны 1920-х гг., опубликованные в челябинской газете «Советская правда». Очерчивается эволюция творчества А. И. Завалишина, связанная со становлением уральского писателя через «газетную литературу» и дальнейшими шагами на пути к успеху советского автора, призванного не только изображать текущую повседневность, но и пропагандировать те ценности, которые актуализировала советская риторика, и именно в тех формах, которые одобрялись и были востребованы временем: в 1920-е — сатира и сцены из деревенской жизни, комедии и революционные драмы, в 1930-е — эпические производственные полотна, колхозные очерки и книга о героике Гражданской войны. Показано движение А. И. Завалишина от остросоциальной литературы 1920-х к соцреализму 1930-х гг.

К л ю ч е в ы е с л о в а: русская литература 1920-х гг.; фельетоны; проза о деревне; драматургия 1920–1930-х гг.; А. И. Завалишин

**BETWEEN THE RUSSIAN VILLAGE AND THE INDUSTRIALIZATION:
AN ESSAY ABOUT THE WORKS OF A. I. ZAVALISHIN****Yulia S. Podlubnova^{1,2}**¹ *Ural Federal University,*² *Institute of History and Archeology**Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,**Ekaterinburg, Russia*tristia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5210-0861>

Abstract. The article offers an overview of the work of the writer and playwright Alexander Ivanovich Zavalishin starting with his texts of the 1910s and ending with the book “The Budenny’s hut” (1938). The feuilletons of the 1920s published in the newspaper “The Soviet Truth” (Chelyabinsk) are considered for the first time. The evolution of A. I. Zavalishin is outlined. It associated with the formation of the Ural writer within “newspaper literature” and further steps towards the success of the Soviet author. He did not only portray the current everyday life but also promote the values that were actualized by Soviet rhetoric and precisely in those forms that were approved and were in demand by the time. In the 1920s he created satire and scenes from village life, comedies and revolutionary dramas, in the 1930s wrote epic production dramas, a book about the heroics of the Civil War. The movement of A. I. Zavalishin from social literature of the 1920s to socialist realism of the 1930s is shown.

Key words: Russian literature of the 1920s; feuilleton; novels about peasants; drama of the 1920s–1930s; A. I. Zavalishin

Творческое наследие А. И. Завалишина (1891–1938) довольно обширно. С одной стороны, он оставил большое количество газетной продукции (фельетонов, зарисовок, сцен и пр.), характерной для 1910–1920-х гг., с другой — немалое количество пьес, драматических сценок, что заставило исследовательницу театра В. В. Гудкову назвать А. И. Завалишина одним из талантливых драматургов 1920–1930-х гг., чье имя было забыто в истории советской драматургии [Гудкова, с. 212]. Еще одна немалая часть наследия писателя — сборники рассказов 1920-х и книги 1930-х гг., также не получившие достаточного исследовательского внимания. Все вместе позволяет говорить о творческой продуктивности А. И. Завалишина при его малой представленности в литературных контекстах 1910–1930-х гг. и так или иначе пододвигает к тому, чтобы в некотором роде вернуть имя А. И. Завалишина в литературу.

* * *

Больше всего лакун в творческой биографии А. И. Завалишина¹ связано с началом творческого пути в Оренбурге и писательской работой на Урале и в Москве

¹ Биографические сведения о писателе представлены в следующих источниках: [А-р И. Завалишин; Дудина; Завалишин, 1931; Христофоров; Шмаков].

в 1917–1924 гг. Как указано в автобиографии, с 1912 г. А. И. Завалишин «стал писать (т. е. напечатал первый рассказ)» [Антология, с. 524]. Публикация 1912 г. не найдена, но известно, что бытовая зарисовка «Душегуб и ведьма», повествующая «о темном мире жадной мещанской семьи» [Саксон, с. 217], попала в оренбургский сборник «Степь» (1914)², а вслед за «Душегубом и ведьмой» А. И. Завалишин написал рассказы «Жизнь, ты нужна», «Рассказ о былом», «Сын (Из полицейской жизни)» и «Городничий XX века», «в котором показана уже реальная обстановка заштатного города Оренбургской губернии и его властитель — паук-городничий» [Там же].

Уже ранние рассказы А. И. Завалишина отличаются бытовой достоверностью и жизненностью деталей. С этим умением фиксировать окружающую действительность писатель пришел в послереволюционную газету, где ему пришлось освоить стратегии работы «газетного автора» и жанр фельетона. Его «газетные тексты» часто строятся вокруг «случая из жизни», нарушающего привычный ход вещей и правила общественной жизни (см. фельетоны 1921–1922 гг., опубликованные в челябинской газете «Советская правда»: «Уволил корову в отпуск», «В пользу голодающих», «Где ты, друг сердешный?», «Она хохочет...», «Опять НЭП с ума свел» и др.). Писатель создает яркие портреты своих героев, давая оценки их поступкам, как бы измеряя их уровень вовлеченности в строительство советской жизни: таковы очерки о сельской активистке и труженице Дарье Маркиной («Дарья Маркина») и священнике Челябинской епархии, пожертвовавшем свой крест в пользу голодающих («Священник Вдовин»). В это же время у А. И. Завалишина развивается талант сатирика:

- Как вы смели помещать такое безобразие?
- Какое?
- Позорите советское учреждение, роняете авторитет советской власти; глядите, мол, рабочие-крестьяне, что выделяет завгубом? Это — контрреволюция?!!
- Успокойтесь...
- Я требую печатно извиниться!
- Но факт был у вас?
- Был, но как вы смели позорить в печати Советское учреждение? [Завалишин, День в редакции].

Перебравшись в Москву и начав писать для газеты «Беднота», А. И. Завалишин выходит на новый уровень: с 1925 г. один за другим появляются на свет его сборники рассказов.

«Рассказы Завалишина просты и беспретенциозны. Описывая жизнь деревни, он говорит своим собственным языком, а не столь надоевшим уже сказом. И язык его экономен и выразителен. Изображая деревенскую жизнь подлинных крестьян,

² Как замечают А. М. Каторова и Е. А. Степанов, во многих источниках неправильно указана дата публикации рассказа «Душегуб и ведьма», который ошибочно помещается в сборник «Серый труд», издававшийся «в Оренбурге дважды: в 1912 г. и 1913 г., и оба раза без участия А. И. Завалишина» [Каторова, Степанов, с. 187].

он не только умеет сделать их интересными для городского читателя: порой ему удается показать величие революции отраженным в мелких фактах обыденной жизни» [Палей, с. 201], — считали современники. В действительности рассказы А. И. Завалишина 1920-х гг. располагаются на пересечении нескольких линий словесности: во-первых, все той же газетной литературы, с ее неременной остротой и злободневностью; во-вторых, реалистической традиции, с ее демократическим пафосом и гуманистическим отношением к человеку из народа; в-третьих, становящейся советской прозы, ориентированной на «формовку» советского человека и дающей образцы нового социального поведения [Калинин].

В своих рассказах А. И. Завалишин не отказывается от инструментов фельетонистики: злободневности, занимательности, краткости, для него все также важна работа с анекдотическим³, экстраординарным случаем, выламывающимся из рутины повседневной жизни и указывающим на конкретную и общественно значимую болевую точку.

Ярким примером рассказа, фабула которого выстроена по лекалам анекдота, становится «Скуки ради», давший название целой книге 1925 г. В рассказе изображен конфликт комсомольской ячейки, неофициальным лидером которой является Николай Тюрин, и сельских верующих. Комсомолец Тюрин всячески дезорганизует местную религиозную жизнь. Апофеозом тюринского воинствующего атеизма стало карнавализованное венчание в той же церкви: после поздравлений попа и поцелуя повенчанной невеста скидывает одежды и превращается в «хуторского» Ваньку Бокова.

Поп, ошарашенный, попятился назад и с выкатившимися зенками остолбенел у аналая. У порога, после жуткой тишины, не выдержали:

— А-а-а! [Завалишин, Скуки ради, с. 15].

Рассказ венчается моралью, нередкой в фельетонистике [Северина, с. 213]:

И чувствовалось в темноте, что у этого «дезогарьнизованного» комсомольца колыхается нетронутая молодая сила... Плещется она зря, без толку и скоро ли найдет необходимое русло, неизвестно [Завалишин, Скуки ради, с. 16].

Находя болевые зоны современности, писатель так или иначе транслирует «государственную точку зрения», опосредованную работой в советской газете⁴. Не случайно острие сатиры А. И. Завалишина, возможно, очевиднее, чем у других писателей 1920-х гг., было направлено на религию и служителей культа. Рассказы «Не те времена», «Ночное дело», «Семейная радость», «Свет истины Христовой» (в другой редакции — «Крещение»), «Избрание» и другие посвящены разным

³ Анекдотизм рассказов А. И. Завалишина воспринимался современниками неоднозначно, в том числе как признак легковесности [Дынник, с. 224].

⁴ Как пишет М. А. Литовская, газета 1920-х гг. «воспринималась не просто как источник некоей общепригодной информации, но и — наряду с собранием — как инстанция, транслирующая государственную точку зрения» [Литовская, с. 138].

сторонам церковной жизни и быта священников и вполне в духе времени лишены какого-либо религиозного пиетета.

— А видите ли, — вздохнул поп, — я веду свое хозяйство, и поэтому приходится работать очень много. Утомляюсь до последних сил. И мысль всегда направлена в одно: насчет хозяйства. Иной раз, бывало, в церкви возведешь горе очами пред престолом, а в уме свое: «Найдется ли моя пропавшая кобыла или нет?» («Покрасневший быт») [Завалишин, Первый блин, с. 95].

Другим сатирическим персонажем в рассказах А. И. Завалишина — и здесь писатель встраивается в самые широкие контексты сатирической литературы 1920-х: от В. В. Маяковского до А. П. Платонова [Комаров; Матвеева] — становится человек при власти, администратор, использующий служебное положение для извлечения выгоды, например, чиновник, пошедший в баню за казенный счет («Окунулся в массы»), или председатель колхоза, по-родственному потворствующий попам и кулакам («Яшкина пола»). В поле зрения А. И. Завалишина, улавливающего «социальный заказ» эпохи, попадают и самогонщик («Прогардал»), и тайно венчающиеся коммунисты (рассказ «Ночное дело»), и старик, выступающий против попов, но решивший доказать свою правоту с помощью чуда («Агитатор»). Без внимания писателя не остается и еще одна любимая тема сатиры 1920-х гг. — бюрократическая волокита. В рассказе «Планида» труп утонувшего крестьянина лежит несколько месяцев на сибирской заимке в ожидании комиссии для вскрытия.

Фельетонное начало прозы А. И. Завалишина 1920-х гг. сочетается с психологизмом бытовых сцен. В качестве примера можно привести рассказ «Семейная радость», обнажающий драматический раскол семьи коммуниста из-за крещения ребенка: «Отец приткнулся головой к окну и, как малютка, глухо зарыдал... обматерившись» [Завалишин, Не те времена, с. 48]. Прозаику удается передать психологическое состояние брошенной жены («Первый блин»), раскрыть психологию малограмотного крестьянина, возжелавшего выиграть 1000 руб. в конкурсе на лучшую пьесу из сельской жизни («Драма Мосея Дятлова»), передать трепет и смущение рабочего перед дворянством («Пепел»). Ряд сюжетов писатель осознанно выводит из зоны комического, обозначая сложный драматизм судьбы человека. Например, в том же рассказе «Пепел» герою вновь удастся встретить аристократа, но теперь уже, в условиях Гражданской войны, князь вынужден трепетать перед красноармейцем. «Офицер вдруг осел. Опустился ниже за столом и осоловелыми глазами смотрел на свечку. Будто видел на огне что-то интересное, невиданное» [Завалишин, Пепел, с. 20].

Продолжая демократическую линию русской реалистической литературы, учитывая художественный опыт Г. И. Успенского, А. П. Чехова, М. Горького, А. И. Завалишин обращается к изображению разных типов героев из крестьянства, в которых внешняя забитость не всегда означает отсутствие осознанного отношения к жизни. Так, сельский старик-учитель доживает до того времени, когда его публично благодарят за работу («Дожил»), а старик-крестьянин отказывается

от денежных претензий к сыну-нэпману, забывшему отца, как только понимает, что в семейное дело может вмешаться суд («Не признает»).

Разумеется, интерес к крестьянству у А. И. Завалишина сформировался раньше, чем литературе 1920-х гг. была дана установка помочь партии «ужиться с крестьянством и медленно переработать его» [Постановление Политбюро..., с. 54]. И здесь писатель оказывается близок к П. Н. Дорохову, А. С. Неверову, С. П. Подъячеву, Ф. И. Панферову, Л. Н. Сейфуллиной — тем писателям 1920-х гг., которые не стремились перемещать деревенских жителей на индустриальные стройки [Машкова], но фиксировали их непосредственно в условиях сельского социума, активно перестраивающегося на новый лад. При этом в контекстах «колхозной» советской литературы заметной особенностью прозы А. И. Завалишина становится малая востребованность сюжета «перековки» героя из стихийного в сознательного [Добренко]. Пожалуй, только в рассказе «Первый блин» происходит однозначное превращение крестьянок в колхозных активисток. В целом же не случайно любимыми героями А. И. Завалишина становятся деревенские старики: с одной стороны, за их плечами оказывается богатый и ценный опыт, с другой — именно этот опыт является преградой для их адаптации к новой жизни. Старики А. И. Завалишина боятся перемен, искренне изумляются происходящему, всячески чудят, вплоть до развода с умирающими старухами («Расписались»), и даже соглашаются поехать в Крым, чтобы спасти односельчан от никому не ведомого санатория («Опять на нашу голову»). Тем не менее они острее прочих героев ощущают социальные изменения 1920-х гг.

Глубоко понимающий психологию крестьянства писатель подчас выступает на стороне своих героев даже в их столкновении с властью, как это происходит в рассказе «Сорок пять нацменов», когда тридцати мордвинам и пятнадцать русским, выдающим себя за мордвинов, удастся обмануть чиновников в самом Кремле (в том числе Председателя ЦИК М. И. Калинина) и выехать с их помощью без денег на малую родину.

Тем не менее в целом А. И. Завалишин продуманно совмещает функции фиксатора сельской жизни и советского агитатора, перед которым поставлена цель воспитания советского человека.

И чем дальше — тем больше: в начале 1930-х гг. А. И. Завалишин отказывается от сатиры и напрямую обращается к публицистике. В 1934 г. у него выходит книга «колхозных» очерков «Свежая борозда»⁵. Соединяя оптику производственного очерка и форму дневника, писатель создает детализированную и при этом полную драматизма картину жизни нескольких колхозов Кимрского района Московской области, куда он приезжает в качестве уполномоченного политотдела наблюдать за весенним севом. Он не только и не столько выступает в роли наблюдателя колхозных будней, но принимает судьбоносные для хозяйства решения: меняет председателя в отстающем колхозе, участвует в оценке качества пахоты

⁵ Деревенские очерки А. И. Завалишина изначально публиковались в крестьянском литературно-художественном журнале «Земля советская» [Лебедева].

сореvнующихся бригад, способствует скорейшему открытию яслей, пресекает коллективное пьянство, возвращает невинно осужденную старуху из домзака, наконец, делает все, чтобы конкретный Андрейцевский колхоз закончил сев до срока. При этом нисколько не забывает о своих функциях агитатора: учит колхозников, как жить по-новому, и при всяком удобном случае оперирует советской риторикой: «Так тесно, в неразрывных узлах, переплетается новое со старым, хорошее с плохим. Нужны настойчивые усилия, чтобы вытравлять, выжигать, выкорчевывать старье, гнилье, дичь. И растить новую светлую жизнь» [Завалишин, Свежая борозда, с. 233].

Документально-публицистическая книга «Свежая борозда» становится своеобразным итогом работы писателя с деревенским материалом и опосредует новый этап творческой эволюции писателя, вольно или невольно переходящего от остросоциальной прозы 1920-х к соцреализму 1930-х гг.

* * *

1920-е гг. — это время активного вхождения А. И. Завалишина в драматургию. Известно, что начиная с 1910-х гг. писатель создал не менее дюжины пьес разной тематики. Например, пьеса «Крючки», отпечатанная типографским способом в одном экземпляре в ноябре 1915 г. (опубликована в 1917 г. в оренбургской газете «Казачья правда»), рисовала будни полицейского участка [Саксон]. В. В. Гудкова частично выстраивает ретроспективу драматургии А. И. Завалишина 1920-х: ««Таежные гудки» — Сибирь, красное подполье времен колчаковщины; «Третий жених» — партизаны в Сибири, тоже во время Колчака; «Сплетня» — развал крестьянской семьи, борьба за новые отношения в семье». «Частное дело» — «старая и новая семейная мораль в деревне», «Перед концом» оценивается самим автором как «исторический, идеологический и литературно-художественный ответ двум пьесам — «Бронепоезд 14–69» Вс. Иванова и «Дни Турбиных» М. Булгакова» [Гудкова, с. 212]. Исследовательница отмечает тематическое разнообразие драматургии А. И. Завалишина, довольно типичное в контексте эпохи: конфликты Гражданской войны, пафос строительства новой жизни.

При этом не только в прозе, но и в драматургии А. И. Завалишин находился под влиянием «газетной литературы» и фельетона. Злободневность, бытовая направленность, лаконизм и «фотографизм», как выразился А. Ревякин, обозначая натуралистическую оптику крестьянских писателей [Антология..., с. 72], отличают пьесы «Вор» (1926), «Расписались» (1926), «Козлиные бесы» (1927), «Сполох» (1929), «Фальшивая бумажка» (1929), «Частное дело» (1929). Как и рассказы, пьесы А. И. Завалишина построены вокруг анекдотических случаев⁶. К примеру, в «сценке из деревенской жизни» «Вор» бедный крестьянин отдает дочь Машу за богатого заику, но замуж выходит она по воле случая за бедного Гришу [Завалишин, Вор]. В пьесе «Фальшивая бумажка» неграмотные крестьяне принимают за «фальшивые деньги» 25-рублевую государственную облигацию [Завалишин,

⁶ Влияние анекдота на советскую комедию 1920-х гг. было неоспоримым [Журчева].

Фальшивая бумажка]. Анекдотичен сюжет пьесы «Сполох», знакомый по рассказу «Ночное дело»: Клим, увидев ночью в церкви огонек и подозревая воровство, сзывает мужиков с вилами. Но находят они не воров, а учительницу Маркову и кандидата в члены ВКП(б), решивших провести тайное ночное венчание [Завалишин, Сполох]. Несоответствие ожидаемого (воры в церкви) и реального (дьяк, учительница и кандидат в члены партии) обуславливает напряженный комизм происходящего. Однако, как и в рассказах А. И. Завалишина, комические ситуации в пьесах приводят подчас к драматическим последствиям. В «Козлиных бесах» бытовая сценка, изображающая никак не могущих заснуть старика и старуху, заканчивается страшным пожаром и гибелью коз [Завалишин, Козлиные бесы].

Важной особенностью драматургии А. Завалишина, определяющей ее жанровое своеобразие, становится «обилие бытового материала»⁷. В поле зрения писателя и драматурга нередко попадали случаи из судебной практики. В пьесе «Частное дело» сложная любовная интрига заканчивается судом, тюрьмой и развалом семьи.

М и х а л (к судье). Товарищи судьи! Месяц за побои Катерине я согласен отсидеть! Но заявляю вам открыто: каюсь перед ней и буду жить, как прежде. Потому как я люблю ее, и жили мы с ней душа в душу! <...>

К а т е р и н а. Что разбито, — снова я клеить не буду... а пойду другой дорогой... Прощай! [Завалишин, Частное дело, с. 76–77].

Пьесы А. И. Завалишина все же не ограничивались публикациями. С 1920-х гг. их начали ставить региональные театры. Известны факты постановок «Бывших» в Томске в 1920 г. и Челябинске в 1922 г. Во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. пьесы А. И. Завалишина оказывались на сценах любительских деревенских театров. «Частное дело» была перелицована в либретто крестьянской оперы «Зреет колос» [Шмаков, с. 135].

Время больших постановок пьес А. И. Завалишина пришло в 1929 г.: Театр Революции поставил пьесу «Партбилет», впрочем, тут же снятую с репертуара. А вот написанный с учетом критики «Партбилета» «Стройфронт» и поставленный тем же театром в 1931 г. принес драматургу настоящую известность.

К концу 1920-х ситуация в советской комедиографии и — шире — советской сатире поменялась, как поменялись сами приоритеты времени. Обозначившая себя сатирикобоязнь [Киселев, с. 142] привела к тому, что в 1929 г. под запрет попали практически все комедии и водевили [Шалаева, с. 188]. Был запрещен «Самубийца» Н. Р. Эрдмана, запрещены постановки пьес И. А. Ильфа и Е. П. Петрова [Шеленок], из репертуара Театра имени Евгения Вахтангова исключена «Зойкина квартира» М. А. Булгакова, Ю. К. Олеша был вынужден перелицевать «Список благодеев». А. И. Завалишину, лояльному советской власти, пришлось

⁷ Как замечала критика 1920-х гг. в отношении рассказов А. И. Завалишина, «...обилие бытового материала, неплюхое знание описываемого предмета, — все это относится к положительным сторонам творчества писателя. Однако наряду с этим следует отметить, что кругозор Завалишина довольно ограничен и выше простого бытописательства не поднимается» [Тарасенков, с. 235].

вырабатывать новые способы говорения в рамках все более оформляющейся соцреалистической парадигмы. В частности, в исследовании В. В. Гудковой показано, как А. И. Завалишин, следуя пожеланиям Театра Революции, политически заостряет пьесу «о разложившихся коммунистах» «Партбилет», в результате чего из сатирической комедии она превращается в трагикомедию и в определенной мере теряет художественную целостность [Гудкова]. Однако и это не спасает постановку: исключенный из репертуара театра «Партбилет» однозначно объявляется «политически порочным» и имеющим «слабое художественное выполнение» (О. Литовский) [Московский Театр Революции, с. 55].

А. И. Завалишину приходится напряженно искать новые точки соприкосновения с советской картиной мира. Еще в 1920-е писатель обратился к революционной тематике, создав ряд идеологически выдержанных и агитационно направленных пьес («Таежные гудки», «Перед концом»), во многом примыкающих к столь востребованной временем историко-революционной драме («Шторм» В. Билль-Белоцерковского, «Любовь Яровая» К. Тренева, «Разлом» Б. Лавренева, «Мятеж» Д. Фурманова и С. Поливанова и т. д.). В этом отношении его движение к производственной драме в конце 1920-х гг. кажется логичным продолжением художественного опыта, обусловленного принципиальной установкой на соответствие госзаказу и риторике эпохи. Так, по горячим следам поездки на Урал А. И. Завалишин пишет «Стройфронт», наполняя его «героикой социалистического строительства» [Московский Театр Революции, с. 9].

Пьеса, публиковавшаяся в журнале «Земля советская» и вышедшая отдельным изданием в 1932 г., фактически одновременно с известным романом В. П. Катаева «Время, вперед!», была посвящена возведению Магнитогорского комбината. В центре пьесы оказался ударный труд создателей магнитогорской плотины. «Острота сюжета чувствуется с первой картины, когда передовой инженер стройки Стаканов, поддержанный райкомом партии, решает возвести плотину за три месяца против шести по расчетам, сделанным американской фирмой» [Шмаков, с. 127]. Сталкивая «две экономических системы — социализм и капитализм», А. И. Завалишин создает настоящую героико-эпическую драму [Каторова, Степанов, с. 188]. Даже американские инженеры, утверждающие, что большевики «превратили страну в лагерь сумасшедших оборванцев» [Завалишин, Стройфронт, с. 24], потрясены масштабами происходящего, огромной стройкой, делающей Урал форпостом советской индустриализации. В финале «Стройфронта» инженер Стаканов, благодаря которому была построена плотина в краткий срок, отказывается от предложения поехать работать в США, получает орден и просит принять его в партию.

Для А. И. Завалишина «Стройфронт» — это еще и ключевой эксперимент по созданию эпической соцреалистической картины. Пьеса охватывает самые разнообразные аспекты строительства и утверждает торжество индустриализации. Агитационная направленность творчества А. И. Завалишина, прежде ограниченная советским бытом, перерастает в полноценную пропагандистскую стратегию, которая отражает всю мощь производственного пафоса эпохи.

Последняя книга рассказов А. И. Завалишина «Хата Буденного» (1938) и последняя пьеса «Платовка», которую автор создавал по мотивам книги, не просто изображали жизнь и дела советского полководца, но продолжали тему Гражданской войны. На примере судеб обитателей станицы Платовской, в которой Буденный провел детство и юность и куда вернулся с фронтов Первой мировой, писатель создал картину братоубийственной войны. Он избежал бабелевской иронии, осознанно героизировал личность С. М. Буденного и внес героическое в мотивировку поведения участников (выступавших на стороне Красной армии) и свидетелей воссоздаваемых автором событий. «Хата Буденного» в этом смысле оказалась довольно типичной для своего времени книгой о революции и Гражданской войне, воспроизводящей в своей концептуальной части клише советской историографии, став при этом самой «непрочитанной» книгой А. И. Завалишина. 31 января 1938 г. писатель был арестован, обвинен в контрреволюционной террористической деятельности и расстрелян 21 апреля 1938 г. на спецобъекте Центрального аппарата НКВД «Коммунарка».

* * *

Творческий путь А. Завалишина кажется коротким, хотя на самом деле это была напряженная писательская и драматургическая работа на протяжении 20 лет. Показательна эволюция творчества А. И. Завалишина, связанная со становлением регионального автора через «газетную литературу» с ее неизбежным фельетонизмом и дальнейшими шагами на пути к успеху советского прозаика и драматурга, призванного не только изображать текущую повседневность, но и пропагандировать те ценности, которые актуализировала советская риторика в текущий момент, и именно в тех формах, которые одобрялись и были востребованы временем: в 1920-е — сатира и сцены из деревенской жизни, комедии и революционные драмы, в 1930-е — эпические производственные полотна, колхозные очерки и книга о героике Гражданской войны. Выбранная стратегия позволила писателю перебраться в Москву, выпустить более десятка книг, увидеть постановки своих пьес в столичных театрах. Однако даже политическая лояльность А. И. Завалишина и постоянные ее манифестации в творчестве не предотвратили участь репрессированного и в дальнейшем «забытого» писателя.

А-р И. Завалишин // Сов. правда. 1922. 5 мая.

Антология крестьянской литературы послеоктябрьской эпохи / под. ред. А. Ревякина. Москва ; Ленинград, 1931.

Гудкова В. Драматург Александр Завалишин и его «Партбилет» // Современная драматургия. 2012. № 1. С. 212–222.

Добренко Е. Надзирать — наказывать — надзирать. Соцреализм как прибавочный продукт насилия // Revue des études slaves. 2001. Vol. 73, № 4. P. 667–712.

- Дудина З.* Расстрелян на Коммунарке // Магнитогорский металл. 2011. 13 авг.
- Дышник В. А.* Завалишин. — «Пепел». Рассказы. Изд. «Недра». М., 1928 г. Стр. 181. Цена 1 р. 45 коп. // Новый мир. 1928. № 8. С. 223–224.
- Журчева О. В.* Жанровые и стилевые тенденции в драматургии XX века. Самара, 2001.
- Завалишин А.* Агитатор. М., 1927.
- Завалишин А.* В темноте. М., 1927.
- Завалишин А.* Вор. Сценки из деревенской жизни. М.; Л., 1926.
- Завалишин А.* День в редакции // Сов. правда. 1922. 5 мая.
- Завалишин А.* Козлиные бесы. М., 1927.
- Завалишин А.* Не те времена... М., 1925.
- Завалишин А.* Пепел. М., 1928.
- Завалишин А.* Первый блин. М., 1927.
- Завалишин А.* Рассказы. М., 1959.
- Завалишин А.* Сапожник-агитатор. М.; Л., 1928.
- Завалишин А.* Свежая борозда. Дневник уполномоченного политотдела МТС. М., 1934.
- Завалишин А.* Скуки ради. М.; Л., 1925.
- Завалишин А.* Сполох. М.; Л., 1929.
- Завалишин А.* Стройфронт. М., 1932.
- Завалишин А.* Фальшивая бумажка. М., 1929.
- Завалишин А.* Частное дело. М., 1929.
- Калинин И.* Угнетенные должны говорить (массовый призыв в литературу и формирование советского субъекта, 1920-е — начало 1930-х годов) // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России М., 2012. С. 587–664.
- Каторова А. М., Степанов Е. А.* Мордовские национально-культурные маркеры в пьесе «Стройфронт» А. И. Завалишина // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2020. № 1 (53). С. 185–191.
- Киселев Н. Н.* Русская советская комедия 20–30-х годов: (Проблемы типологии жанра) : дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 1973.
- Комаров С. А.* Сатирический фельетон В. В. Маяковского: реализация жанровых характеристик // Пушкинские чтения — 2012. «Живые» традиции в литературе: жанр, автор, герой, текст. СПб., 2012. С. 75–81.
- Лебедева С. Н.* «Журнал мой, видимо, ухнул...» (к истории «Земли советской») // Вестн. Волж. ун-та им. В. Н. Татищева. 2016. Т. 2, № 4. С. 94–103.
- Литовская М. А.* Жанр фельетона в творчестве А. Гайдара // Дергачевские чтения—2006. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Екатеринбург, 2007. Т. 2. С. 137–143.
- Матвеева И. И.* Андрей Платонов и сатира 1920-х годов // Вестн. Моск. город. пед. ун-та. 2010. № 2. С. 47–54.
- Машкова Е. Е.* Социальная маска крестьянина в производственной прозе 1920–1930-х годов // Учен. зап. Крым. федер. ун-та им. В. И. Вернадского. Филол. науки. 2018. Т. 4 (70), № 3. С. 66–85.
- Московский Театр Революции. 1922–1932. М., 1933.
- Палей А. Р. А.* Завалишин. Первый блин. Рассказы. Лит.-худ. биб-ка «Недра». Изд. «Новая Москва». М. 1927. Стр. 111. Тир. 4000 экз. Ц. 75 к. // Печать и революция. 1927. Кн. 1. С. 201–202.
- Постановление Политбюро ЦК РКП (б) «О политике партии в области художественной литературы». 18 июня 1925 г. // Власть и художественная интеллигенция : документы ЦК РКП (б) — ВКП (б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953. М., 1999. С. 53–57.
- Саксон Л.* Неопубликованные произведения Александра Завалишина // Каменный пояс. Челябинск, 1984. С. 216–224.
- Северина Е. А.* Фельетон и сатирический рассказ: жанровые сходства и различия // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Орел, 2014. С. 210–221.

Тарасенков А. А. Завалишин. — Пепел. Изд. «Недра», стр. 182. Ц. 1 р. 45 к. // Октябрь. 1928. № 4. С. 235–236.

Христофоров В. С. Писатель Александр Завалишин: неизвестные страницы биографии // Вестн. ЮУрГУ. 2016. Т. 16, № 1. С. 54–59.

Шалаева Н. В. Репертуар, пьеса, сюжет: становление советского театра (1920-е гг.) // Теория и практика общественного развития. 2015. № 21. С. 186–189.

Шеленок М. А. Драмаатургия И. Ильфа и Е. Петрова и водевильная тенденция в отечественной комедиографии 1920-х — 1930-х годов. Саратов, 2019.

Шмаков А. А. На литературных тропах. Челябинск, 1969. С. 121–139.

Статья поступила в редакцию 20.12.2021 г.

Научная статья

УДК 82'271 + 82-13 + 82:1 + 502.1

DOI 10.15826/izv1.2022.28.1.007

**НЕВЫРАЗИМОЕ, НЕПОСТИЖИМОЕ
И НЕПЕРЕДАВАЕМОЕ В СЛОВАХ:
ПАРАДОКС СУЩЕСТВОВАНИЯ ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ**

Динара Назифовна Гатауллина

*Донецкий национальный университет,
Донецк, ДНР*

amarella003@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1633-266X>

Аннотация. В статье рассматривается главное противоречие поэзии: невозможность полноценно передать в звучащей речи впечатления о мире и стремление продолжить попытки высказывания. Актуальность темы состоит в значимости для каждой личности утверждения собственного «я» посредством говорения и поиске способов реализовать эту цель. В ходе исследования было установлено: поэтическая речь репрезентует непостижимое и невыразимое сочетанием словесного описания и сопровождающих его умолчаний.

Ключевые слова: поэтический язык; безмолвие; неопределенность; познание; человек и природа

**THE INEXPRESSIBLE, THE INCOMPREHENSIBLE
AND THE INDESCRIBABLE IN WORDS:
THE PARADOX OF THE EXISTENCE OF POETIC SPEECH**

Dinara N. Gataullina

*Donetsk National University,
Donetsk, DPR*

amarella003@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1633-266X>

Abstract. The article examines the main contradiction of poetry: the inability to fully convey impressions of the world in a sounding speech and the desire to continue attempts at utterance. The relevance of the topic lies in the importance for each person of asserting their own "I" through speaking and finding ways to realize this goal. In the course of the study, it was found that poetic speech represents the incomprehensible and inexpressible by a combination of verbal description and accompanying omissions.

Keywords: poetic language; silence; uncertainty; cognition; human and nature

Проблема невыразимости существует и в обыденной речи, повседневном бытии человека, однако в художественном произведении, в особенности — поэтическом, она представляется более драматичным обстоятельством, так как зачастую свидетельствует о бессилии слова поэта описать гармоничное устройство окружающего мира и своего душевного состояния.

Сам по себе язык литературы многозначен и непрозрачен, здесь каждое слово вызывает целый ряд ассоциаций, потому соединяется с другими словами множеством связей, иногда противоречащих друг другу [Уэллек, с. 39]. Для человека неопределенное, лишённое имени всегда страшнее, чем явленная, осознанная опасность. И потому на языковом поле автор начинает поиск более безопасных замен, чем признание в незнании, с привлечением инструментов апофатики, с определением неизвестного при помощи отрицания всего известного [Михайлова, с. 342].

В поэзии это отрицание проявляется также перечислением свойств и качеств предмета или явления, но с констатацией неуловимости самой сути, значения пережитого, как в лирическом фрагменте В. А. Жуковского, где название всего ощущаемого поэтом при созерцании природы сопровождается выводом о бессилии человеческого языка в описании гармонии окружающего мира:

Сие столь смутное, волнующее нас,
Сей внемлемый одной душою
Обворожающего глас <...>
Сия сходящая святыня с вышины,
Сие присутствие создателя в созданье —
Какой для них язык?..

[Жуковский, с. 336–337]

Можно отметить различные по содержанию проявления невыразимого в лирике русских поэтов XIX в. У В. А. Жуковского невыразимое приравнено к божественно-тайному, единству, недостижимому в земной жизни, и подобные смутные ощущения доступны для чувственной сферы каждого человека. Представление о том, что поэты способны ощущать сверхреальное, в отличие от «обывателей», происходит позже, у Любомудров [Абрамова]. Также и в философии немецкого идеализма и эстетике йенского романтизма, повлиявших на творчество русских авторов-романтиков, поэт предстает той личностью, что острее чувствует духовную сторону явлений, и потому может стать пророком, проводником между небесным и земным началами.

В свою очередь, у Е. А. Баратынского размышление поэта не в состоянии объединить нарушенное единство, потому остается только констатация одиночества человека и сомнение в возможности восстановить прежнюю устойчивую связь противоположностей. Этот мотив звучит, к примеру, в стихотворениях «Когда твой голос, о Поэт...» [Баратынский, с. 240], «Послание Богдановичу» [Там же, с. 107–109], а в произведении «Осень» сочетается с темой ухода юношеской остроты чувств и ощущения близости человека и природы:

Ты, некогда всех увлечений друг,
Сочувствий пламенный искатель,
Блистательных туманов царь — и вдруг
Бесплодных дебрей созерцатель

[Баратынский, с. 231].

В то же время в лирике М. Ю. Лермонтова мотив невыразимого порождается чувством разобщенности внутреннего мира человека: поэт отделен от жизни общества, но ему доступно звучание, которое не услышит непосвященный. «Приют певца угрюм и тесен, // И на устах его печать...», — констатирует автор в стихотворении «Смерть поэта» [Лермонтов, с. 8]. У Ф. И. Тютчева же невыразимое возникает при столкновении души говорящего с непонятным для него внутренним миром «другого», а также с целым мирозданием. Поэт намеревается сохранить собственный внутренний мир и вернуть прежнюю целостность мира, он старается проявить эмпатию при сохранении индивидуального [Абрамова]. Тютчев пишет о ценности момента единения человека и окружающего мира: «Час тоски невыразимой!.. // Все во мне и я во всем!..» [Тютчев, с. 127].

В поэзии не говорится об уже известном, она напоминает объемную скульптуру или многозначность музыки, где так же сочетается уникальное и всеобщее. Слово представляет собой центр, от которого ведет отсчет вся совокупность ориентиров, стихотворение же в своей целостности предстает совершенно уникальным явлением [Гадамер, с. 142].

Человек, по Аристотелю, существо словесное и утверждает себя в слове, в звучащей речи, но то, как к нему пришло слово, остается загадкой. Речь — это свойство, возвышающее человека над миром остальной природы, где есть только молчание или нечленораздельное звучание. Речь предстает «вызовом богам», ведь таким образом говорящий отделяет себя от животного мира и отчасти приобщается к тайному знанию, ищет высший смысл индивидуального и общечеловеческого бытия [Steiner, с. 23]. «С “механистической” точки зрения, — отмечает К. А. Богданов, — слух и голос есть то, что позволяет “войти” человеку в мир, а миру в человека» [Богданов, с. 46]. Посредством звучащей речи личность утверждает себя в мире, поэт, в свою очередь, стремится не только к самоутверждению, но, по сути, нацелен создать собственный мир в индивидуальном слове.

Однако изреченное не становится равным увиденному и даже познанному, со стороны говорящего все равно существует недостаточная искусность в передаче своих мыслей и ощущений в словах, а со стороны воспринимающего происходит своя интерпретация слов собеседника. Л. Витгенштейн утверждает: смысл не может быть высказан словами, на него мы только указываем, причем это показывание — тоже способ коммуникации, замена невыразимого (цит. по: [Асафьев, с. 328]). В поэзии не столько присутствует сам предмет, сколько говорится о его непостижимом существовании, значение которого не поддается полностью ни перцептивному опыту автора, ни переводу едва уловимых ощущений в человеческий язык.

В преобладающей в первой половине XIX в. романтической эстетике и филологии слово, с одной стороны, воспринимается в качестве источника прозрения,

которое приходит к художнику, а с другой стороны — это также беспомощное орудие общения, не вмещающее в себе даже небольшой части всей неповторимости бытия [Афанасьева, с. 71]. В романтизме личность выходит далеко за границы своего «я», в космически беспредельное пространство, чтобы в его рамках переживать универсальный опыт. Новалис утверждал: «Истинный поэт — всеведущ; он действительно вселенная в малом преломлении» [Литературные манифесты, с. 262].

Согласно постулатам йенского романтизма, все существующее в мире соединено божественной связью, ощущаемой человеком, но невыразимой. Оттого мотив невыразимого свидетельствует о целостности картины мира в романтизме, когда все устремлено к единому центру — человеку, прежде всего — поэту. Поиск особого языка для выражения мыслей и чувств ведет в конечном итоге к идее синтеза всевозможных «языков» искусств, что равнозначно соединению всех впечатлений, получаемых субъектом от действительности. Невыразимое, в свою очередь, становится фундаментом романтического мировоззрения, потому как связывает воедино все противоположности: небесное и земное бытие, вечное и временное, речь и молчание [Абрамова].

Как считал Р. Рильке, «у поэта слова нежно исходят из несказанного» и поэты «обо всем говорят так отчетливо» [Франк, с. 35]. Поэтический язык совмещает в себе озвучивание и умолчание, он приближается к некоей тайне, к скрытой от человеческого понимания истине, чтобы автор только удостоверился в непознаваемости мира и причин своего бытия. Но «отчетливость» языка поэзии заключается в том, что он вызывает у каждого читателя индивидуальные ассоциации и позволяет ему проникнуться величию картины мира в качестве созерцателя, и через эту эстетическую позицию, смиряясь с бессилием языка, описать увиденное. И. Кант отмечал, что средств человеческого языка недостаточно для передачи «многообразия, порядка, целесообразности и красоты» мира, потому единственным настоящим ответом на необыкновенно гармоничное устройство Вселенной является «безмолвное, но тем не менее красноречивое изумление» (цит. по: [Jonas]).

Объектом «красноречивого изумления» у поэта становится как наружный мир, так и жизнь собственной души — две бесконечности непознанного. Так, в стихотворении «Silentium!» Ф. И. Тютчева это «целый мир в душе твоей» [Тютчев, с. 106], в «Silentium» О. Э. Мандельштама — воплощение всего прекрасного и гармоничного, неразделенная целостность бытия, «...и музыка, и слово, // И потому всего живого // Ненарушаемая связь» [Мандельштам, с. 50], в «Невыразимом» В. А. Жуковского — «дивная природа» [Жуковский, с. 336]. Эта констатация бессилия слов, тем не менее подкрепленная многими словами, говорит о том, что целостность представления о предмете заключается в совокупности знания о части его свойств и загадке остального содержания. Ведь любое явленное представление о мире — это лишь частичный опыт, фрагмент целого, и бытие в каждом отдельно взятом отрезке потенциально познаваемо и одновременно непостижимо [Франк, с. 33].

Проблема воплощения «внутреннего» ощущения во «внешнюю» форму — речь затрагивается в стихотворении «Silentium!» Тютчева. Стихотворение не сконцентрировано на пути конкретной души, в фокусе его внимания находится происхождение поэзии, чье существование невозможно без слов, в то время как слова не в силах отображать все разнообразие и целостное единство мира. Вероятным способом ухода от создавшегося положения представляется имитация моделей инобытия, а конкретно — сновидений, мечты, ощущения себя как условного «другого» и отношения к другому как к самому себе. И все вышеперечисленное частично компенсирует субъекту недостаток знания о мире и своем «я» [Калашников, с. 21]. Отсюда и происходит утверждение лирического героя «Silentium!» о существовании целого мира «в душе твоей» [Тютчев, с. 106].

Кроме того, в стихотворении «Silentium!» язык словно вторгается в чуждое для него пространство — в сферу молчания — и вынужден прибегнуть к самоотрицанию, чтобы описывать положение вещей. В ситуации, когда «мысль изреченная есть ложь», в роли источника истины выступает молчание. Риторические вопрошания и императивы «молчи, скрывайся и таи» переориентируют внутреннюю силу речи на саморазрушение, потому «я» лирического героя оказывается в позиции двойного отрицания, ведя рассказ о собственном отсутствии как во времени, так и в пространстве. Так же и поэзия существует на границе самоотрицания и невозможности утвердить себя в речи [Калашников, с. 18–19]. Это проявление апофатки способствует тому, чтобы «отрицая утверждать», выстраивая мир на рубеже веры и неверия в значимость произносимого слова.

Цельность и внутреннюю гармонию произведениям Тютчева придает перемена точки наблюдения личности путем вхождения в инобытие, исключая сосредоточение на своей индивидуальности. Окружающий мир познается в неразделимой сложности и постоянном становлении. Выражение «Поймет ли он, чем ты живешь?» [Тютчев, с. 106] свидетельствует о возможности предстоящего взаимопонимания, ведь здесь нет окончательного отрицания, полной невозможности постижения истины, но присутствует сомнение и надежда на будущее.

Отличительным признаком поэтической речи Тютчева является также индивидуальный стиль использования слов, ведущий к усложнению семантики слова, повороту к лексической неоднозначности. Слово в поэзии Тютчева приобретает «колеблющиеся признаки», что способствует более многообразному раскрытию сути предмета. Поэт обращен и к отображению чувственного восприятия реальности, что включает цветовые и звуковые атрибуты, связанные с первыми и самыми непосредственными впечатлениями от мира [Атаманова, с. 3376]. Тем временем окружающие не воспринимают того многообразия и насыщенности жизни, что открывается художнику: «Они не видят и не слышат, // Живут в сем мире, как впотьмах» [Тютчев, с. 9].

Молчание в лирике Тютчева можно истолковывать в качестве способа восприятия особых смыслов, без обращения к речевой форме, при этом сохраняются откровения, возникающие в душе поэта. Также внутренняя жизнь субъекта и бытие природы не противопоставлены полностью, но оказываются связаны

скрытыми от обычного восприятия нитями, о наличии которых узнает личность, уходящая в созерцание [Ходанен, с. 7].

Поэт призывает к молчанию, продолжая рассказывать о причинах, по которым слушатель должен заниматься безмолвным созерцанием внутреннего или внешнего мира, таким образом концентрируя внимание адресата на предмете, о котором идет речь в произведении. «Пенье дум» у Тютчева, нерожденное слово у Мандельштама и необъятная красота окружающего мира у Жуковского — области, где действует не полный запрет на произнесение слов, но говорится о присутствии той границы, за которой слова бессильны.

«Бессильное ясновидение», при котором поэт не знает, что делать со своим знанием и пониманием происходящего, вынуждает человека сознавать свое творчество как бессмысленное и бесполезное занятие, и по сути — невозможное, как пишет М. М. Гиршман [Гиршман, с. 27]. Получается, что поэзия вынуждена преодолевать факт невозможности своего существования. Поэт претендует на большее, чем просто говорение, — на создание собственного, уникального и узнаваемого языка. По словам О. В. Дозморова, поэт должен либо приумножать языки, либо вовсе от них отказаться, и он выбирает приумножение [Дозморов, с. 69]. И каждый новый поэтический язык стремится преодолеть обыденное слово, выйти за пределы прежнего мира и познать большее.

Безмолвие также передает определенную информацию, сохраняя направленность на предмет. Чередование звучания и тишины, благодаря выстроенному ритму и интенсивности, производит мощное воздействие на слушателей. Молчание может не только изолировать людей друг от друга, но и наоборот: содействовать коммуникации, передавая эмоциональное состояние, оценку происходящего и другое знание со стороны молчащего, его желание таким образом воздействовать на собеседника [Абрамова, с. 36]. «Молчание — осмысленный звук (слово) — пауза составляют особую логосферу, единую и непрерывную структуру, открытую (незавершимую) целостность», — отмечал М. М. Бахтин [Бахтин, с. 357]. Безмолвие не является полной противоположностью речи, а зачастую становится необходимой паузой в процессе коммуникации, позволяющей собеседникам обдумать услышанное и понять, в какое русло далее направить разговор или какие наиболее точные слова подобрать к выражению собственных чувств и умозаключений.

В русской культуре, с одной стороны, есть опасность чрезмерности звучащих слов, «наружного шума», заменяющего собой действие, а с другой — о многом умалчивается. И чем больше слов уже произнесено, тем значительнее количество и глубина уходящего в немоту [Казакова, с. 20]. Обилие произнесенного указывает на это сокрытие более важных вещей и непостижимого обычным логическим путем. В современной философской доктрине молчание обозначает помимо прочего желание личности дистанцироваться от мира, почувствовать себя свободным и принадлежащим исключительно себе, а не частью природы, заброшенной в стихию жизни [Гиренок, с. 90].

Человек, становясь созерцателем, сознательно отдаляет себя от предмета своего наблюдения, природы и окружающих людей, чтобы иметь возможность

составить о них представление. Результат этих наблюдений проявляется в поэтической речи в качестве рассказа о непостижимом и невыразимом в словах ряде явлений, о которых можно повествовать только чередуя высказывание с умолчанием.

В семиотике Р. Барта слово является определенной структурой, внутри которой создатель художественного произведения теряет себя и ощущение реальности. Слово без конца изменяется, становясь сверхсловом, и оттого не объясняет мир, а только подчеркивает неоднозначность действительности. Значит, слово в произведении не становится ответом на задаваемые вопросы, а скорее создает все новые вопрошания, приравниваясь к молчанию [Барт, с. 134]. «Парадокс состоит в том, что в силу самоцельности своего материала литература, по существу, работает тавтологически, как кибернетическая машина, созданная для тождества себе (гомеостат Эшби); для писателя вопрос “почему мир таков?” (*le pourquoi du monde*) полностью поглощается вопросом “как о нем писать?”», — отмечает исследователь [Там же]. Центральной проблемой становится не вопрос, как понять мир, а проблема того, как высказаться, по крайней мере, о части собственных ощущений.

Таким образом, мы видим, что в поэтическом языке постоянно подчеркивается невыразимость сути вещей и явлений, невозможность передать гармонию природы и жизни человеческой души, не нарушив эту идеальную упорядоченность. Речь человека предстает вызовом гармонии, попыткой каждый раз создать новый мир посредством нового языка. Однако высказывание в совмещении с фигурой умолчания заостряет внимание на том, что невозможно выразить в словах, и указывает слушателю на сам предмет речи, подводит его к границе, за которой скрывается тайное.

Абрамова В. И. Мотив «невыразимого» в русской романтической картине мира: от В. А. Жуковского к К. К. Случевскому : дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 233 с.

Асафьев Б. В. О хоровом искусстве : сб. ст. / сост. и коммент. А. Павлова-Арбенина. Л., 1980. 216 с.

Атаманова Н. В. Принципы семантизации звукообраза в поэтическом идиолекте Ф. И. Тютчева // Концепт : [науч.-метод. электрон. журн.]. 2014. Т. 20. С. 3376–3380.

Афанасьева Э. М. Религиозно-философская основа «невыразимого» В. А. Жуковского // Классическая словесность и религиозный дискурс (проблемы аксиологии и поэтики). Екатеринбург, 2007. С. 71–83.

Баратынский Е. А. Полное собрание стихотворений : в 2 т. / ред., коммент. и биогр. ст. Е. Н. Купреяновой, И. Н. Медведевой ; вступ. ст. Д. П. Мирского. Л., 1936. Т. 1. 366 с.

Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М., 1989. 616 с.

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / примеч. С. С. Аверинцева, С. Г. Бочарова. 2-е изд. М., 1986. 444 с.

Богданов К. А. Очерки по антропологии молчания. Номо Тасенс. СПб., 1997. 352 с.

- Гадамер Г. Г.* Актуальность прекрасного. М., 1991. 367 с.
- Гиренок Ф. И.* Смена перспектив в философии человека // Человек. RU. 2015. № 10. С. 83–92.
- Гиришман М. М.* Архитектоника бытия-общения — ритмическая композиция стихотворного текста — невозможное, но несомненное совершенство поэзии // Анализ одного стихотворения. «О чем ты воешь, ветр ночной?..»: сб. науч. тр. Тверь, 2001. С. 20–27.
- Дозморов О. В.* «Что наш язык земной...». О варьировании темы невыразимого в русской поэзии XIX–XX вв. // Дергачевские чтения-2000: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Ч. 1. Екатеринбург, 2001. С. 68–72.
- Жуковский В. А.* Собрание сочинений : в 4 т. Т. 1 : Стихотворения / вступ. ст. И. М. Семенко; подгот. текста и примеч. В. П. Петушкова. М. ; Л., 1959–1960. 480 с.
- Казакова Е. М.* Семиотическая категория «молчание» как способ познания этнической культуры // Вестн. ЧитГУ. 2009. № 6 (57). С. 19–24.
- Калашиков С. Б.* Лирическая модель Тютчева // Вестн. ВолГУ. Сер. 8. 2003–2004. Вып. 3. С. 16–22.
- Лермонтов М. Ю.* Полное собрание стихотворений : в 2 т. / гл. ред. Ю. А. Андреев ; вступ. ст. Д. В. Максимова ; сост., подгот. текста и примеч. Э. Э. Найдича. Л., 1989. Т. 2 : Стихотворения и поэмы. 686 с.
- Литературные манифесты западноевропейских романтиков / собр. текстов, вступ. ст. и общ. ред. А. С. Дмитриева. М., 1980. 38 с.
- Мандельштам О. Э.* Собрание сочинений : в 4 т. Т. 1 : Стихи и проза 1906–1921 / сост. П. Нерлер, А. Никитаев. 370 с. М., 1993–1999.
- Михайлова М. Ю.* Репрезентация невыразимого в лингвокреативной деятельности // Урал. филол. вестн. Сер. : Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2018. № 2. С. 340–343.
- Тютчев Ф. И.* Полное собрание стихотворений / вступ. ст. Н. Я. Берковского ; сост., подгот. текста и примеч. А. А. Николаева. Л., 1987. 448 с.
- Уэллек Р., Уоррен О.* Теория литературы / вступ. ст. А. А. Аникста ; коммент. Б. А. Гиленсона. М., 1978. 325 с.
- Франк С. Л.* Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии. М., 1990. 608 с.
- Ходанен Л. А.* «Мысль изреченная есть ложь...»: мотив молчания и безмолвия в стихотворении Ф. И. Тютчева «Silentium!» // Русская словесность. 2004. № 2. С. 5–11.
- Jonas S.* The unspeakable things that leave us at a loss for words // Aeon. A digital magazine of ideas and culture. 2017. URL: <https://aeon.co/essays/what-if-anything-can-be-said-about-what-is-unsayable> (accessed: 26.10.2021).
- Steiner G.* Language and Silence: Essays on Language, Literature and the Inhuman. N. Y., 2013. 230 p.

Статья поступила в редакцию 29.12.2021 г.

Научная статья

УДК 81'373.2 + 81'25 + 82.091 + 81'42

DOI 10.15826/izv1.2022.28.1.008

*Светлой памяти В. Н. Марова**

КАТЕГОРИИ ХРОНОТОПА И ТОНАЛЬНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ: ОМОТЕМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Владислав Игоревич Бортников¹

Екатерина Николаевна Шишкина²

¹Уральский федеральный университет,

²Средняя образовательная школа № 65,

^{1,2}Екатеринбург, Россия

¹octahedron31079@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3001-840X>

²jamesfrancosgirlfriend@gmail.com

А н н о т а ц и я. Статья посвящена разработке термина «омотемя», предложенного в статьях В. Н. Марова 2015–2020 гг., в лингвотекстовом аспекте. В философском смысле омотемия есть согласование в тексте разных эпистемических уровней; с позиций же лингвистики текста это возможность выражения одной категории средствами разных языковых уровней. На примере объемных структур-сеток «топос-темы» (темы-хронотопа) и «тропос-темы» (темы-тональности) в пьесе Т. Уильямса «Трамвай “Желание”» показана омотемия описания обстановки, выявлены основные специфические особенности русского перевода В. Неделина в сопоставлении с английским оригиналом.

К л ю ч е в ы е с л о в а: В. Н. Маров; омотемия; текстовая категория; Т. Уильямс; тональность; «Трамвай “Желание”»; хронотоп; художественный перевод

* 1 февраля — день рождения Виктора Никифоровича Марова (1940–2020), кандидата филологических наук, доцента, члена Союза журналистов России, разработчика уникальных спецкурсов «Мифы современной журналистики», «Экология СМИ», до 2003 г. преподавателя журфака УрГУ. Выпускник МГУ, защитивший кандидатскую диссертацию под руководством Д. Э. Розенталя (1972), В. Н. Маров прошел путь от ассистента (1970) до заместителя декана факультета журналистики УрГУ (1972–1973), заведующего кафедрой журналистики Казахской высшей партийной школы (Алма-Ата, 1973–1993) и заведующего кафедрой периодической печати УрГУ (1993–1999). Преподавателям риторики Виктор Никифорович известен не только как автор пособий «Риторика — учителю» и «Риторические прогулки», но и как автор сопровождающей (в других изданиях — комментирующей) статьи к изданию Аристотеля «Риторика. Поэтика» [Маров, 2005].

THE CATEGORIES OF CHRONOTOPE AND TONALITY IN A LITERARY TRANSLATION: HOMOTHEMATIC ASPECT

Vladislav I. Bortnikov ¹

Ekaterina N. Shishkina ²

¹Ural Federal University,

²Secondary school № 65,

^{1,2}Ekaterinburg, Russia

¹octahedron31079@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3001-840X>

²jamesfrancosgirlfriend@gmail.com

Abstract. The article is focused on homothemy term development, suggested by V. N. Marov in his works of 2015–2020 referring to the linguotextual aspect. In the philosophical sense, homothemy is the agreement of different epistemic levels in the text; within text linguistics, it is the ability of one category to be expressed by means of different language levels. On the example of grid structures “topos-theme” (chronotope as a theme) and «tropos-themes» (tonality as a theme) in the play “A Streetcar Named Desire” by T. Williams, the homothemy of the surroundings description is shown, and the main specific features of the Russian translation by V. Nedelin are revealed as compared to the English original.

Key words: V. N. Marov; homothemy; text category; T. Williams; tonality; «A Streetcar Named Desire»; chronotope; literary translation

Интерпретация античных риторических учений в работах В. Н. Марова никогда не отрывалась от лингвотекстовой составляющей. В опоре на категориальную концепцию интерпретации текста [Марова] в 2015 г. предложен, а в 2019 и 2020 гг. существенно развит и дополнен [Маров, 2015, 2019, 2020] термин «омотемия». Очевидная связь *омотемии* с *темой* рождает, кажется, некоторую обманчивость: на первый взгляд за данным термином скрывается «равенство темы» (ср. *омонимия*, *омоформия* и т. п.), ее единство, т. е. по отношению к тексту нечто априорное и самоочевидное. Ведь если текст не сохраняет тематической стройности, разрушаются другие важнейшие его свойства, в первую очередь целостность и композиция [Ицкович, 2006; Келер; Попова]. Отсюда и известная формулировка школьных заданий типа «Составьте текст на тему...», и не менее известные пометки учителя на полях: «Не по теме», «Отклонился от темы» и др. [Ицкович, 2014; Купина; Юшкова]. Сказанное, кстати, дает исследователям основание считать тему текстовой категорией — параметром типологическим [Купина, Матвеева; Попова; Рядовых; Ширинкина; Itskovich], «необходимым для любого текста» [Бортников, 2013, с. 372], т. е. таким, «который свойственен всем текстам и без которого не может существовать ни один текст» [Сычева, Белякова, с. 41].

Эта обманчивость термина «омотемя» объясняется многозначностью первого производящего корня: греческое прилагательное *ὄμος* может переводиться не только как «равный, одинаковый», но и как «общий, похожий, родственный» [Маров, 2015, с. 112; 2019, с. 49; 2020, с. 43]. «Омотемя» определяется В. Н. Маровым как «согласование в тексте неадекватных эпистемических уровней, выражающих связь знаний с действительностью» [Маров, 2019, с. 49]. Текст (а точнее, его интерпретация) позволяет соотнести конкретно-чувственный и абстрактно-логический уровни познания, что в духе Платона соответствует многочисленным *эйдосам* и одной общей, стоящей за ними идее, а в духе Ф. де Соссюра — взаимодействию речи и языка (как известно, вопрос о принадлежности текста тому либо другому и вообще о тексте как уровне языковой/речевой системы окончательно не решен). В русле же категориальной концепции текста, к которой, как показано выше, *омотемя* имеет прямое отношение в силу внутренней формы термина, данное явление может быть рассмотрено в качестве механизма соотношения конкретных маркеров той или иной категории (необязательно темы) с содержательным инвариантом-идеей, заложенным в каждом таком маркере и позволяющим идентифицировать некую единицу в составе текста (безотносительно к языковому уровню: морфему, слово, словосочетание, фразу) именно как маркер, или сигнал, данной категории.

Отметим, что категориальные сигналы-эйдосы могут быть и разноязычными: одна и та же содержательная идея может формально воплощаться в оригинале и переводах. Тем самым обосновывается возможность «омотемической» («сходно-содержательной», т. е. категориальной) интерпретации перевода относительно оригинала, оригинала относительно перевода, двух переводов сопоставительно с оригиналом и т. д.

Проверим сказанное на материале вступления (описания обстановки в самом начале картины первой) к пьесе Теннесси Уильямса «Трамвай «Желание»» (1947). Для сопоставления взяты англоязычный оригинал текста и, «судя по всему, остающийся единственным» ([Матвиенко, с. 356], см. также: [Крысало]) русскоязычный перевод В. Неделина:

Оригинал [Williams, p. 115]	Перевод [Уильямс, с. 165–166]
<p>The exterior of a two-story corner building on a street in New Orleans which is named Elysian Fields and runs between the L & N tracks and the river. The section is poor but, unlike corresponding sections in other American cities, it has a raffish charm. The houses are mostly white frame, weathered gray, with rickety outside stairs and galleries and quaintly ornamented gables. This building contains two flats, upstairs and down. Faded white stairs ascend to the entrances of both.</p>	<p>Двухэтажный угловой домик на Елисейских Полях в Нью-Орлеане — улице между рекой и железнодорожными путями.</p> <p>Убогая окраина, и есть в ней, однако, в ее захудалости — не в пример таким же задворкам других великих американских городов — какая-то совершенно особая, забористая краса. Дома здесь все больше белые, пооблинявшие от непогоды, с вычурными фронтонами, обстроены шаткими лесенками и галерейками.</p> <p>В домике две квартиры — вверху и внизу, к дверям обеих ведут обшарпанные белые лесенки.</p>

Оригинал [Williams, p. 115]	Перевод [Уильямс, с. 165–166]
<p>It is first dark of an evening early in May. The sky that shows around the dim white building is a peculiarly tender blue, almost a turquoise, which invests the scene with a kind of lyricism and gracefully attenuates the atmosphere of decay. You can almost feel the warm breath of the brown river beyond the river warehouses with their faint redolences of bananas and coffee. A corresponding air is evoked by the music of Negro entertainers at a barroom around the corner. In this part of New Orleans you are practically always just around the corner, or a few doors down the street, from a tinny piano being played with the infatuated fluency of brown fingers. This “blue piano” expresses the spirit of the life which goes on here.</p>	<p>Вечер в начале мая, только-только еще начинают сгущаться первые сумерки. Из-за белого, уже набухающего мглой дома небо проглядывает такой несказанной, почти бирюзовой голубишной, от которой на сцену словно входит поэзия, кротко унимающая все то пропавшее, порченное, что чувствуется во всей атмосфере здешнего жителя. Кажется, так и слышишь, как тепло дышит бурая река за береговыми пакгаузами, приторно благоухающими кофе и бананами. И всему здесь под настроение игра черных музыкантов в баре за углом. Да и куда ни кинь, в этой части Нью-Орлеана, вечно где-то рядом, рукой подать, — за первым же поворотом, в соседнем ли доме — какое-нибудь разбитое пианино отчаянно заходится от головокружительных пассажей беглых коричневых пальцев.</p> <p>В этой меланхолической блюзовой мелодии бродит самый дух здешней жизни.</p>

Сюжет выбранной пьесы не раз анализировался и интерпретировался отечественными исследователями (см., в частности, [Крысало; Назарова; Назарова, Саламатова; Паверман, 2008, 2011]), а широкому читателю известен в том числе благодаря экранизации с Вивьен Ли и Марлоном Брандо в главных ролях (1951) и потому в подробном пересказе не нуждается (при необходимости можно обратиться, например, к работе [Романова, Черемных]). Укажем лишь, что приведенное выше описание обстановки задает а т м о с ф е р у происходящего (не зря и в оригинале, и в переводе находим выделенное слово): в выбранном для анализа фрагменте присутствуют необычайные характеризаторы света/цвета (*the dim white building — уже набухающий мглой дом; a peculiarly tender blue, almost a turquoise — почти бирюзовая голубишна*), звуков (*You can almost feel the warm breath of the brown river — Кажется, так и слышишь, как тепло дышит бурая река; a tinny piano being played with the infatuated fluency of brown fingers — какое-нибудь разбитое пианино отчаянно заходится от головокружительных пассажей беглых коричневых пальцев*) и даже запахов (*with their faint redolences of bananas and coffee — приторно благоухающими кофе и бананами*). Уже по приведенным парам соответствий видно, что так называемая «пластичность» стиля Теннесси Уильямса сохраняется в русском варианте пьесы в значительной мере благодаря переводчику [Крысало; Ходус, Багдасарян].

Отбор текстовых категорий для омотемической интерпретации оригинала и перевода и последующего сопоставления данных двух текстовых вариантов также подсказан в одной из приведенных выше работ В. Н. Марова, а именно в терминах «топос-темы» и «тропос-темы» [Маров, 2019, с. 50]. Центральным основанием идентификации перевода остается тема — «предмет целого речевого

произведения» [Купина, Матвеева, с. 119], т. е. «предмет реальности, с которой работает автор» [Ицкович, Цзяоцзяо, с. 43]. Отличие темы от других категорий текста состоит в том, что она «не имеет закрепленного языкового выражения (тема обозначает предмет обсуждения и семантически конкретна в <каждом. — В. Б., Е. Н.> отдельном тексте)» [Матвеева, Ширинкина, с. 63].

Как следствие, тематической может становиться любая другая категориальная линия текста: пространственная, временная, эмотивная (тональная). Если предметом изображения служит пространство, например, комнаты или леса (а в выбранном для анализа фрагменте описывается именно обстановка убогой окраины), то можно говорить о взаимодействии, или сопряжении, текстовых категорий темы и пространства [Бортников, 2014], т. е. о возникновении «топос-темы» [Маров, 2019, с. 50]. Непосредственное описание некоторого участка времени — например, секунд или часов — может, по-видимому, давать некоторую «хронос-тему», хотя в силу категориальной близости пространству время нередко включается в топику текста (ср. пример В. Н. Марова — сакральный смысл приема пищи за столом, явленный в «Одиссее» и «выветренный» со временем [Там же], а также *вечер в начале мая, сумерки, набухающий мглой дом* в описании обстановки к пьесе Т. Уильямса). Наконец, какой бы то ни было предмет речи, в том числе имеющий пространственные и/или временные характеристики, в художественном тексте проходит сквозь призму авторского отношения — субъективной модальности, или тональности [Матвеева; Рядовых; Шишкина]; эта категория может и эксплицироваться (*особая, забористая краса*), но чаще явлена имплицитно (**вычурные фронтоны — шаткие лесенки и галерейки**) и потому в своем тематическом воплощении может интерпретироваться как «тропос-тема» [Маров, 2019, с. 51].

При переводе и «топос-тема», и «тропос-тема» перевыражаются средствами другого языка и потому нередко претерпевают изменения. Однако эти трансформации могут быть осуществлены и по воле переводчика (ср. пример В. Н. Марова из «Одиссеи»: греч. καὶ κρατήσῃ τοῦ τόπου τοῦ χρυσοῦ καὶ τοῦ τόπου τοῦ ἀργυρίου — рус. пер. В. А. Жуковского: *и завладеет он сокровищами золота и серебра*, хотя букв. 'и захватит место золота и место серебра', замена *места* на *сокровища* [Маров, 2015, с. 117–118]). При оценке меры содержательного соответствия оригиналу, т. е. эквивалентности, следует учитывать, по-видимому, параметр возможности/невозможности сохранить прямое соответствие в переводе (см. [Барилко; Пасекова]). Трансформация **в ы н у ж д е н н а я** — следствие языковой асимметрии — сохраняет полную (стопроцентную) эквивалентность; трансформация же, **о с у щ е с т в л е н н а я п о в о л е п е р е в о д ч и к а**, — отражение суперкатегории субъектности автора [Матвеева] — снижает эквивалентность перевода, поскольку является «иносубъектным» проявлением личности переводчика. В. Н. Маров по поводу приведенной выше замены замечает: «В результате исчезает не только поэтическая тональность оригинала, хотя, как очевидно, суть остается той же, но и обедняется эйдетическая красочность изображаемого» [Маров, 2015, с. 118]. Сказанным эмпирически обосновывается взаимодействие тональности и омотемии при художественном переводе.

Осуществим категориально-текстовую идентификацию выбранного фрагмента перевода на основе модели сетки [Бородина, Бортников, Шишкина], которая отразит взаимодействие «топос-темы» и «тропос-темы» (в русле омотемической концепции В. Н. Марова), т. е. категорий темы, хронотопа и тональности (в русле «отражательной коммуникативной концепции» Т. В. Матвеевой, см. [Купина, Матвеева, с. 119]). Оговоримся, что применимость перечисленных текстовых категорий к установлению переводческой эквивалентности уже доказана в рамках отдельных исследований уральской стилистической школы (см., например, [Бортников, 2013, 2014; Шишкина; Zemova, Bortnikov]) и в рамках данной статьи дополнительно обоснована выше, в ходе рассуждений про омотемию.

Набор выявленных в тексте сигналов категории может быть внешне представлен в виде цепочки, поля либо объемной структуры [Zemova, Bortnikov]. Каждый из этих способов структурирования имеет свои достоинства и недостатки. Цепочка позволяет детально проследить развитие одной микротемы, но бессильна описать их взаимодействие; поле позволяет выделить зоны ядра и периферии на всем тематическом многообразии внутри текста, но «оставляет за пределами исследования собственно текстовые качества категории, прежде всего, ее внутреннюю текстовую структуру, композиционность» [Купина, Матвеева, с. 118]. Наиболее применима к задачам данного исследования объемная структура-сетка: продольные линии в ней представляют собой цепочки каждой темы, поперечные же отражают их взаимодействие. Идея собственно тематической сетки была предложена еще И. В. Арнольд (ср. наиболее раннее из зафиксированных в литературе определений — 1971 г.: «система повторяющихся в тексте значений, выраженных повторами слов, сем, образов или тем», цит. по [Бородина, Бортников, Шишкина, с. 15]); мы же построим тонально-локационную сетку, понимая под локацией комплекс прагматических категорий текста: субъект — пространство — время [Матвеева; Ширинкина], а под тональностью — субъективную модальность как частное проявление глобальной категории субъектности [Матвеева; Рядовых]. Получаемая модель выстраивается в двух вариантах: оригинальном и переводном, — которые затем сравниваются.

В силу объемности описываемой модели анализируемый фрагмент разделен на два композиционных блока соответственно логике авторского абзачного членения. Движение, развитие текста (т. е. синтагматика) изображается стрелками, а парадигматические связи в составе отдельных тематических цепочек — прямыми линиями (рис. 1 и 2¹).

¹ На рис. 1 и 2 звездочкой (*) вместо номера номинации обозначены переводческие добавления. Номинации пронумерованы по порядку в оригинале, и эта же нумерация для удобства сопоставления сохранена в переводе.

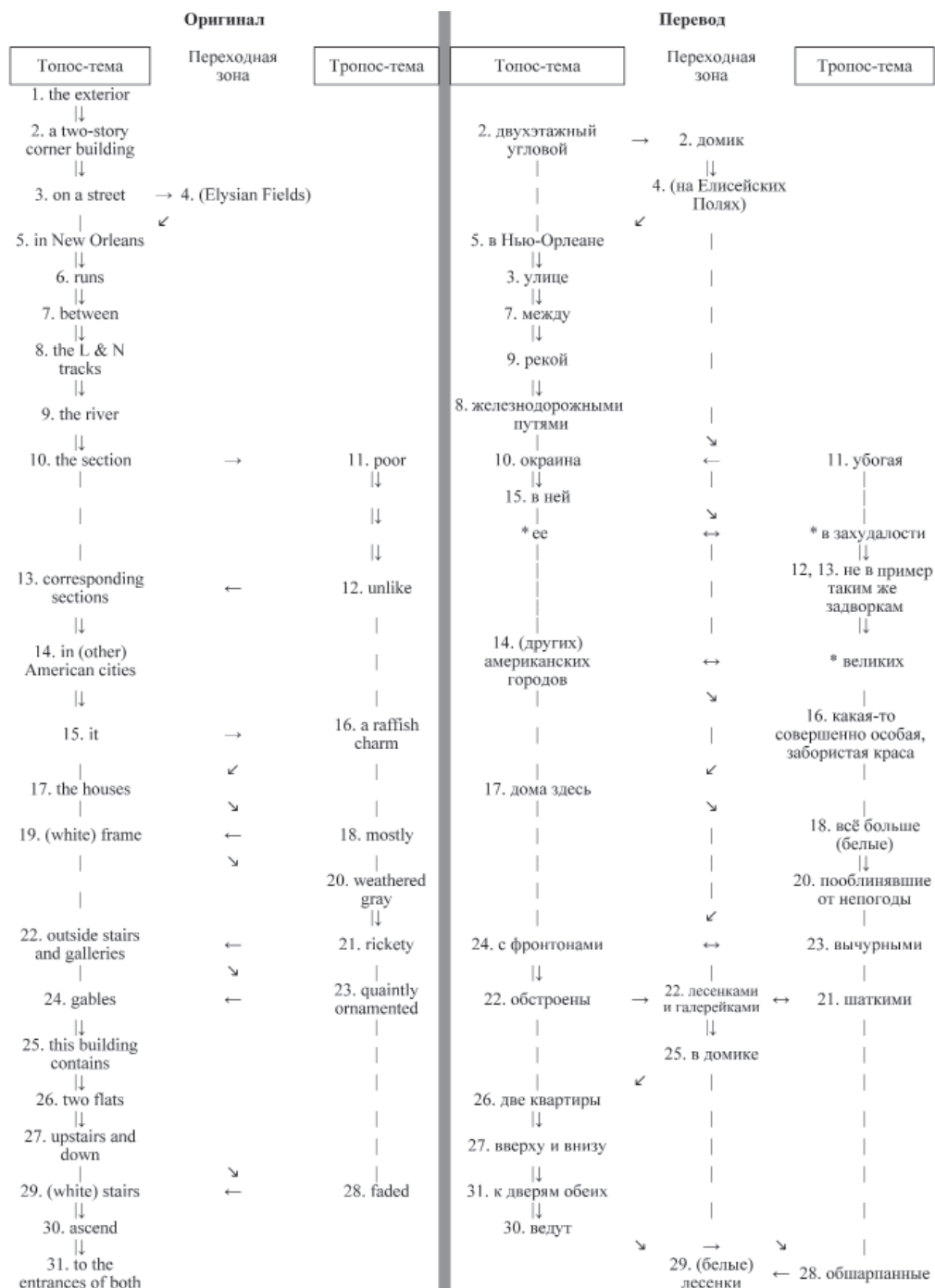

Рис. 1. Тонально-локационная сетка первого абзаца описания обстановки в пьесе Т. Уильямса «Трамвай «Желание»» (в оригинале и переводе)

Оригинал			Перевод		
Топос-тема	Переходная зона	Тропос-тема	Топос-тема	Переходная зона	Тропос-тема
32. (It is first dark of an evening early in May)			32. (Вечер в начале мая, начинают сгущаться первые сумерки)		* только-только еще
↓			↓		↓
33. the sky			34. из-за (белого) дома		35. набухающего мглой
↓			↓		↓
34. around the (white) building	↔	35. dim	33. небо	→	36. проглядывает такой несказанной, почти бирюзовой голубишной
				↙	
38. the scene	↔	37. invests with a kind of lyricism and gracefully attenuates the atmosphere of decay	38. на сцену	→	37. словно входит поэзия, кротко унимающая все то пропащее, порченное, что чувствуется во всей атмосфере здешнего життя
40. (brown) river	←	39. You can almost feel the warm breath	40. (бурая) река	←	39. кажется, так и слышишь, как тепло дышит
↓			↓		↓
41. beyond the river warehouses	→	42. with their faint redolences (of bananas and coffee)	41. за береговыми пакгаузами	→	42. приторно благоухающими (кофе и бананами)
45. at a barroom around the corner	←	44. the music of Negro entertainers	43. всему здесь	→	43. под настроение
↓			45. в баре за углом	←	44. игра черных музыкантов
46. In this part of New Orleans			46. в этой части Нового Орлеана	←	* куда ни кинь
↓					
47. are just around the corner or a few doors down the street from			47. за первым же поворотом, в соседнем ли доме	←	47. вечно где-то рядом, рукой подать
↓			↓		↓
48. a piano	↔	49. tinny	48. какое-нибудь пианино	↔	49. разбитое
					↓
					50. отчаянно заходится от головокружительных пассажей беглых
					51. коричневых пальцев

Рис. 2. Тонально-локационная сетка второго абзаца описания обстановки в песне Т. Уильямса «Трамвай «Желание»» (в оригинале и переводе)

Прежде чем перейти к сопоставлению оригинала и перевода, сделаем несколько существенных комментариев к полученным сеткам. Переходная зона между топос-темой и тропос-темой образуется номинациями, сочетающими в себе семантические компоненты ‘пространства’ и ‘эмоции’: таковы *домик*, *лесенки* и *галерейки* в первом композиционном блоке (диминутивы могут квалифицироваться как частное проявление интенсивности — разновидности тональности [Рядовых]) и тема *черных музыкантов, игра которых вечно рядом, рукой подать* (музыка как условное, психологическое пространство) во втором. По данным примерам видно, что переходная зона обнаруживает те же парадигматические связи, что и обе темы, — этим объясняется наличие вертикальных прямых линий не только по краям сетки, но и в середине. Как и обе темы (топос- и тропос-), переходная зона может интерпретироваться как отдельная цепочка и отдельное поле: в последнем случае омотемическим ядром будут *Елисейские Поля* — номинация *убогий* улочки

на окраине *Нью-Орлеана*, устойчиво ассоциируемая с одной из центральных улиц Парижа [Михайлюкова, с. 158].

Второе сверхфразовое единство (членение на СФЕ совпадает с композиционной сегментацией, см. об этом канд. дис. В. Н. Марова [Маров, 1972]) демонстрирует и значительно более сложные, развернутые маркеры категории тональности по сравнению с первым блоком; в ряду этих маркеров (№ 36, 37, 39 и 42) отчетливы вкрапления пространственной семантики: (небо) *проглядывает голубизной*; *словно входит поэзия* и т. д. Топос-тема как бы «отбрасывает тень» на названные эмотивы. Для таких случаев маркеры располагались как бы на границе переходной зоны и тропос-темы, поскольку пространственные семы, хотя и присутствующие, следует признать наведенными, выходящими в терминах теории поля на дальнейшую периферию. Вместе с тем «тропос-тема» оправдывает, как представляется, и опосредованную связь своего названия с тропами как средствами выразительности: абсолютное большинство маркеров тональности в терминах так называемой стилистики средств (см.: [Купина, Матвеева, с. 13]) могут быть квалифицированы как олицетворения (*кажется, так и слышишь, как тепло дышит река*), метафоры (*из-за белого, набухающего мглой дома*), сравнения (*словно входит поэзия*), эпитеты (*забористая краса, благоухающие кофе и бананами пакгаузы*) и др.

Нумерация номинаций на сетках обоих СФЕ (рис. 1, 2) наглядно отражает переводческие трансформации. В русле наиболее известной логической типологии Л. С. Бархударова выделим добавления, опущения, перестановки и замены [Неугодникова, Бортников].

Опущение первой же номинации *the exterior* ('фасад, наружная сторона'), ведущее к генерализации, восполняется конкретизацией *building* ('здание') → *домик*. Думается, тем самым не только иницируется уже упомянутый ряд диминутивов *домик* — *лесенки* — *галерейки*, но и эксплицируется возможная принадлежность *the exterior*, помимо «топос-», еще и «тропос-теме» (фактически — переходной зоне, аналогично *домику* в русском переводе). Конечно, в первое же слово «ремарки описания места» [Ходус, Багдасарян, с. 218], еще и предметное, крайне трудно «вложить» эмотивную сему (поэтому и в сетке на рис. 1 *the exterior* отнесено только к «топос-теме»). Можно, по-видимому, говорить о наведенной широким правым контекстом тональности нищеты, вызывающей жалость убогости и применительно к номинации № 1.

Все первое предложение в переводе, хотя и остается назывным, перестраивается соответственно отечественной традиции описания обстановки в драмах: *The exterior of a two-story corner building on a street in New Orleans which is named Elysian Fields and runs between the L & N tracks and the river.* → *Двухэтажный угловой домик на Елисейских Полях в Нью-Орлеане — улице между рекой и железнодорожными путями.* Номинация № 6 (*runs*) в силу особенностей русского языка практически не имела шансов на сохранение (**улица бежит*), следствием чего явилась и трансформация исходного придаточного в приложение с зависимыми словами, и перестановка *Elysian Fields — a street*. Жертвуя глаголами (*runs, is named*), В. Неделин сохраняет номинативные компоненты — основу тематической

цепочки [Бортников, 2013, с. 372–373], а значит, создает о м о т е м а т и ч н ы й оригиналу перевод. Перестановка же номинаций № 8 и № 9 (*L & N tracks and the river* → *рекой и железнодорожными путями*) объяснима, вероятно, возникающей лексической двусмысленностью при передаче отрезка *between L & N tracks* как *между железнодорожными путями*: было бы непонятно, улица проходит *между путями* (в английском было бы *among the tracks*) или *между путями и рекой*. Отметим, что *L & N tracks* (букв. ‘пути железной дороги Луисвилля и Нэшвилля’) генерализовано до просто *железнодорожными путями* — одна из «топос»-сем оказалась потеряна, но номинация в целом сохранена.

Первую часть следующего двусоставного предложения (*The section is poor*) переводчик оформляет как еще одно односоставное назывное (*Убогая окраина*). Эмотив *убогая* выводится в абсолютное начало не только предложения, но и целого абзаца — искусственно созданного переводчиком в составе первого СФЕ в том числе для акцентирования первой собственно «тропос»-номинации. По тонально-локационной сетке (рис. 1) видно, насколько активно новая тема «оживает» в переводе. В. Неделин явно эксплицирует скрытые эмотивные смыслы, заложенные в оригинале: сама *убогая окраина* служит антецедентом номинации *в ней* (№ 15, англ. *it*) и добавления *в ее захудалости; unlike corresponding sections* разворачивается до *не в пример таким же задворкам* (№ 12–13, ср. отсутствие эмотивной семы в словарном значении англ. *section* и рус. *окраина*); а к маркеру *других американских городов* (№ 14) добавляется эпитет *великий*. Любопытно, что переводчик не сохраняет повтор *section — sections* (генерализация *окраина* — конкретизация *задворки*), но при этом обе замены совпадают с оригиналом в категории числа (единственное — множественное соответственно).

Типологическим средством поддержания омотемии становится нестандартная передача в русском варианте «Трамвая “Желание”» служебных слов. Уже упомянутое разворачивание *unlike* → *не в пример* (№ 12) обнаруживает продолжение: *a raffish charm* → *какая-то совершенно особая, забористая краса* (№ 16), *the houses* → *дома здесь* (№ 17), *mostly (white) frame* → *все больше (белые)* (№ 18). Очевидно, В. Неделин идет по пути лексикализации — передачи грамматического значения лексическими средствами, при этом в ряде случаев пользуется словами разговорными и тем самым «оразговаривает» [Купина, Матвеева, с. 241] контекст. Разговорный же оттенок сохраняют номинации *пооблинявшие, галерейками* — здесь «оразговаривание» осуществляется путем морфемных добавлений.

Конец первого СФЕ, как свидетельствует рис. 1, в русском переводе отмечен двумя перестановками: *with rickety outside stairs and galleries* (№ 21, 22) *and quaintly ornamented gables* (№ 23, 24) → *с вычурными фронтонами* (№ 23, 24), *обстроены шаткими лесенками и галерейками* (№ 21, 22) и *Faded (№ 28) white stairs* (№ 29) *ascend* (№ 30) *to the entrances of both* (№ 31) → *к дверям обеих* (№ 31) *ведут* (№ 30) *обшарпанные* (№ 28) *белые лесенки* (№ 29). Если вторая перестановка объяснима типичной тема-рематической разницей английского и русского языков (обстоятельство места принято выносить в начало русского предложения [Ponomarchuk, Bortnikov]), то в первом случае переводческое решение обусловлено, по-видимому,

расщеплением однородного ряда, который в буквальном переводе зазвучал бы как *лесенки, и галерейки, и фронтоны. В. Неделин передает *outside* как *обстроены* и получившееся причастие-сказуемое с зависимыми словами переносит в сильную позицию конца абзаца. В результате меняется и структура ряда определений: *вычурными* встраивается в середину ряда *белые — пооблинявшие — шаткими* и начинает контрастировать как с левой, в оригинале «цветной», частью ряда (*white — gray*), так и с правой (*rickety — шаткими*; в исходном тексте контраст обнаруживаем только между *rickety* и *quaintly ornamented*). Не менее значимой для развития «тропос»-темы представляется, однако, и вторая перестановка, поскольку в абсолютно сильную позицию конца первого сверхфразового единства встает фраза *обшарпанные белые лесенки* — топический маркер, благодаря эпитету сохраняющий и даже усиливающий ощущение обветшалости (ср. *fade* — букв. 'увядать, блекнуть').

Второе сверхфразовое единство, условно равное второму абзацу вступления к пьесе в оригинале, отличается от первого прежде всего бросающимся в глаза увеличением текстового объема. Значительно более объемные маркеры топос-и тропос-тем расширяются в переводе В. Неделина еще сильнее (рис. 2). Преобладающей по частотности трансформацией становится, таким образом, добавление: простое предложение *It is first dark of an evening early in May* (маркер № 32, условно взятый нами в скобки как сигнал времени, а не собственно пространства) разворачивается до сложного: *Вечер в начале мая, только-только еще начинают сгущаться первые сумерки*. Интенсивы — маркеры тропос-темы — эксплицируются и далее: в № 36 *проглядывает такой несказанной... голубизной*, в № 39 — *кажется, так и слышишь, как тепло дышит (река)*. Если же интенсив присутствует в оригинале, он, безусловно, передается по-русски: *almost a turquoise* → *почти бирюзовой* (ср. *almost* и в № 39).

Особо следует сказать, что переводчик улавливает и вновь усиливает тенденцию оригинала к олицетворению неодушевленных составляющих описываемой обстановки: *the warm breath of the brown river* (букв. *теплое дыхание коричневой реки*, ср. № 40) поддерживается маркерами *набухающего мглой* дома (англ. *the dim... building*); *небо проглядывает* (англ. *the sky is...*); *словно входит поэзия, кротко унимающая...* (англ. *which invests the scene... and gracefully attenuates...*). Любопытно, что в последнем случае исходное *which invests* может быть прочитано и как относящееся ко всей предшествующей конструкции (букв. *небо... особенно нежно-голубое, почти бирюзовое, что наполняет сцену...*), так и к отдельным ее компонентам — *небу* (*the sky*) или *дому* (*the... building*). И в том, и в другом прочтении, очевидно, присутствует олицетворение — яркий признак развития тропеической омотемии. Переводчик предпочел избежать однозначного выбора: прикрепил придаточное к сочетанию *бирюзовой голубизной* (результату переосмысления *blue, almost a turquoise*) и компенсировал добавление обстоятельственно-причинного оттенка к придаточному (*от которой*) собственным олицетворением *словно входит поэзия*. Отсюда в переводе *унимает* «атмосферу упадка» (англ. *the atmosphere of decay*) поэзия, а не то же самое *which* с неопределенной референцией, как в оригинале.

Формальные повторы оригинала не поддерживаются В. Неделиным — переводчик дифференцирует каждый такой случай: уже упоминавшееся *almost a turquoise* в № 36 передано как *почти бирюзовой*, а *you can almost feel* в № 39 — как *кажется, так и слышишь*; повтор *river* в *the warm breath of the brown river beyond the river warehouses* дифференцирован соответственно синтаксической функции обоих топос-маркеров (*река* и *береговыми*). Значительную разницу с исходным текстом, позволяющую избежать буквализмов, дают и семантические повторы-усилители: *the atmosphere of decay* → *все то пропавшее, порченное* (№ 37); *just around the corner* → *вечно где-то рядом, рукой подать* (№ 47, сюда же добавление *куда ни кинь*). Особо отметим случай синтеза переводческой дифференциации и повтора в № 50–51: *with the infatuated fluency of brown fingers* → *от головокружительных пассажиров беглых коричневых пальцев* — выделенное прилагательное, как и «звуковой» маркер *пассажей*, соответствует исходному *fluency*.

Атмосферности описываемой обстановке придает выделяемая многими исследователями (особенно см.: [Назарова, Саламатова; Паверман, 2008, 2011; Ходус, Багдасарян]) музыкальная микротема. *Какое-нибудь пианино* (англ. *a piano* — вновь лексикализация артикля при передаче номинации № 48, ср. № 16–17) становится символической абстракцией, как бы «чистым сигнификатом», в каждом отдельном случае наполняемым новым денотатом. Зрителя как бы приглашают пройти по *этой части Нового Орлеана* — везде будут слышны звуки *игры черных музыкантов*. Данная микротема, максимально полно сохраненная переводчиком, логически завершает исследуемый фрагмент пьесы и омотемически сцепляет проанализированное описание с основным действием: *В этой меланхолической блюзовой мелодии бродит сам дух здешней жизни*.

В заключение отметим, что выстроенные тонально-локационные сетки двух сверхфразовых единств делают наглядными смены микротем в исследуемом тексте: *дом* → *улица* → *окраина* → *другие дома* в первом СФЕ и *световые и цветковые ощущения* → *река* → *музыка* во втором. Эти смены происходят в границах явления, терминологически обозначенного В. Н. Маровым как *о м о т е м и я*, — «вертикального» развития топос- и тропос-тем. Плодотворным для оценки эквивалентности перевода представляется параллельное выстраивание объемных тематических структур (сеток) двух разноязычных вариантов текста.

Практический сопоставительный анализ показывает основные специфические особенности перевода В. Неделина: небуквальное воспроизведение и активное трансформирование оригинала при сохранении смысловой составляющей, экспликация скрытых эмотивных смыслов, точная передача тропеических компонентов исходного текста.

Перспективой исследования представляется количественное измерение эквивалентности перевода В. Неделина оригиналу в границах набора, комбинаторики и текстового размещения омотемических составляющих.

Барилко Е. А. Языковые средства выразительности в пьесе Теннесси Уильямса «Трамвай «Желание»» и способы их перевода на русский язык // Вестн. Луган. нац. ун-та имени Владимира Даля. 2019. № 3 (21). С. 11–15.

Бородина Н. В., Бортников В. И., Шишкина Е. Н. Тематическая сетка как инструмент определения эквивалентности перевода оригиналу // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2021. № 1 (447). С. 14–25.

Бортников В. И. Текстовая категория темы — идентификатор переводного варианта английского эпического текста («Потерянного рая» Дж. Мильтона): фрагмент экспериментального сопоставления // Актуальные вопросы филологической науки XXI века : сб. ст. по материалам III Всерос. науч. конф. молодых ученых : в 2 ч. / под общ. ред. Ж. А. Храмушиной, А. С. Поршневой, Л. А. Запеваловой, А. А. Ширшиковой. Екатеринбург, 2013. С. 371–377.

Бортников В. И. К вопросу о сопряжении текстовых категорий пространства и темы (на материале перевода поэмы Мильтона «Потерянный рай») // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер. : Лингвистика. 2014. Т. 11, № 4. С. 62–69.

Ицкович Т. В. О композиционно-тематическом развертывании церковной проповеди // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2006. № 41. С. 163–175.

Ицкович Т. В. Церковнославянский язык в воскресной школе // Педагогическое образование в России. 2014. № 2. С. 133–137.

Ицкович Т., Цзяоцзяо Ч. Категория темы в жанре очерка (на материале очерков В. М. Пескова) // Слова ў кантэксте часу : матэрыялы IV Міжнар. навук.-практ. канф., прысвечанай 90-годдзю з дня нараджэння докт. філал. навук праф. А. І. Наркевіча / рэдкал.: В. М. Самусевіч [і інш.]. Минск, 2019. С. 42–45.

Келер А. И. Категория композиции в молитвенном тексте // *Litera*. 2021. № 7. С. 37–46.

Крысало О. В. Лингвокультурная специфика русских переводов пьес Теннесси Уильямса : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009.

Кутина Н. А. Письменная речь выпускников средних школ: стилистические заметки // Россия в мире XXI века: между насилием и диалогом : материалы XVI Междунар. науч.-практ. конф. Гуманитар. ун-та / редкол.: Л. А. Закс [и др.]. Екатеринбург, 2013. С. 652–654.

Кутина Н. А., Матвеева Т. В. Стилистика современного русского языка. М., 2018.

Маров В. Н. Композиционно-стилистическая и нормативно-оценочная характеристика абзаца в газете : дис. ... канд. филол. наук. М., 1972.

Маров В. Н. Культурно-исторический памятник или настольная книга? // Аристотель. Риторика. Поэтика / сопроводж. статья В. Н. Марова. М., 2005. С. 213–250.

Маров В. Н. Омотемия «идеи» и «эйдоса» интерпретации текста // Интерпретация текста: ментальное зеркало видения : сб. науч. тр. / отв. ред. М. А. Шабаева. Екатеринбург, 2015. С. 112–119.

Маров В. Н. Движение омотемии от эйдоса к идее в тексте // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. 2019. № 1. С. 49–56.

Маров В. Н. Омотемическая двусмысленность в тексте (на материале «Одиссеи» Гомера) // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. 2020. № 1. С. 43–51.

Марова Н. Д. Парадигмы интерпретации текста. Екатеринбург, 2006.

Матвеева Т. В. Субъектность // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск, 2014. С. 661–662.

Матвеева Т. В., Ширинкина М. А. Принцип тематического соответствия в диалоге официальных писем (на материале обращений граждан и ответов на них) // Научный диалог. 2019. № 1. С. 61–72.

Матвиенко О. В. Ухабистый маршрут «Трамвая “Желание”»: наблюдения над украинским переводом пьесы Т. Уильямса // Парадигмы культурной памяти и константы национальной идентичности : моногр. / отв. ред. Т. А. Шарыпина, И. К. Полуяхтова, М. К. Меньщикова. Н. Новгород, 2020. С. 356–364.

Михайлюкова Н. В. Тексты городских вывесок: диахронический аспект описания (на материале языка г. Владивостока) // Вестн. Челяб. гос. пед. ун-та. 2017. № 2. С. 155–163.

Назарова Л. А. Динамика женских образов в драматургии Т. Уильямса 1940–1950-х годов XX века // Павермановские чтения. Литература. Музыка. Театр : сб. науч. тр. / под ред. О. Н. Турышевой. Екатеринбург, 2014. С. 142–148.

Назарова Л. А., Саламатова М. Н. Динамика образа протагониста в пьесах Теннесси Уильямса 1945–1961 гг. // Павермановские чтения. Литература. Музыка. Театр : сб. науч. тр. / под ред. О. Н. Турышевой. Екатеринбург, 2017. С. 111–120.

Неугодникова Е. О., Бортников В. И. Обучение переводческим трансформациям в рамках дисциплины «Теория перевода» // Лингвистика: от теории к практике : сб. ст. III междувуз. науч.-практ. конф. с междунар. участием / отв. ред. М. О. Гузикова. Екатеринбург, 2016. С. 82–88.

Паверман В. М. От поэтики пьесы к поэтике спектакля: из опыта постановки произведений Теннесси Уильямса на российской сцене // Мировая литература в контексте культуры. 2008. № 3. С. 85–88.

Паверман В. М. Американская драматургия 60-х годов XX века: динамика художественной формы. Екатеринбург, 2011.

Пасекова Н. В. Некоторые особенности перевода драматических произведений Теннесси Уильямса на русский язык // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход : материалы V междунар. науч.-практ. конф. / гл. ред. М. В. Норец. Симферополь, 2021. С. 268–273.

Попова А. И. Композиционные особенности христианской молитвы // Молодые голоса : сб. тр. молодых ученых / под ред. И. В. Шалиной. Екатеринбург, 2018. С. 100–103.

Романова Т. Н., Черемных Л. И. Экранизация как прием раскрытия идейно-художественного содержания литературного произведения // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2010. № 8. С. 68–73.

Рядовых Н. А. Категория тональности в жанре акафиста // Современные исследования социальных проблем. 2019. Т. 11, № 4–3. С. 230–241.

Сычева Н. А., Белякова С. М. Двухязычный паремиологический словарь как текст // Вестн. Тюм. гос. ун-та. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2019. Т. 5, № 1. С. 34–47.

Уильямс Т. Трамвай «Желание» [пер. с англ. В. Неделина] // Уильямс Т. Пьесы. М., 2004. С. 163–398.

Ходус В. П., Бадасарян А. Г. Влияние языка драм А. П. Чехова на структурно-семантическую организацию драматургических текстов Т. Уильямса // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 4. С. 215–220.

Шишкина М. А. Категориально-текстовый подход к описанию письменного дискурса исполнительной власти // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, № 1. С. 69–80.

Шишкина Е. Н. Тональность в художественном тексте и его переводе // Аксиологические аспекты современных филологических исследований : тез. докл. междунар. науч. конф. / под ред. Ю. Н. Михайловой. Екатеринбург, 2021. С. 102–103.

Юшкова Н. А. Критериальное оценивание результатов образования в условиях компетентностного подхода // Инновационное преподавание русского языка в условиях многоязычия : сб. ст. / отв. ред. Н. М. Румянцева. М., 2014. С. 335–338.

Itskovich T. V. The Composition of the Lives of Passion-Bearers // В мире научных открытий. 2014. № 9–2 (57). С. 760–784.

Ponomarchuk Yu. A., Bortnikov V. I. The Russian Version of J. D. Salinger's Novel «The Catcher in the Rye»: Monorphematic Changes // Язык в сфере профессиональной коммуникации : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. студентов и аспирантов / отв. ред. Л. И. Корнеева. Екатеринбург, 2019. С. 160–164.

Williams T. A Streetcar Named Desire and Other Plays. L., 2000.

Zemova M. I., Bortnikov V. I. Categorical Analysis of G. G. Byron's *Sun of the Sleepless*: An Interpretation via Field Structures // Язык в сфере профессиональной коммуникации : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов и студентов / отв. ред. Л. И. Корнеева. Екатеринбург, 2020. С. 182–189.

Статья поступила в редакцию 30.12.2021 г.

Научная статья

УДК 821.161.1-143 + 821.112.2-143 + 27-9 + 393

DOI 10.15826/izv1.2022.28.1.009

**СТИХОТВОРЕНИЯ «УЖАСЫ И ПРЕЛЕСТИ МОГИЛЫ»
Л. Г. КОЗЕГАРТЕНА И «КЛАДБИЩЕ» Н. М. КАРАМЗИНА:
ОТ РЕЛИГИОЗНОЙ ДИДАКТИКИ К ЭЛЕГИИ**

**Татьяна Владимировна Мальцева¹
Василий Петрович Шадеко²**

^{1,2} *Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Россия*

¹ kaflit@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8432-4314>

² v.shadeko@gmail.com

А н н о т а ц и я. В статье впервые проводится сравнительный анализ стихотворения Н. М. Карамзина «Кладбище» и стихотворения немецкого поэта Л. Г. Козегартена «Ужасы и прелести могилы», которое послужило основой для переложения Карамзина. В ходе исследования отмечены изменения, которые внес Карамзин, определено содержание топоса могилы в каждом стихотворении и установлены жанровые доминанты обоих стихотворений.

Делается вывод, что в стихотворении «Кладбище» Н. М. Карамзина уже присутствуют элегические мотивы и его следует рассматривать в контексте развития жанра элегии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Н. М. Карамзин; Л. Г. Козегартен; религиозно-дидактическая поэзия; элегия; топос «могила»

**THE POEMS “HORROR AND DELIGHTS OF THE GRAVE”
BY L. G. KOSEGARTEN AND “CEMETERY” BY N. M. KARAMZIN:
FROM RELIGIOUS DIDACTICS TO ELEGY**

**Tatiana V. Maltseva¹
Vasilii P. Shadeko²**

^{1,2} *Pushkin State University, St. Petersburg, Russia*

¹ kaflit@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8432-4314>

² v.shadeko@gmail.com

Abstract. The article deals with two poems, “Cemetery” by N. M. Karamzin and “Horror and Delights of the Grave” by L. G. Kosergarten, the latter one served as a basis for the Karamzin’s arrangement. In the article comparative analysis of these two poems is given for the first time. The research deals with changes made by Karamzin, determines topos “the grave” and sets genre features for both poems.

It's shown that in Karamzin's "Cemetery" elegiac motifs can be found and therefore it can be studied in the context of the development of the elegy genre.

Key words: N. M. Karamzin; L. G. Kosegarten; religious didactic poetry; elegy; topos "grave"

История возникновения и развития элегического жанра в России достаточно полно изучена и изложена в классических филологических трудах (см., например: [Вацуро; Грехнев; Гуковский; Топоров; Фризман]), в работах современных исследователей [Зырянов; Козлов; Сорокина] и др.

Высказанное Г. А. Гуковским мнение о том, что в XVIII в. элегия «не представляет никакого интереса» и, по сути, является «задворками литературы» [Гуковский, с. 115], направило интерес исследователей на элегическую поэзию первой трети XIX в., поэтому обделенными вниманием оказались элегические опыты XVIII в., и в том числе стихотворение Н. М. Карамзина «Кладбище», созданное за 10 лет до знаменитого перевода В. А. Жуковского.

Выскажем мнение, что в «Кладбище» Н. М. Карамзина уже присутствуют элегические мотивы, следовательно, его можно включить в контекст развития жанра элегии.

Стихотворение «Кладбище» было напечатано в 1792 г. в «Московском журнале» Н. М. Карамзина (при первой публикации под названием «Могила»). По мнению Г. П. Макогоненко и П. Н. Беркова, оно является вольным переложением стихотворения современника Карамзина — немецкого поэта Людвиг Готхарда Теобула Козегартена (1758–1818) «Ужасы и прелести могилы» (*“Des Grabes Furchtbarkeit und Lieblichkeit”*) [Макогоненко, Берков, с. 522], но сравнительный анализ источника и переложения до сих пор не проводился. Проведение такого анализа является задачей данной статьи.

Оба стихотворения не имеют авторской жанровой номинации. В рамках статьи мы попытаемся определить доминирующий жанровый модус каждого из стихотворений.

Творчество Л. Г. Козегартена в отечественном литературоведении до сих пор не подвергалось содержательному анализу. В карамзиноведении не рассматривался вопрос о мотивах обращения Карамзина к стихотворению Л. Г. Козегартена, как и причины изменений, внесенных Карамзиным в ходе переложения. До сих пор не изучен вопрос о том, являются ли эти изменения следствием несовпадения религиозных или философских взглядов двух авторов или это свидетельство художественно-эстетических установок Карамзина. В любом случае диалог двух поэтов требует осмысления.

В немецкой литературе XVIII — начала XIX в. Л. Г. Козегартен оставил заметный след. Перу Козегартена принадлежит несколько десятков стихотворных произведений, напечатанных при жизни и посмертно в многотомных изданиях [Kosegarten, 1788, 1798, 1824–1827], романы «Hainings Briefe an Emma», «Ewalds Rosenmonde», «Gräfin Julie von Steinau oder die Wege des Schicksals», драма в пяти

актах «Ebba von Medem». Его творчество вдохновляло немецких романтиков в литературе [Vogel] и в других видах искусства. Так, немецкий композитор Ф. Шуберт написал цикл песен на стихи Козегартена [Solvik]. Но прежде всего Козегартен известен своими «Береговыми проповедями» («Uferpredigten»), которые он во время пасторских служб читал прихожанам под открытым небом, на берегу Балтийского моря. Козегартен 16 лет служил в церкви в Альтенкирхене на острове Рюген (регион Мекленбург — Передняя Померания). Именно там, на лоне природы, как считал Козегартен, «вы так близки к делам Божиим, а значит, и к их великому Строителю» [Gott in der Natur, S. 29] (пер. В. П. Шадеко; далее в статье приводятся цитаты из подстрочного перевода стихотворения Козегартена «Des Grabes Furchtbarkeit und Lieblichkeit» [Kosegarten, 1798, Bd. 2, S. 102–108] и проповедей Козегартена, выполненные им. — *Т. М., В. Ш.*). О популярности проповедей и речей Козегартена свидетельствует тот факт, что после его смерти они были изданы Фридрихом Мохнике в 1831 г. [Mohnike]. Сейчас проповеди и речи Козегартена готовятся к переизданию [Gott in der Natur, S. 11].

Интерес к творчеству Козегартена в Европе в недавнее время возобновился. Можем указать современные исследования Михаэля Лиссока [Lissok], Катарины Кобленц-Арфкен [Coblenz-Arfken], Александра Мушника [Muschik], Андреа Рудольф [Rudolph].

Все исследователи творчества Л. Козегартена отмечают, что, обожествив природу в проповедях, он перенес это чувство и в поэзию, потому что считал, что «[п]рирода есть первейший, старейший, самый общий и понятный всем вестник, проповедник и свидетель Бога» [Gott in der Natur, S. 27]. Весьма вероятно, что это свойство поэзии Козегартена привлекло внимание Карамзина, который ставил «Натуру» наравне с человеком в центр своей творческой системы.

Центральный образ в стихотворении «Des Grabes Furchtbarkeit und Lieblichkeit» — это образ могилы. Раскрывается этот образ на основании противопоставления, заявленного уже в названии: «ужасна могила» — «ласкова могила». Все строфы стихотворения, кроме последней, являются парными и соответствуют религиозно-дидактической задаче автора: противопоставить «ужасам» могилы ее «ласку», чтобы в заключительной строфе показать читателю, что могила — это не смерть, а время ожидания благодатной Парусии. Козегартен тщательно перечисляет «ужасы» могилы: холод, скорбь, неподвижность, безмолвие, темнота, пустота, одиночество, и описывает в деталях физическую ограниченность могилы: «Полна ужаса могила. // Страшна теснота могилы. // Ее ширина, ее длина, // Ее высота, ее глубина. // Отмеряют семь шагов. // Полна ужаса тесная могила».

Ужасы могилы страшат человека, но Козегартен прагматично находит в могиле положительные стороны: «сладкая и защищающая» теснота могилы спасает от тягостной людской давки и толп глупцов, глубина могилы укрывает от ревущих наверху бурь, одиночество в могиле лишает сладострастия любви, но она же хоронит все распри, раздоры и вражду: «Глубокий мир // Представляет вечно тихая могила». «Ласка» могилы показывается через освобождение от земных горестей и физических опасностей земной жизни. Все опасное и неприятное

происходит наверху, вокруг могилы: «Бури ревут, // Замки разрушаются // Вокруг бичуемой непогодой могилы»; «Битва на поле не ревет больше; // Прибой больше не бушует; // Вулкан больше не дымится. // Долгое перемирие, // Глубокий мир // Представляет вечно тихая могила».

Козегартен призывает человека смириться с неотвратимостью смерти: «Зачем рвать свои волосы? // Зачем выплакивать свои глаза? // Зачем ломать окровавленные руки? // Зачем печалить свой благороднейший мозг? // Трус, мужайся! // Не вечно будет скрывать могила!»

Преодолевшего страх смерти и долгого ожидания ждет награда: «Но вот они прокатились, все столетия, тысячелетия, // Но сияет из-за гор день // Завершения! // Смотри, мучаются в родовых муках могилы. // Гробы рожают; // Урны // Лопаются; клубящийся прах становится душой; // Зола становится жизнью. // Та теснота расширяется до бесконечных пространств; // Та тьма превращается в бесконечные дни... // Поэтому не унывай, робкий человек! Не будет вечно могила».

Творение Козегартена — дидактическое стихотворение в духе его «Береговых проповедей». Оно наполнено скорбными общими сентенциями о неотвратимости смерти и ужасах могилы. Но смерть — это «утешение несчастных и радость христианина». Цель стихотворения — показать в действии символ веры протестантизма «*Sola gratia*» («Только благодатью»). Истинная жизнь будет только за могилой. Спасение возможно для всех — это благодать, дарованная Богом, а не результат благодетельной жизни, поэтому нужно терпеливо ждать, когда «тьма превратится в бесконечные дни».

В художественном отношении образы стихотворения вещественны и лишены аллегоричности, за исключением образов «незабудки» и «тихой фиалки», которые цветут на одинокой могиле. Оба цветка имеют христианскую символику, олицетворяют скромность, уединение, смирение, кротость [Триссидер]. Незабудка еще и символизирует память о мертвых. Включение этих цветов в образный ряд стихотворения только подчеркивает его общую цель.

Структура стихотворения Козегартена с парными строфами оказалась впечатляющей, она была сохранена Карамзиным при переложении. Но анализ образных рядов двух произведений отчетливо выявляет разницу как идеологических, так и эстетических позиций двух авторов. Религиозно-дидактический модус стихотворения Козегартена сменяется элегическим модусом у Карамзина.

Стихотворение «Кладбище» представляет собой диалог двух голосов. Оба голоса — загробные, они повествуют о том, что они видят «за гробом». Стихотворение состоит из пяти парных строф, в каждой паре второй голос опровергает рассказ первого. Эти голоса — антиподы, они рассказывают о двух разных загробных мирах: «Первый» голос представляет «мертвую юдоль» страшного и темного мира, «Второй» голос — «обитель вечного мира». Это биполярное описание одного и того же локуса: и одно, и другое находятся «тамо» — за пределами мира живых.

Никаких прямых религиозных отсылок маркировки этих миров нет, но указанные в стихотворении детали позволяют предположить, что эти аллегорические изображения имеют признаки ада ирая. Топос ада составляют холод, темнота,

грохот, вой, сырость, душный воздух, безжизненная растительность («древо без листьев стоит»). Топос рая представляет зеркальный ответ: приятная прохлада, тишина, «воздух светлый», «пар благовонный», богатство растительности.

«Первый» голос — топос ада

«Гробы трясутся»
 Могила «хладная, темная»
 «Ветры здесь воют»
 «Червь кровоглавый... жабы гнездятся... змии в крапиве шипят»
 «Черные враны, алчные птицы... хищные звери»
 «Сырость со мглюю... в воздухе душном»
 «Древо без листьев стоит»
 «Мертвая юдоль»

«Второй» голос — топос рая

«Тихо в могиле»
 Могила «мягкая, покойная»
 «Ветры здесь веют»
 «Нежные птички... песнь на могиле поют»
 «Маленький кролик... с милой подружкой... голубь на веточке»
 «В воздухе светлом пар благовонный»
 «...синих фиалок, белых ясминов, лилей»
 «Обитель вечного мира»

Мертвые не имеют покоя в адском мире: «гробы трясутся», «белые кости стучат», «алчные птицы, хищные звери» «с ревом копают в земле», «червь кровоглавый точит умерших», «в черепахах желтых жабы гнездятся», «змии в крапиве шипят». Негативная живописная визуализация и звуковой хаос естественно устрашают странника: он, «ужас и трепет чувствуя в сердце, мимо кладбища спешит». Все реалии соотносятся с адской фауной, в которой предстают животные или демоны в виде животных: змеи, жабы, отвратительные насекомые (здесь — черви).

Гармония и покой райского мира — «крепкий сон мертвых, сладостный, кроткий», сопровождающийся благоуханием растений, пением птичек, — привлекают «усталого странника»: он, «посох бросая, там остается навек». Все детали райского мира соотносятся с образами торжествующей весенней природы: зеленая травка, благоухание цветущих синих фиалок (которые станут флористическим знаком бедной Лизы и которые присутствуют в стихотворении Козегартена), белых ясминов, лилей, мирный отдых маленького кролика с милой подружкой, спящий голубь, пение нежных птичек. Для крепко спящих «кротким сладостным сном» мертвецов «нежные» звуки и «благовонные» запахи избыточны, но актуальная для Карамзина сентиментальная поэтика позволяет ему эстетизировать загробный мир «Второго» голоса (райский топос) именно с помощью природных образов. Христианский подтекст во флористической символике присутствует, как и у Козегартена: названы цветы белого и синего цвета (в христианской символике это цвета Богородицы).

Обращает на себя внимание необычная деталь — топос рая в стихотворении Карамзина представлен в образах «земного рая» — весны, времени цветения и возрождения: «травки, цветочки растут», «нежные птички песнь на могиле поют», «маленький кролик в травке зеленой», «пар благовонный синих фиалок, белых ясминов, лилей». Композиция стихотворения всеми способами (цветовая, звуковая, обонятельная гаммы) приковывает внимание читателя к топосу рая как конечной цели человека.

Камерное представление топоса могилы в стихотворении Карамзина отличается от представления загробного мира в стихотворении Козегартена. У Козегартена присутствует противостояние внешних эсхатологических событий над могилой и внутреннего покоя могилы. После тысячелетий бурь, ураганов, битв, извержений вулканов происходит «завершение» — приход божества как единое начало новой жизни для всех. В стихотворении «Кладбище» изначально возможны два разных посмертных пути, и путь в рай обеспечивает добродетельная земная жизнь, что подчеркивает флористический ряд стихотворения (в символике фиалки, жасмина и лилии присутствует добродетель).

Само наличие топосов рая и ада, отсутствие оппозиции между топосами весны и рая в стихотворении «Кладбище» дает возможность предположить следующее. Пластическое представление двух миров, очевидность результата их сравнения позволяют видеть в стихотворении Карамзина отголоски дидактической поэзии, что и было свойственно оригиналу. Между тем в стихотворении Карамзина присутствуют образы и идеи, свойственные сентиментальной лирике, которые встретятся в последующем поэтическом творчестве Карамзина: например, в стихотворении «К соловью» Карамзина — образ «нежного, кроткого» соловья: «Скоро ль песню свою, / О любезный соловей, / Над могилою моею/ Будешь ты пленять людей?» (ср.: «нежные птички песнь на могиле поют»); в «Послании к Дмитриеву» расшифрована идея обретения «без трепета и страха» благодатной «вечной обители».

Элегии присущ особый комплекс мотивов: размышление о скоротечности жизни и неизбежном увядании и смерти, обычно навеянное видом кладбища, надежда на успокоение в другом мире, примиряющая с неизбежным уходом. Элегический модус требовал и носителя эмоционального переживания — лирического героя, размышляющего о горестной судьбе человека. В стихотворении Карамзина лирического героя в его прямом значении еще нет, но выделен некий визионер, который слышит загробные голоса, передает эмоции «боящегося» странника и «усталого» странника.

Опираясь на мнение В. И. Козлова о жанровом синтезе, характерном для русской поэтической традиции [Козлов, с. 30], считаем, что небольшое пространство стихотворения в рамках «кладбищенской» тематики дает возможность Карамзину представить своего рода сплав образов, которые созвучны разным жанрам и художественным моделям — назидательному просветительскому стихотворению (наглядный выбор модели поведения для обеспечения посмертного благополучия) и сентиментальной элегии (мотив обреченности человека, неизбежности смерти, благообразности мира). Стихотворение как будто маркирует границу художественных эпох — классицизма и сентиментализма. В этом же 1792 г. граница классицистической эпохи была пройдена окончательно с появлением в «Московском журнале» повести «Бедная Лиза».

Мы предполагаем возможность расширения контекста бытования такой разновидности жанра элегии, как «кладбищенская элегия», и включения стихотворения Н. М. Карамзина «Кладбище» в жанровый ряд элегии.

- Вацуро В. Э.* Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа». СПб., 2002. 241 с.
- Грехнев В. А.* Лирика Пушкина. О поэтике жанров. Горький, 1985. 239 с.
- Гуковский Г. А.* Элегия в XVIII веке // Гуковский Г. А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. М., 2001. С. 72–116.
- Зырянов О. В.* Эволюция жанрового сознания русской лирики: феноменологический аспект. Екатеринбург, 2003. 548 с.
- Козлов В. И.* Русская элегия неканонического периода : очерки типологии истории. М., 2012. 280 с.
- Макогоненко Г. П., Берков П. Н.* Комментарий: Карамзин. Стихотворения. Кладбище // Карамзин Н. М. Избр. соч. : в 2 т. М. ; Л., 1964. Т. 2. С. 522.
- Сорокина Я. А.* Элегия в системе лирических жанров XVIII века: опыт компаративного анализа : дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. 273 с.
- Топоров В. Н.* «Сельское кладбище» Жуковского: К истокам русской поэзии // Russian Literature. 1981. Vol. 10. P. 207–282.
- Триссидер Д.* Словарь символов. М., 1999. URL: https://www.booksite.ru/localtxt/tre/sid/der/tresidder_d/slovar_sim/index.htm (дата обращения: 01.09.2021).
- Фришман Л. Г.* Жизнь лирического жанра: русская элегия от Сумарокова до Некрасова. М., 1973. 170 с.
- Coblenz-Arfken K.* Kosegarten. Verbote der Romantik von Rügen und Hiddensee. Hamburg, 2009. 153 s.
- Gott in der Natur. Aus den Uferpredigten Gotthard Ludwig Kosegartens kommentiert und eingeleitet von Katharina Coblenz-Arfken. Bremen, 2012. 123 s.
- Kosegarten L. G.* Gedichte. 2 Bd. Leipzig, 1788.
- Kosegarten L. G.* Poesien. 3 Bd. Leipzig, 1798–1802.
- Kosegarten L. G.* Dichtungen. 12 Bd. Greifswald, 1824–1827.
- Lissok M.* Tod und Auferstehung im dichterischen Werk Ludwig Gotthard Kosegartens und die Grabmalkunst zwischen 1770 und 1840 in Vorpommern — ein Vergleich // Pommern in der frühen Neuzeit. Literatur und Kultur in Stadt und Region. Tübingen, 1994. S. 563–588.
- Mohnike Fr.* Uferpredigten und hymnologische Aufsätze. Stralsund, 1831. Bd. 1 : Reden und kleine prosaische Schriften. 280 s.
- Muschik A.* Ludwig Theobul Kosegarten (1758–1818) et la réception de la philosophie rousseauiste en Poméranie suédoise // Etudes Jean-Jacques Rousseau. 2010. Bd. 18. S. 315–346.
- Rudolph A.* Rügische “Kunstperiode”. Ludwig Gotthard Kosegarten // Kulturwissenschaftliche Beiträge. Quellen und Forschungen. Dettelbach, 2011. Bd. 7. S. 59–86.
- Solvik M.* Finding a Context for Schubert’s Kosegarten Cycle // Schubert und seine Freunde. Wien, 1999. S. 169–182.
- Vogel G.-H.* Die Bedeutung Ludwig Gotthard Kosegartens für die Herausbildung des frühromantischen Weltbildes // Pommern in der frühen Neuzeit Literatur und Kultur in Stadt und Region. Tübingen, 1994. S. 549–563.

Статья поступила в редакцию 30.11.2021 г.

Научная статья

УДК 821.161.1-3 Чарская + 159.9:316.77

DOI 10.15826/izv1.2022.28.1.010

ОБ ОДНОМ ИСТОЧНИКЕ СЮЖЕТА ПОВЕСТИ Л. А. ЧАРСКОЙ «СИБИРОЧКА»

Надежда Николаевна Пуряева^{1,2}

¹Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

²Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне,
Шэньчжэнь, КНР

e-mail: nadia_np@mail.ru

А н н о т а ц и я. В статье предложена гипотеза о том, что одним из сюжетных источников повести Л. А. Чарской «Сибирочка» является история Параша Луполовой. Чарская воспроизводит основные элементы так называемого «парашинного сюжета», послужившего основой ряда авторских и анонимных произведений XIX в., однако адаптирует его для детской читательской аудитории. В повести Чарская предлагает вариант ролевой модели девочки-подростка. В отличие от своих предшественников, обращавшихся к «парашинному сюжету», писательница особое внимание сосредотачивает именно на характере главной героини. Через нее Чарская также вводит нетривиальную для начала XX в. идею культурной и этнической толерантности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Л. А. Чарская; «Сибирочка»; Параша Сибирячка; Параша Луполова; парашин сюжет; толерантность

ABOUT ONE SOURCE OF THE PLOT OF LIDYA CHARSKAYA'S "SIBIROCHKA"

Nadezhda N. Puriaeva^{1,2}

¹Moscow State University named after M. V. Lomonosov,
Moscow, Russia

²Shenzhen MSU-BIT University,
Shenzhen, PRC

e-mail: nadia_np@mail.ru

Abstract. The hypothesis is presented in the following study according to which one of the plot sources of Lidya Charskaya's story "Sibirochka" is the story of Parasha Lupolova. Charskaya reproduces the main elements of the so-called "parasha's plot", which served as the basis for a number of short stories, both authored and anonymous, throughout the XIX century, but adapts it for children's readership. In her story,

Charskaya offers a variant of a teenage girl role model. Unlike her predecessors, who turned to the “parasha’s plot”, the writer focuses special attention on the main character. Through her, Charskaya introduces a rather unusual for the beginning of the XX century concept of cultural and ethnic tolerance.

К е у о р д с: Lidya Charskaya; “Sibirochka”; Parasha Sibiryachka; Parasha Lupolova; “parasha’s plot”; tolerance

Произведения Л. А. Чарской в последнее время вновь находятся в сфере внимания литературоведов. Значительная часть посвященных им исследований направлена на выявление жанровой специфики текстов писательницы [Агафонова; Матвеева]; во многих работах Чарская рассматривается как одна из основоположниц массовой литературы, формировавшейся в конце XIX — начале XX в. [Агафонова; Шацкий]. В последние годы вновь приобрел актуальность вопрос о нравственном и дидактическом потенциале повестей писательницы [Грудкина; Лопин, Лопина; Потапова; Ромашова]. Вопрос «этимологии» сюжетов Чарской пока рассматривался мало [Пуряева, 2018, 2020], что обуславливает актуальность данного исследования.

Наша гипотеза заключается в том, что одним из фабульных источников повести «Сибирочка» (1910) Л. А. Чарской послужила история Парашы Луполовой. Ниже постараемся ее обосновать.

Первое сообщение о мужественном поступке девицы Луполовой, отправившейся пешком из Сибири в столицу, чтобы просить у императора милости к осужденному отцу, было опубликовано в петербургских, а затем в некоторых иностранных газетах в 1805 г. К началу XX в. повествование о храброй девушке являлось фабулой целого ряда художественных произведений, как авторских, так и анонимных (роман С. Коттен «Елисавета Л*, или Нещастия семейства, сосланного в Сибирь и потом возвращенного. Истинное происшествие», 1806, рус. пер. 1807; повесть К. де Местра «Молодая сибирячка», 1825, рус. пер. 1840; пьеса Н. А. Полевого «Параша Сибирячка», 1840, а также несколько анонимных повестей, выходявших в 1880–1890-е гг. в дешевых изданиях в Москве, Петербурге и Киеве). Эта фабула состояла из ряда устойчивых сюжетных элементов: четкая географическая локализация (путешествие из Сибири в Москву или Петербург), миссия героини (восстановить справедливость), устойчивые сюжетные компоненты (эпизод с разбойниками, герой-помощник), торжество справедливости в развязке (монарх дарует милость), — все это дает основание говорить о наличии здесь устойчивого комплекса фабульно-сюжетных мотивов, который далее будем называть «парашин сюжет».

В отношении «Сибирочки», как и большинства других произведений Чарской, нет материалов, позволяющих судить о процессе ее создания. Совпадение некоторых фабульных поворотов и повествовательных деталей, о чем будет сказано ниже, дает основание полагать, что писательница была знакома, видимо, с несколькими произведениями на «парашин сюжет». Возможно, «разработанность» сюжета

подтолкнула Чарскую представить в своем произведении не очередное изложение хорошо известной истории, а переосмысленную ее версию.

В большинстве повестей Чарской центральный образ — девочка-подросток, проходящая жизненные испытания на пути взросления. Местом действия Чарская, как правило, выбирает Петербург, однако в ряде произведений («Княжна Джаваха», «Газават», «Вторая Нина», «Люда Влассовская», «Лесовичка», «Сибирочка») события разворачиваются на более экзотическом фоне Кавказа или Сибири. Это отнюдь не свидетельствует о стремлении автора изобразить национальные типы характеров, скорее, необычным локусом действия писательница старается внести разнообразие в довольно шаблонные сюжетные схемы.

В то время как «взрослые» тексты Коттен, Местра и Полевого построены по принципу сказочной мотивировки (героиня отправляется в путешествие, чтобы, восстановив справедливость, вернуться), Чарская свой «детский» текст упрощает до модели однонаправленного линейного движения. Нет у героини и осознанной миссии, в отличие от Параша Луполовой, — она слишком мала для этого. Сибирочка лишь выполняет наказ умирающего дедушки отыскать тетю Анну, которая о ней позаботится. При этом на глубинном уровне связь с исходным сюжетом сохраняется: цель героини в широком смысле — восстановить справедливость и воссоединиться с отцом.

Завязка сюжета происходит за девять лет до времени основного действия: в сибирской степи от нападения волков гибнут все спутники некоего состоятельного путешественника, сам он сильно ранен и чудом избегает смерти. Перед этим, слыша вой приближающейся стаи, он успевает привязать к придорожному дереву завернутую в меховую куртку малютку-дочь, чтобы таким образом спасти ее от хищников. Подоспевшие через какое-то время местные жители спасают путешественника, оказавшегося богатым петербургским баринном, едущим к своему другу, однако поиски ребенка оказываются безрезультатными: малышка бесследно исчезла.

Между тем ребенка спасает птицелов Михайлыч, решивший не искать родителей девочки, а воспитать ее как свою внучку. Помимо одежды, свидетельствующей о состоятельности семьи девочки, Михайлыч нашел на ней золотой крестик с именем Александра, однако решил назвать ее Сибирочкой, «потому что нашел <...> в самой глуши Сибири» [Чарская, с. 22]. Отметим, что этот крестик станет важной сюжетной деталью в завязке повести.

Дальнейшее повествование Чарская разделяет на две части. Первая посвящена путешествию Сибирочки в Петербург, вторая — воссоединению с отцом.

Дед Михайлыч, умирающий в самом начале первой части повести, наказывает своей девятилетней «внучке» отправиться к его дочери Анне в Петербург. Еще за некоторое время до смерти он открыл Сибирочке тайну ее появления: «Ты знатная сиротка, Сибирочка, очень знатная. Нашел я тебя в шубе важной, и белишко, и платьишко самые что ни на есть графские были. Поди, ты еще графов каких дитя!» [Там же, с. 41]. При этом автор подчеркивает, что скромная Сибирочка не восприняла этот рассказ всерьез, а родным считала только Михайлыча.

За эпизодом смерти старого птицелова следует эпизод с разбойниками, который создает событийную мотивировку для путешествия Сибирочки в Петербург, а также дает возможность ввести героя-помощника — мальчика Андрея.

Как мы уже отметили, эпизод с разбойниками является устойчивым элементом «парашиного сюжета». За исключением пьесы Полевого (в этом драматургическом варианте сюжета описание путешествия опущено, внимание автора сосредоточено на финале путешествия Параша), он присутствует во всех как авторских, так и анонимных текстах. Однако если у Коттен и Местра это был способ подчеркнуть религиозность героини, служащую ей щитом (разбойники не решаются напасть на молящуюся девушку, считая, что она под особой защитой Всевышнего), у Чарской эпизод с разбойниками развивается во второстепенную сюжетную линию, которая, с одной стороны, дает возможность проявиться разнообразным положительным чертам характера главной героини, а с другой — придает действию динамику. Захватывающий сюжет — отличительная черта всех текстов писательницы, однако в «Сибирочке», где главной героине всего девять лет, фабулу приходится все время дополнительно «закручивать», поскольку героиня сама не может сообщить ей достаточно энергии для движения.

Герой-помощник — еще один устойчивый элемент «парашиного сюжета». Как мы уже отмечали, у Чарской эту функцию выполняет мальчик Андрей, которого героиня встречает в эпизоде с разбойниками. Впрочем, Чарская вставляет в повествование мотивы и из других источников, например, эпизод, напоминающий сказку братьев Гримм «Пряничный домик»: Сибирочка находит путь назад в логово разбойников по шишкам, которые втыкала в снег.

В первой части повествования героиня и появившийся герой-помощник преодолевают несколько испытаний: нападение раненого медведя, стычка со сбежавшим разбойником Зубом. Детей в обоих случаях спасает охотник остяк Нымза. Здесь ощущается явная переключка с текстом Коттен (отец ее главной героини — охотник, нередко охотящийся с местными), а также и с пьесой Полевого (действие начинается с описания охоты тунгусов). Нымза дает детям собаку с санями, чтобы добраться до поселка с железной дорогой — «машины на Тобольск» [Чарская, с. 141]. Отметим, что эта точка маршрута совпадает с маршрутом Параша Луполовой и является едва ли не единственным прямым пересечением с «парашиним сюжетом».

Во второй части повести действие стремительно переносится в Петербург, хотя автор отмечает, что путь от хижины Нымзы до столицы занял два месяца. Дети находят Анну Степановну Вихрову, дочь дедушки Михайлыча, которая вместо ожидавшейся помощи их прогоняет. Из ее разговора с сыном-подростком Никсом выясняется, что она страшно напугана: пять лет назад она выдала свою собственную дочь за княжну Гордову и теперь, после появления Сибирочки, боится разоблачения. Никс предлагает устроить Сибирочку и Андрея в цирк, в котором он сам выступает: девочку в аттракцион со львами, а мальчика — билетером, — в надежде, что либо с нею что-нибудь случится в ближайшее время, либо через несколько месяцев хозяин цирка — немец увезет ее за границу. Вопреки расчетам

Никса, Сибирочка прекрасно справляется со львами, и всего через месяц публика кричит о ее превосходстве над предыдущим кумиром — самим Никсом. Андрей же успешно выступает в амплу клоуна.

Подобное травестирирование привычных гендерных ролей не редкость в произведениях Чарской, очевидной сторонницы идей эмансипации. В некоторых случаях («Княжна Джаваха», «Смелая жизнь», «Сибирочка») героини прямо узурпируют мужские роли, но и в более нейтральных сюжетах героини-подростки акцентированно смелые, подчас готовые переступить предписываемые девочкам рамки поведения, но при этом всегда воплощающие высшие моральные качества.

Чарская продолжает «закручивать» сюжет: вновь появляется разбойник Зуб, который жаждет отомстить Сибирочке; лжекняжна Гордова восхищена смелостью Сибирочки на арене цирка, завязывает с ней знакомство и приглашает к себе домой; уязвленный Никс подстраивает Сибирочке несчастный случай в клетке со львами. В итоге вся правда вскрывается, князь находит свою настоящую дочь, справедливость торжествует.

Таким образом, Чарская опирается на общую канву «парашиного сюжета» (путешествие с целью восстановить справедливость) и некоторые сюжетные элементы (эпизод с разбойниками, герой-помощник), однако меняет расстановку акцентов.

В отличие от предшественников, использовавших этот сюжет, Чарская сосредотачивает основное внимание на характере своей героини. Она выстраивает повествование таким образом, что подчеркивает роль именно ее личности, а не миссии. Примечательно, что писательница дает своей героине другое имя — Александра, тем самым дистанцируя ее от Параши, но в то же время добавляет ей емкое прозвище — Сибирочка. С одной стороны, оно локализует героиню в географическом пространстве, с другой — подразумевает силу и стойкость характера героини и, наконец, аллегорично связывает с историей Параши Луполовой. Отметим, что настоящее имя — Шура — впервые упоминается в эпизоде с разбойниками. Это испытание становится своего рода инициацией героини: она начинает путь от Шуры к обретению своего настоящего имени — Александра Гордова.

Сибирочка Чарской продолжает линию героинь Коттен, Местра и Полевого в том, что касается глубокой религиозности. Оказавшись после внезапной смерти дедушки в логове разбойников, героиня обращается с молитвой к Богу, укрепляясь духом через нее и находя силы действовать. Однако необходимо отметить, что набожность в целом — устойчивая характеристика героинь Чарской, т. е. не является уникальной для данной повести. Отметим также, что своеобразно преломленные религиозные мотивы играют в развязке сюжета решающую роль.

В финале повести Сибирочка должна выступить в новой цирковой программе в роли христианской мученицы, которую Нерон (в его роли выступает антагонист Сибирочки — Никс) отправляет на съедение разъяренным хищникам. По сценарию звери, усмиренные добродетелью христианки, должны лечь к ее ногам. Желая отомстить Сибирочке за ее успех у публики, в порыве злобы

Никс перед спектаклем втыкает иглы в венки, которые Сибирочка должна надеть львам на шею. В результате во время выступления разъяренный зверь наносит Сибирочке рану. Эпизод не только выполняет функцию сюжетной мотивировки (далее следует стремительная развязка), но и приобретает символическое значение: исполненное опасностей путешествие Сибирочки через него соотносено с подвигом христианской мученицы. Чарская тем самым незаметно придает авантюрно-приключенческой тональности сюжета оттенок назидательности.

В кульминационной сцене действия важную роль играет один из ключевых символов христианской веры — крест. Князь Гордов узнает свою настоящую дочь по нательному кресту, который видит на раненой Сибирочке.

Развязка «парашиного сюжета», как правило, представляет собой сцену встречи героини с императором, т. е. идея торжества справедливости воплощается в фигуре дарующего милость монарха. Чарская сохраняет саму идею, однако отказывается от приема персонификации. Вместо этого она вводит в повествование сюжетную деталь, имеющую явную религиозную коннотацию (нательный золотой крестик) и таким образом акцентирующую торжество высшей, т. е. божественной, справедливости.

«Сибирочка» — прежде всего, дидактическая повесть. Как это свойственно текстам Чарской, в ней много сюжетных перегибов и неестественных ситуаций, однако ее генеральная цель — создать образ девочки-ролевой модели.

Помимо утверждения традиционного перечня положительных качеств (доброта, кротость, отзывчивость, смелость, решительность), а также либеральной идеи снижения значимости социального статуса, Чарская через героиню вводит еще одну довольно нетривиальную для начала XX в. идею — культурной и этнической толерантности. Кроме упоминавшегося выше остяка Нымзы, который помогает Сибирочке и Андрею спастись от разбойника Зуба, в повести есть еще более неожиданный «герой-помощник». В интернациональной труппе цирковых артистов господина Шольца одной из близких подруг Сибирочки становится чернокожая силачка Элла. Именно она спасает девочку от разбойника Зуба в момент, когда гибель героини кажется неминуемой.

Чарская последовательно через всю вторую часть повести, в которой фигурирует Элла, проводит идею ее абсолютного морального равенства с другими героями, а иногда и превосходства над ними. Отношение к ней становится своего рода лакмусовой бумажкой, проявляющей сущность персонажа. Особенно рельефно это проступает на контрасте отношения к африканской атлетке Сибирочки и лжекняжны Гордовой:

— Что это за чучело там глядит? Смотри! Смотри! — И она бесцеремонно ткнула пальчиком по направлению к двери, откуда просовывалась черная голова Эллы. <...> — Фи, противная какая! Черная, как сажа, — сделала презрительную гримаску княжна [Чарская, с. 307].

— Она не возьмет денег от вас, — смущенно пояснила княжне Але Сибирочка, — она говорит, что она мой друг, стало быть, и ваш тоже!

— Ну, дружбы ее я не особенно-то просила, и какая это дружба с чернокожей! — засмеялась княжна и стала спускаться с лестницы.

— У нее светлая душа! — произнесла Сибирочка, которая с каждым днем узнавала все лучше и лучше благородную душу черной Эллы [Там же, с. 310].

* * *

Подводя итог вышесказанному, отметим, что хотя Параша Луполова нигде прямо не упоминается, на наш взгляд, повесть «Сибирочка» можно считать вариантом воплощения «парашиного сюжета». Чарская следует сюжетной канве и воспроизводит устойчивые элементы сюжета, адаптируя его под детскую аудиторию. Писательница выводит на первый план авантюрное, захватывающее действие, однако дидактическая идея повести не менее важна, и она реализуется в ситуациях с религиозным контекстом.

Итак, несмотря на то что источником «парашиного сюжета» является исторический факт, сам сюжет быстро мифологизируется. Переходя из произведения в произведение, он легко принимает в себя черты разных литературных жанров: сказки, жития, исторического романа, романа-воспитания. Повесть «Сибирочка» Чарской представляет собой поздний этап его развития и содержит переосмысленный вариант сюжета.

На уровне архетипов «парашин сюжет» предлагает новую ролевую модель активно действующей героини. Он появляется в первой половине XIX в., когда такого рода литературные сюжеты оказываются востребованы в связи с наметившимся сдвигом в традиционном распределении социально-гендерных ролей.

Агафонова Н. С. Проза А. Вербицкой и Л. Чарской как явление массовой литературы : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Иванов. гос. ун-т. Иваново, 2005.

Грудкина Т. В. Жизнь как жертва: нравственные ориентиры для современной молодежи // Православная русская школа: традиции, опыт, возможности, перспективы : материалы XII Всероссий. науч.-практ. конф. Ярославль, 2020. С. 137–149.

Коттен С. Елисавета Л*, или Нещастия семейства, сосланного в Сибирь и потом возвращенного: Истинное происшествие. М., 1807. 93 с.

Лопин Р. А., Лопина М. Р. Воспитать «маленьких людей» в любви к Отечеству и Богу: Лидия Чарская в детской литературе православной России // Тр. Белгор. православной духовной семинарии (с миссионерской направленностью). 2018. № 7. С. 127–133.

Лотман Ю. М. Происхождение сюжета в типологическом освещении // Избр. ст. : в 3 т. Таллин, 1992. Т. 1. С. 224–242.

Матвеева А. С. Стиль сказочной прозы Лидии Чарской : дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 209 с.

Мелетинский С. М. О литературных архетипах. М., 1994. С. 64.

Местр К. Молодая сибирячка: Истинное происшествие / пер. с фр. А. Попова, СПб., 1840.

Полевой Н. А. Параша Сибирячка // Драматические сочинения и переводы Н. А. Полевого : в 4 ч. СПб., 1842. Ч. 1. 436 с.

- Потапова Н. А., Поддубная А. С.* Литературоведческий анализ произведений Л. А. Чарской как средство воспитания патриотизма у студентов // Электрон. науч. журн. 2019. № 6 (26). С. 42–45.
- Пуряева Н. Н.* Надежда Дурова: миф о кавалерист-девице // Вестн. Нижегород. гос. ун-та. Сер.: Филология. 2018. № 3. С. 224–233.
- Пуряева Н. Н.* Роль эпизода со змеей в конструировании мифа о кавалерист-девице // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2020. Т. 26, № 4 (201), с. 27–31.
- Ромашова В. А.* Этические беседы с детьми по произведениям Л. А. Чарской // Духовно-нравственное развитие детей и подростков в условиях современного образования : материалы Межрегион. науч.-практ. конф. / отв. ред. Н. Г. Куприна, М. В. Уманская. Екатеринбург, 2015. С. 138–140.
- Чарская Л. А.* Сибирочка : повесть. М., 1991. 416 с.
- Шатин Ю. В.* Исторический нарратив и мифология XX столетия // Критика и семиотика. 2002. № 5. С. 100–108.
- Шатин Ю. В., Силантьев И. В.* Сюжетология и сюжетография как базовые основания нарратологии // Сюжетология и сюжетография. 2013. № 1. С. 3–6.
- Шацкий Е. О.* Нравственно-эстетическое своеобразие и актуальность творчества Лидии Алексеевны Чарской : дис. ... канд. филол. наук / Моск. гос. ун-т им. М. А. Шолохова. М., 2010.
- A History of Women's Writing in Russia. Edited by Adele Marie Barker & Jehanne M. Gheith. Cambridge, 2002.

Статья поступила в редакцию 15.11.2021 г.

Научная статья

УДК 82-312.9 + 821.111-3 Роулинг + 82-93

DOI 10.15826/izv1.2022.28.1.011

РУССКИЙ YOUNG ADULT О МАГИЧЕСКИХ ШКОЛАХ: ВЛИЯНИЕ ГАРРИ ПОТТЕРА

Татьяна Игоревна Хоруженко

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия*

tkhoruzhenko@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-0477-7517>

А н н о т а ц и я. Целью статьи является изучение русскоязычных романов о магических школах, относимых к young adult. В статье анализируются шесть произведений отечественных авторов («Таня Гроттер и магический контрабас» Д. Емца, «Школа в Кармартене» А. Коростелевой, «Юлианна, или Опасные игры» Ю. Вознесенской, «Часовой ключ» Н. Щербы, «Ярилина рукопись» М. Козинаки и С. Авдюхиной, «Vita Nostra» М. и С. Дяченко). Автор приходит к выводу, что модель, заданная романами Дж. Роулинг о Гарри Поттере, достаточно сильно трансформируется в русскоязычных текстах.

К л ю ч е в ы е с л о в а: модель жанра; фэнтези; Гарри Поттер; школьная повесть; детское чтение

RUSSIAN YOUNG ADULT ABOUT MAGIC SCHOOLS: THE INFLUENCE OF HARRY POTTER

Tatiana I. Khoruzhenko

*Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia*

tkhoruzhenko@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-0477-7517>

A b s t r a c t. The purpose of the study is to describe Russian fantasy novels about magic schools classified as youngadult. The author compares six young-adult Russian fantasy novels (“Tanya Grotter and the magical double bass” by D. Emts, “School at Carmarthen” by A. Korosteleva, “Julianna or dangerous games” by Y. Voznesenskaya, “Clock Key” by N. Scherba, “Yarilin’s manuscript” by M. Kozinaki and S. Avdyukhina, “Vita Nostra” by M. and S. Dyachenko) and assumes that the model given in Harry Potter’s novels is strongly transformed.

K e y w o r d s: young-adult; model of genre; fantasy, genre; Harry Potter; school stories.

© Хоруженко Т. И., 2022

Первый роман Дж. Роулинг о Гарри Поттере вышел в 1999 г. За прошедшие два десятилетия история о «мальчике, который выжил», значительно повлияла на массовую литературу всего мира. Книги о Гарри Поттере фактически закрепили в мировой литературе жанр *young adult*¹, сделав его любимым и популярным не только среди подростков, но и среди взрослых [Daniels, с. 79; Peterson].

Цель этой статьи — анализ произведений русской литературы, созданных в той или иной мере по «лекалам» Гарри Поттера. Были изучены романы о магических школах, вышедшие в последние 20 лет: «Таня Гротгер и магический контрабас» (первый роман цикла, опубликованный в 2002 г.) Д. Емца, «Юлианна, или Опасные игры» Ю. Вознесенской (2005), «Школа в Кармартене» А. Коростелевой (2006), «Vita Nostra» М. и С. Дяченко (2007), «Часовой ключ» Н. Щербы (первый роман цикла «Часодеи», вышедшего в 2011–2014 гг.), «Ярилина рукопись» (первый роман цикла «По ту сторону реки», вышедшего в 2015–2020 гг.) М. Козинаки и С. Авдюхиной. Были выделены черты, формирующие сегодня сюжет отечественного фэнтези для подростков и «молодых взрослых». Особо был сделан акцент на отличиях от образца, заданного Дж. Роулинг.

Литературные произведения для подростков и молодежной аудитории достаточно часто определяются термином *young adult*, под которым обычно подразумеваются художественные произведения, ориентированные на определенную целевую аудиторию (читатели от 13 до 21 года) и говорящие об актуальных социальных проблемах (насилие в семье, травля в коллективе и т. д.) или о табуированных темах (секс, телесность, смерть) [Погорелая, с. 50]. Достаточно часто действие происходит в фантастическом мире.

Литература, ориентированная на «молодых взрослых», активно начала развиваться со второй половины XX в. после Второй мировой войны [Cart, с. 3]. О литературе *young adult* как о новом направлении заговорили после того, как в 1954 г. вышла повесть «Над пропастью во ржи» Д. Селлинджера. «Золотым веком» *young adult* считаются 1970-е гг. Новый всплеск интереса наметился в XXI в. и связан с «фантастическим поворотом»: действие в произведениях для «молодых взрослых» стало происходить в фантастическом антураже, например, книги Дж. Роулинг о Гарри Поттере или «Сумерки» С. Майер [Day, p. 6]. Следует признать, что в настоящее время *young adult* все глубже проникает в фантастику.

Сложностью в разговоре о *young adult* является определение сути этого явления и его терминологическое описание. Чаще всего исследователи говорят о литературе для «молодых взрослых». Роберт Карлсен считал, что к ней относятся произведения, в которых главный герой — подросток или тот, кто рассказывает о проблемах с точки зрения подростка. Такие произведения обычно имеют среднюю длину и написаны от первого лица. Центральной проблемой подобных текстов становится взросление героя [VanderStaay, p. 48]. При этом легко заметить,

¹ В европейском литературоведении принят термин *young adult*. В статье он используется наравне с описательной конструкцией «фэнтези для подростков», поскольку в российском литературоведении европейский термин пока не является устоявшимся.

что определение сформулировано с точки зрения читателя. Однако более общего литературоведческого понимания пока не представлено ни в зарубежных, ни в русскоязычных исследованиях.

Из-за внешней терминологической (и тематической) размытости внутри литературы young adult обнаруживаются известные жанры массовой литературы (триллер, хоррор, фэнтези, школьная повесть и т. д.), что связано в том числе с ориентацией на коммерческий успех произведения. Таким образом, значимым оказывается, с одной стороны, соотнесенность и обращенность young adult к определенной аудитории, с другой — следование установленным жанровым схемам, если понимать жанр как «идеальный» тип или логически сконструированную модель конкретного литературного произведения» [Тамарченко, с. 69].

Соотнесенность young adult с жанрами массовой литературы не противоречит в целом близости таких произведений классическому роману воспитания. Это обуславливает некоторые особенности сюжета: в центре повествования чаще всего оказывается процесс становления героя — молодого человека. Отделению young adult от собственно романов воспитания способствовало формирование представлений о тинейджерах как об отдельной социальной группе, со своими интересами, музыкой, стилем одежды и т. д. [Eccleshare, p. 543].

Связь любого произведения для «молодых взрослых» с романом воспитания очевиднее всего видна на уровне структуры: герой постепенно взрослеет и осознает свое место в мире. М. М. Бахтин подчеркивал важность для романа воспитания становящегося героя. Рассуждая о типах романов воспитания, он выделяет такой, где «становление происходит в биографическом времени <...> через неповторимые, индивидуальные этапы» [Бахтин, с. 202]. М. М. Бахтин подчеркивает, что в процессе становления создается судьба героя, а вместе с ней и он сам, его характер.

Становление героев — одна из основных черт фэнтези, написанного Дж. Роулинг. Проходя через испытания, Гарри Поттер и его друзья изменяются внутренне, что является одним из важных сюжетных ходов в последних частях цикла. В то же время в отечественном фэнтези сложно проследить аналогичное взросление героев. При изменении внешнего мира сами герои не столько развиваются, сколько *раскрываются*, т. е. изначально заданный характер разворачивается во времени, а его ключевые черты усиливаются. В то же время говорить о полном отказе от романа становления в русском варианте фэнтези для подростков невозможно: герои постепенно изменяются (возможно, в большей степени в социальном плане, а не в духовном), но определенное развитие происходит.

Значительную роль в структуре фэнтези для подростков играет и ориентация на сказку. И. Смирнов понимал сказку как метаструктуру, составляющую первичный код произведения. В романах, порожденных сказкой, «самый первичный код “ослабляется”, делается менее формализованным, допускает сравнительно большую свободу индивидуального использования правил сюжетной кодификации» [Смирнов, с. 310]. Стоит отметить, что тесная связь со сказкой на сюжетно-персонажном уровне не является отличительной чертой именно

фэнтези, ориентированного на подростков, хотя и проявляется здесь чаще всего [Хоруженко, с. 45; Дворак, с. 15].

Еще одной основой фэнтези для подростков выступает школьная повесть. Исследователи С. В. Бурдина и О. А. Шумилова предлагают рассматривать школьную повесть как жанровую модель, характеризующуюся «особым типом системы персонажей, конфликта, пространственно-временной и сюжетно-композиционной организации» [Бурдина, Шумилова, с. 129]. В центре повествования — школьный коллектив, представленный различными социально-психологическими типами. При этом, пишут С. В. Бурдина и О. А. Шумилова, в школьной повести достаточно отчетливо выделяется центральный персонаж: «...им может быть учитель или ученик (в зависимости от возраста адресации текста)» [Там же]. Отметим, что для young adult характерно выведение нескольких героев-учеников.

М. А. Литовская подчеркивает многогеройность школьной повести: «...когда повествователь держит в поле зрения сразу несколько центральных персонажей и еще с десятков второстепенных, неизбежно ведет к фрагментарности создаваемой картины» [Литовская, 2010б, с. 280]. Фрагментарность компенсируется единством хронотопа: «...фабульно фрагменты объединяются действием внутри пространства определенного типа образовательного учреждения, которое выступает как сила, непосредственно влияющая на поведенческие установки каждого из персонажей» [Там же]. Хронотоп школьной повести предельно ограничен: «Основным местом действия в ней становится школа, которая фигурирует в тексте не только как социальный институт, но и как конкретный пространственный образ (топос) <...> События, как правило, происходят в течение одного учебного года, но временные рамки могут быть и более сжатыми» [Бурдина, Шумилова, с. 129].

Итак, от школьной повести young adult фэнтези заимствует хронотоп; от фэнтези — чрезвычайно продуманный (и, следовательно, достоверный) иной мир, а также сюжет-квест; от сказки — постоянные функции героев и этапы сюжета.

После выхода перевода книг Дж. Роулинг о Гарри Поттере российский литературный рынок наводнили разного рода истории о магических школах: от цикла о приключениях Тани Гроттер, написанного Дмитрием Емцом², до «Часодеев» Натальи Щербы и «По ту сторону реки» Марины Козинаки и Софи Авдюхиной. Наблюдается постепенное освобождение от влияния Роулинг как в сюжетных ходах, так и в описаниях места действия. Если история Тани Гроттер практически буквально воспроизводит основные клише сюжета Роулинг (сирота попадает в магическую школу и сражается с убийцей своих родителей и т. д.), то цикл «Часодеи» уже далеко отходит от мира Гарри Поттера. В частности, в цикле Н. Щербы основным местом действия, собирающим всех героев-подростков,

² Скажем несколько слов о романе «Таня Гроттер и магический контрабас». Это произведение стало поводом для судебного разбирательства: Д. Емец был обвинен в плагиате. Между тем, как справедливо отмечает Т. Ченг [Cheng, p. 9], этот роман скорее заимствует идеи, типичные для детских книг, нежели является пародией на Гарри Поттера. Вопрос о вторичности книг о Тане Гроттер рассматривался и в диссертации Е. Дворак. Исследователь также пришла к выводу, что этот текст представляет собой оригинальное произведение [Дворак, с. 137].

становится не магическая школа, а таинственный Расколотый Замок (средоточие силы Времени). В то же время в книгах Д. Емца, А. Коростелевой, Ю. Вознесенской, М. и С. Дяченко, М. Козинаки и С. Авдюхиной главным местом действия остается магическая школа, скрытая от глаз непосвященных. Способность проникнуть в школу, таким образом, подтверждает принадлежности героя или героини к магическому миру.

Если обратиться к характеристикам героев романов русского young adult фэнтези, то можно заметить явную тенденцию к феминизации. В центре повествования оказываются девочки — Таня, Василиса, Юлия и Анна, Саша Самохина, а их помощниками выступают мальчики — Ник, Фэш, Юра и т. д. В цикле М. Козинаки и С. Авдюхиной главных героев шестеро — четыре колдуньи и два колдун. Особняком стоит роман А. Коростелевой, в котором главный герой — молодой человек Гвидеон.

Почти все главные герои — сироты (настоящие или мнимые). Так, Василиса Огнева (героиня «Часодеев» Н. Щербы) растет как сирота, хотя у нее живы оба родителя. Позже выясняется, что они оставили ее ради своих амбиций. У Тани Гроттер родителей убивает злая ведьма Чума-дель-Торг. Анна и Юлия из книги Ю. Вознесенской — сироты, их мама умерла. Девочки-близняшки были разлучены родителями, и каждая из них знала только одного (Юлия — отца, Анна — мать), у Полины (одной из главных героинь цикла «По ту сторону реки») темные колдуны разрушили семью, о семье Гвидеона из романа А. Коростелевой неизвестно ничего. Саша Самохина из романа «Vita Nostra» вынуждена отказаться от своей семьи, чтобы обеспечить ей безопасность. Семей для героя часто становятся друзья и учителя, а домом — магическая школа.

Герой русского фэнтези для подростков может не сразу адаптироваться к новому магическому миру. В этом кроется заметное отличие от романов о Гарри Поттере: мальчик сразу и безоговорочно принял новую реальность и стал для нее «своим». В то же время, как и Гарри Поттер, герои исследуемых произведений всегда оказываются в промежуточном положении между «своими» и «чужими». Так, все героини — чужды для привычного им мира, но и в магическом мире не сразу находят «своих». Постепенно героини русского фэнтези находят друзей, заменяющих им семью. По справедливому замечанию В. А. Романова, новый мир вопреки тому, что он полон опасностей, «для героя роднее, приемлемее мира реального, ведь именно здесь он приобретает то, чего так не хватало: новую семью, настоящих друзей» [Романов, с. 130].

Тема дружбы — одна из ключевых в young adult, в русском фэнтези она даже более значима, чем борьба с Антагонистом. Также в фэнтези для подростков важную роль играет тема первой любви. Особенно ярко этот мотив звучит в циклах «Часодеи» и «По ту сторону реки». Героини влюбляются и по ходу приключений стараются выстроить отношения со своими избранниками. В финале циклов все положительные герои образуют пары.

Хронотоп рассматриваемых романов значительно отличается от модели, предложенной Роулинг. В романах о Гарри Поттере действие каждой книги охватывает

один учебный год, в начале которого герои узнают о проблеме, а к концу — решают ее. В рассматриваемых вариациях действие разворачивается значительно быстрее. Возможно, ускорение течения времени связано с тем, что в центре каждой книги, помимо сюжета-квеста, лежит еще и нравственный урок, который должны усвоить герои. И книга заканчивается именно после усвоения этого урока.

Так, роман Д. Емца «Таня Гроттер и магический контрабас» охватывает одну четверть из учебного года. За это время магически одаренная Таня успевает узнать, что она волшебница, прилететь в школу Тибидохс, победить злую волшебницу Чуму-дель-Торт. При этом девочка выясняет, что друзей необходимо выбирать тщательно, а все приключения направлены на проверку дружбы трех главных героев. За четверть в ирландской школе магии Келпи Анна в романе Ю. Вознесенской также успевает многое: и почти пропасть среди бесов, и спастись, и найти подругу.

Весь школьный год охватывает повествование в романе А. Коростелевой «Школа в Кармартене». Завершается она экзаменами для Гвидеона, проверяющими не столько его знания, сколько нравственные качества. По годам организованы циклы «Часодеи» и «По ту сторону реки».

Особняком стоит роман «Vita Nostra», который описывает три с половиной года обучения Саши Самохиной в Торпе и заканчивается экзаменами, в ходе которых она осознает себя как глагол повелительного наклонения и звучит.

Ускорение течения времени ведет к изменению характеристик и самих учащихся. Как мы уже говорили, в русском фэнтези характер героя не *становится, а развертывается во времени*. Если у Дж. Роулинг Гарри Поттер постепенно достигал мастерства, а описанию образовательного процесса уделялось достаточно внимания, то в русских текстах героини с момента раскрытия своей магической сущности почти всегда обладают огромным потенциалом, что практически освобождает их от необходимости посещать занятия. Так, с момента поступления в школу Таня Гроттер прекрасно справляется с магическим пилотажем, может с первого раза приготовить сложное зелье и проникнуть в кабинет, полный охраняемых заклинаний, без вреда для себя. Василиса Огнева, главная героиня цикла «Часодеи», едва оказавшись в магическом мире, становится обладательницей двух волшебных артефактов и попадает на самый высший уровень обучения в школе Светлочасов.

Обе девочки чрезвычайно деятельны, активны и решительны — это изначальные черты характеров героинь. Однако по мере раскрытия их характеров обнаруживаются и новые черты: они преданы друзьям, заботливы, способны на самопожертвование и на любовь.

В романе Ю. Вознесенской Анна в бесовской школе пытается сохранить себя и свою христианскую веру. Ее характер от испытаний только укрепляется.

В то же время в романе А. Коростелевой «Школа в Кармартене» основное внимание, напротив, уделяется именно учебному процессу. Важен учебный процесс и в цикле М. Козинаки и С. Авдюхиной «По ту сторону реки». В этих романах героини, посещая занятия у целителя, занятия по магии стихий и т. д., учатся

лучше понимать себя и окружающих: «Они должны были остаться один на один с природой, понять и почувствовать свою силу, затем научиться контролировать и использовать ее...» [Козинаки, с. 267]. При этом главная героиня — Полина — достаточно слаба по сравнению с остальными подругами и ее магические способности раскрываются только к концу тетралогии.

Наибольшее развитие претерпевает характер Саши Самохиной. Из неуверенной в себе и запуганной девочки-школьницы она превращается в девушку, способную общаться с преподавателями на равных. Именно эта трансформация характера и позволяет ей в конце концов «прозвучать» и создать новую реальность.

Пара учитель — ученик важна как для фэнтези, так и для школьной повести. Часто именно первый помогает второму усвоить необходимые нравственные уроки. В фэнтези к этой дидактической функции учителя добавляются сюжетные функции чудесных помощников и вредителей. Можно выделить устойчивые типы: чудесными помощниками обычно являются директор школы и один из учителей, а вредителем — учитель и один из учеников. Также «общим местом» будет ложное подозрение, т. е. подростки всегда в первый раз ошибаются в поисках вредителя и лишь позже обнаруживают истинного антагониста/его пособника.

Важно подчеркнуть, что и внешность учителей часто клиширована. Так, руководители всех магических школ — чудаковатые старики с длинной бородой. При этом основная функция директора — помогать главному герою. Школой в Кармартене руководит Мерлин. А. Коростелева не описывает внешность директора, отмечает только, что он одет в «балахон».

У Ю. Вознесенской сидом Келпи руководит леди Бадб (отсылка к королеве Меб). Однако седобородый старец, частично выполняющий функции помощника, появляется — это друид Финегас, библиотекарь школы, «...одетый в свой обычный зеленый плащ с капюшоном. Его кудри, усы и борода впечатляюще развевались на ветру» [Вознесенская]. В конце романа именно решением друида Финегаса Юлька и ее сестра Анна смогут выбраться из Келпи.

Д. Емец делает директора Тибидохса Сарданапала Черноморова невысоким толстячком в оранжевой мантии и с одушевленными усами: «Правый ус у него был зеленым, а левый желтым. Но самым странным было даже не это, а то, что усы ни секунды не пребывали в состоянии покоя... Что касается бороды академика, то цвет ее был вообще неопределим, поскольку она то появлялась, то исчезала. Наверняка можно было сказать только одно — борода была феноменально длинной...» [Емец, с. 10].

Директор школы часодействия Н. Щербы Астариус также представлен стариком: «...его длинные седые волосы скреплялись на лбу широким тяжелым обручем из черного металла. Правая рука его сжимала крепкий белый посох с навершием в виде острого стрелы» [Щерба, с. 348].

В цикле «По ту сторону реки» магической школой руководит Вера Николаевна Велес. Она описывается как «низенькая колдунья, укрытая плащом длинных седых волос» [Козинаки, с. 36]. Серебряными волосами обладает и молодая

наставница Полины — Дарья Хитрина, по прозвищу Лиса, помогающая девочке осознать себя. Таким образом, седина в фэнтези оказывается своего рода символом мудрости.

Другим ярким примером совпадения типажей персонажей становится образ учителя с темным прошлым, но при этом обладающего высокими моральными качествами. У Дж. Роулинг это профессор Северус Снейп, работавший двойным агентом. В «Школе в Кармартене» А. Коростелевой есть учитель Тарквиний Змейк, в образе которого прослеживается явная отсылка к образу Снейпа: и тот, и другой работают с зельями и ядами, оба якобы сотрудничали с врагами (Змейк — с Кромвелем, Снейп — с Волан-де-Мортом). В цикле «По ту сторону реки» есть преподаватель Александр Македонов, также обладающий «темным прошлым»: он уходит от Светлых магов и способен проникать к Темным. В цикле Н. Щербы один и тот же волшебник — Астариус — руководит светлой школой и помогает темным. При этом в своих действиях все подобные педагоги руководствуются гуманистическими целями: они стараются защитить и сохранить мир.

Особняком вновь стоит роман М. и С. Дяченко, в котором все преподаватели, так или иначе взаимодействующие со студентами, пугают их. Своеобразная магия этого места держится на страхе. Фарит, один из главных преподавателей, объясняет Саше, что только страх способен вывести студентов «за грань»: «Это следствие объективных, нерушимых законов. Жить — значит быть уязвимым. Любить — значит бояться. А кто не боится — тот спокоен, как удав, и не может любить» [Дяченко, с. 433].

Если обратиться к Антагонисту главных героев в русском young adult фэнтези, то мы увидим, что и его образ претерпевает значительные изменения: чаще всего противник достаточно абстрактен. В цикле о Тане Гроттер Д. Емца изначальным противником девочки становится Чума-дель-Торт. Ведьма (как и Волан-де-Морт у Дж. Роулинг) не смогла убить младенца и сама лишилась своих сил. Однако окончательная победа над ней одержана Таней уже во второй книге. В следующих частях цикла антагонисты будут меняться. В «Часодеях» Н. Щербы образ Антагониста появляется не сразу. Изначально Василису преследует «мачеха» — Елена Мортинова, любовница ее отца. Лишь к середине цикла выясняется, что главный противник девочки — Великий дух Астрагор. В цикле «По ту сторону реки» антагонистами Светлого сообщества колдунов выступают «старообрядцы» (темные колдуны), использующие магию крови. В романе Ю. Вознесенской антагонистами выступают все обитатели сида Келпи, где находится школа, поскольку они враждебны христианству. У А. Коростелевой в «Школе в Кармартене» конфликта добра со злом нет в принципе. Своего рода противником всей школы является проверяющая комиссия из министерства образования, которую успешно обводят вокруг пальца. Саша Самохина не имеет антагонистов, она трансформирует сама себя, борется с собой.

Подведем итоги. Итак, русское young adult фэнтези — это произведение о взрослении подростка, попавшего в иной, магический мир, основное действие в котором разворачивается в пространстве школы, где герои встречают как

чудесных помощников, так и вредителей. Основной целью обучения становится усвоение важных нравственных уроков, обретение друзей и личного счастья, в то же время значимый для жанра сюжет-квест о победе Добра над Злом становится менее важным из-за отсутствия четко выведенной фигуры Антагониста.

Как уже говорилось, фэнтези для «молодых взрослых» строится на пересечении трех жанровых моделей: школьной повести, сказки и собственно фэнтези. От школьной повести заимствуется хронотоп, от сказки — постоянные функции героев, от фэнтези — конструирование альтернативного магического мира.

Задачей литературы для подростков, по мнению М. А. Литовской, является «...последовательная и целенаправленная социализация молодого человека, передача ему существующих в обществе представлений о ценностях, социальных ролях, нормах, достойных моделях и формах поведения» [Литовская, 2010а, с. 26].

Остановимся чуть подробнее на последнем тезисе. Русское фэнтези для подростков за последние 20 лет демонстрирует изменение предлагаемых читателю моделей поведения. Если в «Тане Гроттер» Д. Емца во многом царит дух авантюризма, силы и удачливости (способность за себя постоять, решительность, смекалка — отличительные черты героини), то циклы Н. Щербы, С. Авдюхиной и М. Козинаки уже ставят акцент на осознании героинями своего места в мире. В этом заметен сильный отход от структуры Гарри Поттера: герой не является таковым изначально, по обстоятельствам рождения. Только развиваясь, узнавая новое, обретая друзей, он может понять и найти свое место в мире. Например, Василиса из цикла «Часодеи» в финале должна принять значимое решение: хочет ли она счастья для своего отца или для себя. Пройдя через этот выбор, девушка становится королевой Времени вместе со своим любимым.

В тетралогии «По ту сторону реки» счастье главных героев возможно только после того, как они отказываются от личного, в пользу общего. Каждый из героев проходит сложный путь, цель которого — познание себя. Только осознав свои силы, слабости и желания, герои становятся полноценными магами.

Цикл М. Козинаки и С. Авдюхиной демонстрирует наиболее сильное изменение моделей, предлагаемых подростку для размышления. Наряду с первой любовью и дружбой, в цикле поднимаются темы взаимодействия с природой, принятия собственного тела и осознания своих страхов и желаний.

Постановка более сложных вопросов в рамках художественного текста, формально ориентированного на подростков, делает young adult фэнтези популярным за пределами целевой аудитории. Опросы свидетельствуют о том, что подобного рода тексты читают очень разные возрастные группы [Peterson]. Вопрос об изменении проблематики, транслируемой русским фэнтези для подростков, заслуживает, на наш взгляд, дальнейшего и более глубокого исследования.

- Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Бурдина С. В., Шумилова О. А.* Эволюция жанра школьной повести в русской литературе XX века // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2016. № 2 (34). С. 128–134.
- Вознесенская Ю.* Юлианна, или Опасные игры. М., 2010. URL: https://www.e-reading.club/chapter.php/11787/4/Voznesenskaya_2_Yulianna%2C_ili_Opasnye_igry.html (дата обращения: 25.05.2019).
- Дворак Е. Ю.* Русское детское фэнтези: жанровая специфика и особенности мифопоэтики : дис. ... канд. филол. наук. М., 2015.
- Дяченко М., Дяченко С.* Vita Nostra : роман. М., 2011.
- Емец Д.* Таня Гроттер и магический контрабас : повесть. М., 2004.
- Коростелева А.* Школа в Кармартене : [сетевая публикация]. 2006. URL: http://samlib.ru/a/anpa_a_k/carmarthen.shtml (дата обращения: 25.05.2019).
- Литовская М. А.* «Время всегда хорошее»: социальная психология для современного подростка // Детская литература сегодня : сб. науч. ст. Екатеринбург, 2010а. С. 25–34.
- Литовская М. А.* Школьная повесть как инструмент анализа повседневности советской школы // Антропология советской школы: культурные универсалии и провинциальные практики : сб. ст. / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2010б. С. 278–290.
- Позорелая Е. А.* Нарушение табу: современный young adult в школьной программе по литературе // Практики и интерпретации. 2020. Т. 5 (2). С. 48–58.
- Романов В. А.* Специфика воплощения детской темы в современном отечественном фэнтези // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 5. С. 130–133.
- Смирнов И. П.* От сказки к роману // Тр. Отд. древнерус. лит. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) ; отв. ред. А. М. Панченко. Л., 1972. Т. 27 : История жанров в русской литературе X–XVII вв. С. 284–320.
- Тамарченко Н. Д.* Сюжет // Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий. М., 2008. С. 258.
- Хоруженко Т. И.* Русское фэнтези: на пути к метажанру : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2015.
- Щерба Н.* Часовой ключ : роман. М., 2018.
- Cart M.* Young adult literature: From romance to realism. 3rd ed. Chicago, IL, 2016.
- Cheng T. S. L.* The Power of Potter: Copyright Law and Its Influence on Sequels and Parodies // Forum for Modern Language Studies. 2013. Vol. 49, № 1. P. 1–19. <https://doi.org/10.1093/fmls/cqs065>
- Daniels C. L.* Literary theory and young adult literature: The open frontier in critical studies // The ALAN Review. 2006. № 33(2). P. 78–82.
- Eccleshare J.* Teenage Fiction: realism, romance and contemporary problem novels // Hunt P. (ed.). International Companion Encyclopaedia of Children's Literature. L. ; N. Y., 1996. P. 542–555.
- Female Rebellion in Young Adult Dystopian Fiction. Ed. by S. Day, M. Green-Barteet, A. Montz. Routledge, 2014.
- Peterson V.* Young Adult and New Adult Book Markets. URL: <https://www.thebalancecareers.com/the-young-adult-book-market-2799954> (accessed: 23.07.2020).
- Vander Staay S.* Young-Adult Literature: A Writer Strikes the Genre // The English Journal. 1992. Vol. 81, № 4. P. 48–52.

Статья поступила в редакцию 13.01.2022 г.

Научная статья

УДК 821.111(73)-3 Тартт + 821.161.1-3 Достоевский + 82.091

DOI 10.15826/izv1.2022.28.1.012

**РОМАНЫ Д. ТАРТТ В КОНТЕКСТЕ ФЕНОМЕНА
«YOUNG ADULT LITERATURE»:
ПОЭТИКА И ОПОРА НА НАСЛЕДИЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО**

Надежда Сергеевна Шалимова

*Красноярский государственный педагогический
университет им. В. П. Астафьева,
Красноярск, Россия
Dm561@yandex.ru*

А н н о т а ц и я. Статья посвящена творчеству современной американской писательницы Д. Тартт. Выделяются жанровые и нарративные конституции young adult literature в ее романах, которые описываются в контексте опоры на поэтику романов Ф. М. Достоевского. В статье осуществляется реконструкция мифологических и символических моделей и образов в произведениях Д. Тартт и Ф. М. Достоевского, а также генетических и типологических связей как в жанровых, так и в сюжетных структурах романов «Щегол» и «Идиот».

К л ю ч е в ы е с л о в а: Донна Тартт; «Щегол»; Ф. М. Достоевский; «Идиот»; «Тайная история»; young adult литература

**THE NOVELS OF D. TARTT IN THE CONTEXT
OF THE PHENOMENON OF “YOUNG ADULT LITERATURE”:
POETICS AND REFERENCES TO F. M. DOSTOEVSKY**

Nadezhda S. Shalimova

*Krasnoyarsk State Pedagogical University after V. P. Astafiev,
Krasnoyarsk, Russia
Dm561@yandex.ru*

A b s t r a c t. This article is centered on the work of the modern American writer D. Tartt. The genre and narrative constitutions of young adult literature are highlighted in her novels, which are described in the context of relying on the poetics of F. M. Dostoevsky's novels. The article reconstructs mythological and symbolic models and images in the works of D. Tartt and F. M. Dostoevsky, as well as genetic and typological connections, both in genre and in the plot structures of the novels “The Goldfinch” and “The Idiot”.

Ke y w o r d s: Donna Tartt; The Goldfinch; F. M. Dostoevsky; The Idiot; The Secret History; young adult literature

Взросление, постижение мира — центральные инстанции поэтологии Д. Тартт (род. 1963). Осмысление романного наследия писательницы (в настоящий момент опубликовано три крупных произведения) представляется продуктивным с точки зрения анализа вписанности ее творчества в феномен *young adult literature* посредством обращения к разным уровням поэтики: жанровому своеобразие, экфрасису, интертекстуальности, нарративной модели, а также прагматики: рецептивному следу, функциям социальных и психологических институций в воспроизведении механик и практик взросления.

Изучению этих особенностей прозы Д. Тартт посвящено множество работ. В фундаментальной работе О. Н. Турышевой отмечается, что, ссылаясь на сибирские корни Бориса, второго главного героя романа «Щегол», Д. Тартт вводит в рецептивный контекст романа сибирский миф, выработанный целым корпусом произведений русской литературы как пространство «лиминальной смерти» и «христологической инициации». Исследовательница справедливо отмечает, что именно опора на эту мифологию позволяет читателю осуществить декодирование глубинной семантики романа, которая связана с идеей возрождения героя, пережившего встречу со смертью [Турышева].

В статье Т. В. Коротченко творчество писательницы изучается в аспекте компаративистики, в ней выявлены этапы и направления «политической» рецепции творчества Ф. М. Достоевского в США XX–XXI вв. [Коротченко].

Статья О. Е. Гевель посвящена репрезентации в творчестве Д. Тартт «восточноевропейского текста», проведено сравнение образов в романе «Щегол» с трактовкой подобных персонажей в массовой западной культуре и у писателей XX в. [Гевель].

О. Ю. Анцыферова, Г. Г. Ишимбаева в своих статьях анализируют античный код, структуру и поэтику античных тем, образов и деталей в романе «Тайная история» [Анцыферова, 2015; Ишимбаева]. Изучению жанровой специфики романа посвящены статьи Е. И. Гараниной [Гаранина] и И. Ю. Парулиной [Парулина], Е. Н. Черноземова исследует семантику и функции экфрасиса [Черноземова].

О. Ю. Анцыферова анализирует функционирование «Южного Мифа» в творчестве Д. Тартт. Эта часть поэтики романов писательницы связана с ее биографией [Анцыферова, 2016].

Донна Тартт родилась в Миссисипи, отсюда южный колорит ее произведений, который нашел отражение в романе «Маленький друг» (2002). В обращении к этой теме писательница опирается на литературных предшественников: У. Фолкнера, Г. Бичер-Стоу, М. Митчелл, создавая атмосферу «южной готики». Д. Тартт определяет роман «Маленький друг» как «пугающе жуткую книгу о детях, которые вступают в контакт с полным ужасов миром взрослых» [Viner]. Представляется, что эту дефиницию можно экстраполировать на все ее творчество, поскольку центральными являются темы взросления, инициации, осознания себя.

Типичным для Д. Тартт приемом организации повествования становится нелинейность: аналитическая композиция, размытость временных рамок в сочетании

с гиперхронизацией придают рефлексии героев многомерность, возможность видеть и осознавать себя сразу в нескольких проекциях. Радикализируя сюжет становления, делая его сюжетообразующим, писательница задействует одновременно несколько регистров: интертекст, повествование от первого лица, экфрасис, особую атмосферу, в которой происходит действие.

Все эти особенности прочно связывают романы Д. Тартт с конституирующими признаками young adult прозы, которая является важной частью американской литературной традиции. Литературоцентризм, генетическая связь с романом воспитания (романом инициации) и одновременно с жанрами массовой литературы (триллер, фэнтези) — характерные черты young adult литературы.

Young adult литература изучается с точки зрения жанровых доминант [Cart], функционально-семантического наполнения основных поэтологических категорий [Tarr, White], проявлений гендерной и возрастной идентичности [Stratman]. Несмотря на то что жанровые константы young adult прозы представляются определенными, границы применения термина остаются спорными.

Отмечается, что герой таких произведений — подросток, повествование, как правило, ведется от первого лица, центральной темой становится взросление героя и цепочка сопряженных с ней мотивов: сепарации, поиска, ощущения собственной исключительности (эти мотивы коррелируют с выделением этапов и черт пубертата) [Выготский].

Большое значение здесь имеет типологическая связь с русской литературой, в частности творчеством Ф. М. Достоевского.

Е. М. Бутенина отмечает, что «Сэлинджеру близка христианская символика Достоевского, а Д. Тартт использует опыт русского классика для описания героя в обрамлении города» [Бутенина, с. 94]. Объединяющим элементом называется исповедальная модальность повествования, которая является важной частью художественного мира писателей. Особое значение в интертекстуальном поле young adult литературы отводится роману «Подросток» («Исповедь великого грешника, писанная для себя») в силу пародийности классического сюжета о становлении, особенностей поэтики (поиски отца/наставника, концентрированность действия). Соотносятся также образы Холдена Колфилда и Коли Красоткина, героя романа «Братья Карамазовы», делается вывод о синтетичности русской «родословной» Холдена Колфилда, который даже в силу возраста занимает срединное положение между Колей Красоткиным и Аркадием Долгоруким [Бутенина].

Можно отметить и то, что болезненное отношение Аркадия к письму, которое он одновременно проклинает и воспринимает с бесконечным трепетом, схоже с восприятием Тео картины «Щегол».

Для романов Д. Тартт характерна кольцевая композиция, опора на детективную составляющую, в начале произведений сообщается их главная загадка. Сравним завязку романов:

В горах начал таять снег, а Банни не было в живых уже несколько недель, когда мы осознали всю тяжесть своего положения... [Тартт, 2008, с. 9].

Всю оставшуюся жизнь Шарлотта Клив будет винить себя в смерти сына из-за того, что решила в День матери садиться к столу не в полдень, после церкви, как было заведено у Кливов, а вечером, в шесть [Тартт, 2016, с. 11].

Все сложилось бы куда лучше, останься она жива. Но так уж вышло, что она умерла, когда я был еще подростком... [Тартт, 2015, с. 13].

Очевиден интерес писательницы к сюжетообразующей теме смерти. Танатологическая акцентуация произведений Д. Тартт рассмотрена в статье И. Н. Ломакиной и Е. В. Полховской, в ней исследователи выделяют основные сюжетные и мотивные доминанты [Ломакина, Полховская].

Следует отметить, что тип героев Тартт, их возраст также отсылают к традициям young adult литературы: Ричарду Пейпену из «Тайной истории» 17 лет, Гарриет Клив-Дюфрен из «Маленького друга» — 13, как и Тео Декеру из «Щегла».

Всем героям Тартт свойственна определенная оптика, сверхчувствительность, сопряженная с отсутствием родителей, их потерей или равнодушием с их стороны. Одной из характеристик творческого метода Тартт и на уровне нарративного устройства и на уровне организации повествования является несобственно-прямая речь, совмещение первичного рассказчика и иных повествовательных инстанций, эти особенности образуют палимпсестный характер нарратива, когда совмещается прошлое, настоящее и будущее героя в различных проекциях самого себя.

Хронотоп романов отличен: университетский кампус (вымышленный колледж в Вермонте), похожий на колледж, в котором училась Тартт («Тайная история»), Александрия (штат Миссисипи), напоминающая место, где прошло детство писательницы («Маленький друг»), городское пространство в «Щегле» (Нью-Йорк, Лас-Вегас, Амстердам), которое служит фоном взросления героя.

Одной из особенностей поэтики романов Д. Тартт является литературоцентризм, в ее романах множество аллюзий. В «Маленьком друге» это те книги, которые писательница читала в детстве («Убить пересмешника» Х. Ли, «Остров сокровищ» Р. Л. Стивенсона), и сам роман наполнен автобиографическими деталями. Поэтика «Маленького друга» наиболее близка стилю Марка Твена, Харпер Ли, многие темы перекликаются с романом «Унесенные ветром» М. Митчелл.

В интертекстуальном поле романа «Тайная история» ведущая роль отводится античным авторам, но важны и отсылки к творчеству уже упоминаемого нами Ф. М. Достоевского, В. Набокова, И. Во (круг чтения писательницы в университетские годы).

Последний из опубликованных на данный момент романов «Щегол» — вершина творчества писательницы. Роман богат отсылками к произведениям, в которых сюжетообразующей является тема становления, взросления героя. Это произведения Ч. Диккенса, Дж. Д. Сэлинджера, Дж. Роулинг, Ф. М. Достоевского. Связь романов «Тайная история» и «Преступление и наказание», а также влияние поэтики романа «Идиот» на семантический, структурный и образный мир «Щегла» будут рассмотрены далее.

В 1981 г. Д. Тартт поступила в Университет Миссисипи, затем перевелась в Беннингтонский колледж (штат Вермонт)¹, специализирующийся в области «свободных искусств», где училась на отделении классической филологии. Университетский кампус становится местом действия дебютного романа писательницы «Тайная история» (1992). Важной составляющей художественного мира романа является его «античный код», черты античности прослеживаются и на уровне нарративного устройства произведения: темы предопределенности, рока, система отношений персонажей (например, связь детей и родителей, любовь брата и сестры), композиции античной трагедии.

Одной из жанровых дефиниций произведения является детектив (также это университетский роман, роман воспитания), но детективная составляющая нивелируется в самом начале, когда читатель в прологе узнает, кто убийца, а последующее развитие романа раскрывает мотивы, истинные причины убийства и его последствия. В произведении присутствует прямая отсылка к роману «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского, она появляется в напряженный момент внутренних страданий героя и в тексте не обозначается цитатой, но звучит как прорвавшийся внутренний голос:

Внезапно — и на самом деле только сейчас — на меня обрушилась горькая правда: мы совершили страшное необратимое зло <...> В глазах вспыхнул и рассыпался искорками столб света <...> Это я убил тогда старуху-чиновницу и сестру ее Лизавету топором и ограбил [Тартт, 2008, с. 424].

Подобно скитаниям Раскольникова описывается бесприютность главного героя и рассказчика романа Ричарда Пейпина:

Мне казалось, что я брожу по вокзалу, а поезда моего все нет и нет. ...я покидал уютный мир чужих людей и подслушанных за день разговоров и оказывался на улице, где неизменный холод пронизывал меня до костей. Я сразу забывал, что такое свет, что такое тепло. Никогда, никогда больше не смогу я согреться [Там же, с. 135].

Особое место занимает рождественский хронотоп: время соборности, семейного тепла подчеркивает одиночество героя, его бесприютность, как герой рассказа «Мальчик у Христа на елке», он нигде не находит себе места:

Незаметно промелькнуло Рождество. Примечательным в нем было лишь то, что решительно все оказалось закрыто и мне некуда было пойти погреться, не считая церкви, где я провел пару часов. После службы я вернулся на склад, завернулся в одеяло и, не зная, как спастись от холода, принялся раскачиваться, вспоминая все солнечные рождественские праздники детства — с апельсинами, велосипедами, разноцветными обручами и зеленой мишурой... [Там же, с. 134].

Таково общее самоощущение героя, сиротливого, одинокого скитальца:

¹ Ключевым и знаковым этот топос представляется и в контексте тяготения Тартт к «русской» теме: в Кавендише (штат Вермонт) с 1976 до 1994 г. жил и работал А. И. Солженицын.

Я чувствовал себя так, как будто находился в чужой стране с загадочным бытом, странными людьми и непредсказуемой погодой. Мне казалось, я болен, хотя теперь понимаю, что был вполне здоров, просто мне все время было холодно, и я страдал бессонницей, нередко забываясь сном лишь на час-другой под утро [Тартт, 2008, с. 86].

В романе присутствуют и прямые упоминания Ф. М. Достоевского: «Успокойся. И где ты только набрался этой достоевщины?» [Там же, с. 338].

Персонажи романов Ф. М. Достоевского и Д. Тартт — студенты, которые совершают два убийства — намеренное и случайное. Герои произведений, как отмечает Э. И. Назирова, «испытывают свои намерения на прочность, чтобы доказать, что проверка не была напрасной», и получают наказание в виде мук совести, одержимости мыслью не быть пойманными. Объединяет произведения и особый тип психологизма, «при котором мы видим переживания персонажа, размышления, план действий» [Назирова].

В именах студента Банни, который погибает, и героини романа «Идиот» Настасьи Филипповны Барашковой есть связь в совпадении анималистичности, отсылки к жертвенным образам «кролика» и «барашка».

Убийство студента в романе «Тайная история» является повторением сюжетной ситуации романа «Бесы». Дело об убийстве студента Иванова («нечаевское дело») легло в основу романа. Речь идет об убийстве группой студентов слушателя Петровской сельскохозяйственной академии Ивана Ивановича Иванова 21 ноября 1869 г., совершенном кружком «Народная расправа» («нечаевцы»), возглавляемым С. Г. Нечаевым² [Баранов].

Этот случай, взятый за основу романа «Бесы», отчетливо коррелирует с обрамлением смерти Банни: его убивают пятеро студентов в лесу, сталкивая с обрыва, присутствует мотив снега, который, напротив, скрывает тело и затрудняет поиски. Такой отсылкой Д. Тартт словно уравнивает революционный пафос и дионисийско-ницшеанские мотивировки совершения преступления героями Д. Тартт.

В романе «Щегол» встречается целый ряд отсылок к роману Ф. М. Достоевского «Идиот», они составляют основу смысловой и образной системы произведения. Исследователи называют его «код Достоевского» [Давлетханова, Турышева].

Следуя за мыслью О. Н. Турышевой, опора на поэтику Достоевского представляется важной с точки зрения разработки циклического сюжета принятия жизни и искупления вины [Турышева], а также определяет жанровую доминанту романа (роман инициации), знаменуя вписанность в контекст young adult прозы [Шалимова].

Главного героя романа зовут Теодор Декер (греч. «Божий дар»), в романе его имя сокращается до Тео (др.-греч. θεός — «Бог»). Фамилия Decker в англоязычном

² Для убийства был избран грот на берегу заболоченного пруда, труп студента обернули в пальто, нагроулили кирпичами и опустили в пруд под лед, надеясь скрыть убийство до весны. Достоевский знал о подробностях дела не только из газет, но и из рассказов Ивана Сниткина (брата жены), студента Петровской академии, который был лично знаком с Ивановым и некоторыми из его убийц.

варианте имеет дополнительную коннотацию, связанную с карточной колодой («the deck»).

Впервые упоминание романа встречается в «Щегле» после знакомства героев: Теодор вспоминает о том, что Борис был частым гостем в его доме и, чтобы не попадаться на глаза родителям, «сидел наверху <...> читал “Идиота” на русском» [Тартт, 2015, с. 305]. Симптоматично, что Борис читает роман накануне Рождества, которое герои справляют на русский манер, называя «praznyk». Следующее упоминание произведения Достоевского присутствует в конце книги, когда Тео и Борис встречаются спустя много лет после расставания в Лас-Вегасе. Тео говорит, что почти год учил русский язык и «писал курсовую по “Идиоту” для семинара по русской литературе» [Там же, с. 586]. По возвращении в Нью-Йорк он выбирает курс русской литературы и хочет учить язык: «Основы изобразительного искусства, французский, введение в европейский кинематограф и русская литература. Хотелось еще научиться разговаривать по-русски...» [Там же, с. 438], «...лето перешло в промозглую и одинокую осень. Вечера я проводил за чтением “Евгения Онегина”» [Там же, с. 446].

Код Достоевского в романе Д. Тартт находит отражение не только в виде предмета рефлексии героев, но и в виде аллюзий: одна из глав «Щегла» носит такое название, в ней Тео готовится к свадьбе с Китти (параллель с сюжетной линией князь Мышкин — Аглая в романе «Идиот»).

Фабульно эта глава представлена так: всюду царит атмосфера Рождества («мы вместе вышли на улицу, в рождественское столпотворение, и на меня накатила тоска и растерянность» [Там же, с. 550]); Китси отвергает сережки, подаренные Тео, которые до этого принадлежали его маме; герои выбирают квартиру, фарфор, хрусталь; приезд Бориса, предательство Бориса, русская мафия, предательство Китси, отъезд Тео с Борисом с вечеринки, посвященной помолвке. Событийная интенсивность главы, семантические и художественные доминанты связаны с поэтикой романа «Идиот» на всех уровнях: тем, мотивов, образов, хронотопа, нарративного устройства.

Одной из важных составляющих художественно мира young adult прозы является взаимодействие героя с миром взрослых, семейная тема. В романе Д. Тартт герой, потерявший семью, находит приют в доме Барбуров. Жизнь Тео у Барбуров и то, как он себя чувствует, напоминает самоощущение Мышкина в семье Епанчиных:

Все попытки вписаться в их сложное гляцевое семейство давались мне нелегко... Как-то раз, сильно распахнув дверь, я отбил завитушку от антикварной вешалки, дважды из-за меня срабатывала сигнализация, а один раз я так вообще искал туалет, а по ошибке забрел в спальню к мистеру и миссис Барбур [Там же, с. 108].

Атмосфера в доме Барбуров и Епанчиных созвучна:

Многолюдной, сложной, донельзя церемонной атмосферы дома Барбуров, где все было отрепетировано и расписано по часам, будто бродвейская постановка — безвоздушное пространство [Там же, с. 423].

Похоже и описание интерьера. Так описывает убранство дома Барбуров Тео: «...китайский фарфор, подсвеченные пейзажи по стенам, тусклые лампы под шелковыми абажурами» [Тартт, 2015, с. 471].

Все это рифмуется с емким образом китайской вазы, которую неловко разбивает князь Мышкин в гостиной Епанчиных.

Описание Китси (имя героини отсылает к роману Л. Н. Толстого «Анна Каренина») коррелирует с портретными и поведенческими характеристиками Аглаи Епанчиной: «Китси топала ногами и дула губы, закатывала глаза и злобно надомной посмеивалась» [Там же, с. 109].

Впоследствии и Мышкин, и Тео бегут от любви и свадьбы, а наркотики и алкоголь в жизни Тео тоже являются попыткой ухода от реальности, как болезнь князя Мышкина.

Наиболее полно «русская тема» раскрывается в связи с образом Бориса Павликовского, друга главного героя. Несмотря на то, что его отец – украинец, а мать – полька, в романе подчеркнута его принадлежность русскому миру: он читает русскую литературу, ругается на русском, передает любовь к русской культуре Тео.

Борис имеет русское происхождение («отец родился в сибирском Новоанганске» [Там же, с. 255]). Здесь имеет место некоторая замена топонимов: О. Н. Турышева анализирует Новоангарск, в то время как у Д. Тартт населенный пункт, в котором родился Борис, называется Novoagansk («Hisfather (born in Siberia, a Ukrainian national from Novoagansk) was in mining and exploration»)³ [Tartt, 2014, p. 266].

Таким происхождением объясняется любовь героя «к проблемным темам и вечным вопросам», бессознательный переход на русский язык в промежуточных состояниях сознания («на нем лучше всего ругаться и материться»), отсутствие самоконтроля, склонность к благородным поступкам.

Семантика и этимология имени героя связаны с темой борьбы, персонаж соотносит себя с князем Борисом («Князь Борис! “Война и мир”. У меня такое же имя»), ассоциативно вспоминает Бориса Ельцина.

Ключевой для раскрытия этого образа является тема города. Ретроспективно упоминается, что Борис ночевал на улице («но всего две недели»), это герой-скиталец, образ которого сопряжен с хронотопом большого города. В воспоминаниях Бориса возникает и урбанистический топос, широко обозначенный как «Россия»: «...он вынес январскую темень в России, когда температура опускалась до минус сорока: бесконечные вьюги, снег да гололед» [Тартт, 2015, с. 263], что также объединяет с обращением к хронотопу большого города в романах Ф. М. Достоевского.

Пара героев Тео – Борис рифмуется с князем Мышкиным и Рогожиным. Рогожин и Мышкин обменялись крестами, став названными братьями, Борис и Тео тоже братья, сиротливо оберегающие друг друга:

³ Новоангарск – поселок в составе Мотыгинского района Красноярского края, на левом берегу Ангары (свинцово-цинковое месторождение, горно-обогатительный комбинат). Новоанганск – поселок в Нижневартовском районе Ханты-Мансийского автономного округа (освоение нефтяных залежей Западной Сибири).

Мы выключались друг у друга в объятиях, слушая музыку на моем айпоне (мамину любимую музыку) и, бывало, просыпались, вцепившись друг в дружку, будто потерявшие кораблекрушение или совсем маленькие детишки [Тартт, 2015, с. 320].

Борис спасает Теодора от самоубийства, здесь важным представляется рождественский хронотоп сцены, а также русские корни Бориса, «названное братство» героев, благодаря которым он предстает спасителем и отождествлением добра (в противоположность злу, которое причиняет обманом с картиной). Именно в этот момент он говорит о князе Мышкине и своем осмыслении его романной истории: «...от хороших дел не всегда бывает хорошее, а плохие дела — не всегда приносят плохое, ну да ведь? Даже самые мудрые, самые прекрасные люди не могут предусмотреть, во что выльются их поступки. Помнишь князя Мышкина в “Идиоте”? <...> Мышкин всем делал только добро... бескорыстно... ко всем относился с пониманием и сочувствием, и к чему привела вся эта его доброта? К убийствам! Катастрофам! <...> Очень мрачный смысл у этой книги» [Там же, с. 798].

Борис — первый человек, с которым заговаривает Тео по приезде в Вегас. Мышкин также встречает Рогожина в поезде, возвращаясь в Россию из Швейцарии, герои проникаются друг к другу симпатией. Близки портретные характеристики Рогожина и Бориса, оба представлены как «черномазые», «небрежно одетые», «черные»⁴.

Так описывается Борис:

Он был бледным и тощим, не слишком опрятным, с падавшими на глаза темными прямыми волосами и какой-то нездоровой бледностью беспризорника — заглубившие руки, изжеванные под корень ногти с траурной каймой [Там же, с. 252];

Глаза у него были жесткие, насмешливые, очень черные [Там же, с. 255];

Черные глаза-кляксы придавали ему бессовестный, беспокойный вид, и голову он, конечно, мыл, но волосы у него при этом все равно казались грязными [Там же, с. 680].

В характере героя подчеркнуты «русские» черты:

Борис по пьяни, бывало, серьезнел и поддавался русской любви к проблемным темам и вечным вопросам и сидел теперь на мраморной столешнице, размахивал нацепленной на вилку колбасой и несколько горячечно рассуждал о нищете, капитализме, глобальном потеплении... [Там же, с. 286],

Мне не доставало Бориса, этого лихого раздолбая: угрюмого, бесшабашного, взрывного, до ужаса безрассудного. Бориса, бледного и одутловатого, с этими его ворованными яблоками и русскими романами, ногтями, сгрызенными до мяса, и волочащимися по пыли шнурками [Там же, с. 319]

⁴ Концепт «черномазости» Бориса, вероятно, коррелирует не только с образом Парфена Рогожина, но и фамилией «Карамазовы» (тюрк. «Черномазовы») и вбирает ее семантику.

Объединяющей особенностью романов является и то, что важной составляющей художественного мира в них становится экфрасис, это обращения к картине «Щегол» Карела Фабрициуса в романе «Щегол» и к картине «Мертвый Христос в гробу» Ганса Гольбейна в романе «Идиот».

Тео прячет «Щегла» в хранилище, которое сравнивает с «погребальным комплексом Майя», князь Мышкин находит копию картины Гольбейна «Мертвый Христос в гробу» в закрытом ставнями доме Рогожина.

Щегол — значимый символ в сакральном изображении, на рождественских картинах младенец играет с ним, держит в руках. По легенде, эта птица, пытаясь облегчить страдания Спасителя и сорвать терновый венец, окропилась кровью, так образовался алый ободок на ее головке. Щегол питается семенами колючего чертополоха, тоже символа страстей. Птица ассоциируется с Христом, принимает его кровь и символизирует искупление, а в сценах с младенцем маркирует грядущие страсти. Примерами служат такие работы, как «Рождество» Пьеро делла Франческа (щегол на крыше хлева), «Мадонна со щеглом» Рафаэля (младенец играет с птицей), «Мадонна Литта» Леонардо да Винчи (щегол расположен между Богоматерью и младенцем). Образ Тео можно прочесть через визуальный код щегла, аллегорию Христа, как уже было отмечено, символично его имя. Неслучайным кажется выбор картины Тартт и из-за этимологии имени художника (Фабрициус — «плотник»), которое указывает на увлечение Тео работой по дереву и подчеркивает его связь с Хоби, наставником героя, который заменяет ему отца. В этом видится отсылка к Иосифу, в то время как светлый образ матери в душе Тео подобен Деве Марии.

Таким образом, визуальный код картины, связанный с христианской символикой образа щегла, является структурообразующим элементом художественного мира романа. Подобно щеглу рядом с младенцем на картинах, разрабатывающих рождественский сюжет, картина появляется в поворотный момент жизни героя, щегол одновременно символизирует его путь (тема несвободы, принадлежности кому-либо) и символически знаменует преодоление, раскаяние и освобождение.

Щегол является частью сакрального изображения, указывает на грядущие страдания Христа, однако несет противоположный картине Гольбейна смысл, «глядя на которую, у иного вера пропасть может». Так на символическом уровне картины превосхищают, предопределяют судьбы героев: «Щегол» дарит веру в спасение и перерождение души Тео, а «Мертвый Христос» знаменует печальный, трагичный финал жизни князя Мышкина.

Таким образом, отсылки к творчеству Ф. М. Достоевского в романах Д. Тартт важны с точки зрения взаимодействия их поэтики с конституирующими признаками young adult литературы, поскольку американская литературная традиция романа становления (инициации) опирается на творчество русского писателя [Corrigan]. Эта связь открывает перед читателем возможность более глубокого понимания характеров героев, позволяет вникнуть в философское содержание американского романа.

На уровне сюжета влияние Достоевского наблюдается в коллизии, построенной по модели преступления и наказания, герои Достоевского и Тартт вынашивают «большие идеи», мечтают о пространстве гармонии и красоты. Можно сделать вывод о том, что «Идиот» в интертекстуальном поле, на которое опирается при создании романа «Щегол» Д. Тартт, не только претекст, но метатекст: романы связаны как на структурном, так и на семантическом уровнях. Писательница радикализирует, обнажает приемы, использованные Ф. М. Достоевским: экфрасис, система двойников, полифоничность. В широком смысле образ России оказывается связан с культурным контекстом (восприятие русской литературы как неповторимой и ценной), уникальной семиотикой пространства, архетипическим пониманием национального характера (широта души, трикстерство, доброта).

Творчество Д. Тартт вписывается в феномен young adult прозы на уровне поэтики заглавий («Тайная история» — детективная, приключенческая составляющая, загадка; «Маленький друг» — тема взросления, тема дружбы; «Щегол» — ассоциация с образом главного героя, экфрасис), на уровне системы персонажей (возраст главных героев, сюжетобразующая тема становления), поэтики мотивов (утрата семьи, постижение мира), тематических комплексов (тема дружбы, любви, одиночества), нарративного устройства («self-reliance» — доверие к собственному ментальному, социальному, эмоциональному опыту, желание им поделиться, реализующееся в повествовании от первого лица).

Романы Д. Тартт представляются частью единого метатекста о взрослении, в котором реализуются инвариантные в творчестве Д. Тартт модели: одиночество героя в собственной семье, ее неприятие (Ричард, «Тайная история»; Гарриет, «Маленький друг») или утрата (Тео, «Щегол»), постижение мира через искусство («Тайная история», «Маленький друг», «Щегол»), детективная составляющая, обращение к ключевому в жизни героя событию, связанному с его инициацией. Романы Д. Тартт можно воспринимать как историю становления героев, сопряженную с мотивами учителя / ложного учителя, разрушительной / созидательной силы искусства, совмещающей жанровые признаки детектива, университетского романа, психологической прозы, романа воспитания (инициации).

Рецепция наследия Ф. М. Достоевского и черты young adult литературы делают романы писательницы социокультурным феноменом и формируют особую популярность произведений Д. Тартт среди молодых читателей (субкультура Dark Academia, концепция которой строится на отсылках к романам «Тайная история» и «Щегол»). Прагматика произведений Д. Тартт видится в особом рода художественной соблазнительности, достигаемой одновременно за счет рецептивных конвенций и нарративной логики: повествовании от первого лица, использовании фигуры «ненадежного рассказчика», апелляции к читателю, аллюзиям на творчество Ф. М. Достоевского.

- Анциферова О. Ю.* «Южный Миф» и роман Донны Тартт «Маленький друг» // *Филология и культура*. 2015. № 2 (40). С. 165–170.
- Анциферова О. Ю.* Античный код в университетском романе Донны Тартт «Тайная история» // *Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского*. 2015. № 2 (2). С. 22–27.
- Баранов А. С.* Образ террориста в русской культуре конца XIX — начала XX века // *Общественные науки и современность*. 1998. № 2. С. 181–191.
- Бутенина Е. М.* Исповедальность Достоевского и современный американский роман о подрастке // *Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология*. 2016. № 2 (34). С. 94–100.
- Выготский Л. С.* Педология подростка // *Собр. соч. : в 6 т. Т. 4 : Детская психология / под ред. Д. Б. Эльконина*. М., 1984. 132 с.
- Гаранина А. Е.* Жанровая специфика романа «Тайная история» Донны Тартт // *Современные проблемы литературоведения, лингвистики и коммуникативистики глазами молодых ученых. Традиции и новаторство*. Уфа, 2017. С. 40–44.
- Гевель О. Е.* «Щегол» на восточноевропейском перекрестке: «русские» подтексты романа Донны Тартт // *Имагология и компаративистика*. 2021. № 15. С. 264–280.
- Давлетханова Е. С., Турьшева О. Н.* Код Достоевского в романе Д. Тартт «Щегол» // *INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения : сб. ст. Вып. 3*. Екатеринбург, 2020. С. 123–125.
- Ишимбаева Г. Г.* Диалектика притяжения-отрицания идей Ницше в романе Д. Тартт «Тайная история» // *Вестн. Самар. ун-та. История, педагогика, филология*. 2016. № 3. С. 78–83.
- Коротченко Т. В.* Политическая проблематика наследия Ф. М. Достоевского: американская рецепция // *Вестн. Том. гос. ун-та*. 2021. № 464 С. 32–41.
- Ломакина И. Н., Полховская Е. В.* Танатопозитика Д. Тартт (на материале романа «Тайная история») // *Вестн. Удмурт. ун-та*. 2020. Т. 30, вып. 2. С. 352–357.
- Назирова Э. И.* Интертекстуальность романа Донны Тартт «Тайная История» // *Язык. Культура. Коммуникация*. 2016. № 2(6). С. 31 : [сайт]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28132647> (дата обращения: 12. 05.2021).
- Парулина И. Ю.* Университетский дискурс: сбор корпуса (на материале романа Д. Тартт «Тайная история») // *Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та*. 2016. № 2 (13). С. 70–74.
- Тартт Д.* *Маленький друг* / пер. с англ. А. Завозовой, М., 2016. 640 с.
- Тартт Д.* *Тайная история* / пер. с англ. Д. Бородкина, Н. Ленцман. М., 2008. 704 с.
- Тартт Д.* *Щегол* / пер. с англ. А. Завозовой. М., 2015. 827 с.
- Турьшева О. Н.* Достоевский, Сибирь и русский человек в романе Донны Тартт *Щегол* // *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8, № 1. С. 119–131.
- Фомина Е. М.* «Щегол» Д. Тартт как роман воспитания // *Новый филол. вестн*. 2017. № 4 (43). С. 261–271.
- Черноземова Е. Н.* Функция экфрасических обращений в романе Донны Тартт «Тайная история» // *Горизонты гуманитарного знания*. 2016. № 4. С. 57–69.
- Шалимова Н. С.* Жанровая атрибуция романа инициации на примере произведения Д. Тартт «Щегол» // *Вестн. КГПУ им. В. П. Астафьева*. 2017. № 1 (39). С. 163–166.
- Cart M.* Young adult literature: From romance to realism. Chicago, 2016.
- Corrigan Y.* Donna Tartt's Dostoevsky: Trauma and the Displaced Self // *Comparative Literature*. 2018. Vol. 70, iss. 4. P. 392–407. <https://doi.org/10.1215/00104124-7215462>.
- Stratman J.* Teens and the New Religious Landscapes: Essays on Contemporary Young Adult Fiction. Jefferson, 2018. 242 p.
- Tarr A., White D.* Posthumanism in Young adult fiction: Finding Humanity in a Posthuman world. Jackson, 2018. 290 p.
- Tartt D.* *The Goldfinch*. L., 2014. 864 p.
- Viner K.* A Talent to Tantalize // *The Guardian*. 2002 : [site]. URL: <https://www.theguardian.com/books/2002/oct/19/fiction.features> (accessed: 25.06.2021).

Статья поступила в редакцию 13.01.2022 г.

Научная статья

УДК 008:130.2 + 168.522 + 37.034 + 004.4'27 + 004.032.6

DOI 10.15826/izv1.2022.28.1.013

КУДА ИДУТ КУЛЬТУРА И НАУКА О КУЛЬТУРЕ?

Наталья Борисовна Кириллова¹

Татьяна Александровна Кемерова²

Ольга Леонидовна Девятова³

Лилия Сергеевна Лихачева⁴

^{1, 2, 3, 4} *Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия*

¹urfo@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9187-7080>

²ajisai@yandex.ru

³sonare-9@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2289-037X>

⁴likhacheva08@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1345-2378>

А н н о т а ц и я. В основе статьи — анализ бытия культуры в современном глобализованном мире с его вызовами и противоречиями. Отталкиваясь от материалов ряда международных научных конференций 2020–2021 гг., авторы размышляют о проблемах развития культуры (как отечественной, так и мировой), рассматривают актуальные социально-культурные практики, а также реалии и перспективы культурологии. Выявлено, что актуальными в эпоху глобализации и цифровизации остаются проблемы традиций и новаций, сохранение культурно-исторического наследия, диалог и полилог культур, новые аспекты культурной политики и трансформации художественной культуры в связи с внедрением новых медиатехнологий, синтез культурологии с другими гуманитарными дисциплинами. В проблемном поле науки и вопросы этической культуры личности и общества.

К л ю ч е в ы е с л о в а: культурология; культурная политика; традиции и новации; культурное наследие; духовно-нравственные ценности; медиатехнологии; диалог культур; цифровая культура; этическая культура

WHERE ARE CULTURE AND THE SCIENCE OF CULTURE GOING?

Natalia B. Kirillova¹
Tatiana A. Kemerova²
Olga L. Deviatova³
Lilia S. Likhacheva⁴

^{1, 2, 3, 4} *Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia*

¹urfo@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9187-7080>

²ajisai@yandex.ru

³sonare-9@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2289-037X>

⁴likhacheva08@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1345-2378>

A b s t r a c t. The article is based on the analysis of the existence of culture in the modern globalized world with its challenges and contradictions. Based on the materials of a number of International scientific conferences in 2020–2021, the authors reflect on the problems of cultural development (domestic and world), consider current socio-cultural practices, as well as the realities and prospects of cultural studies. It is revealed that the problems of traditions and innovations, preservation of cultural and historical heritage, dialogue and polylogue of cultures, new aspects of cultural policy and transformation of artistic culture, in connection with the expansion of the media sphere, synthesis of cultural studies with other humanitarian disciplines remain relevant in the era of globalization and digitalization. In the problematic field of science — the issues of the ethical culture of the individual and society.

Key words: cultural studies; cultural policy; traditions and innovations; cultural heritage; spiritual and moral values; media technologies; dialogue of cultures; digital culture; ethical culture

Научные конференции, проведенные по инициативе кафедры культурологии и социально-культурной деятельности Уральского гуманитарного института УрФУ в международном формате¹, а также итоги V Российского культурологического конгресса, который прошел в ноябре 2021 г. в Санкт-Петербурге² под патронажем Министерства культуры РФ, дают возможность не только проанализировать бытие современной культуры и социально-культурные практики, но и рассмотреть перспективы культурологии как гуманитарной науки и учебной дисциплины в условиях глобализованного мира. Тем более что в конференциях участвовали представители не только разных регионов России, но и других государств: Беларуси, Венгрии, Китайской Народной Республики, Казахстана,

¹ См.: Диалог культур в эпоху глобализации и цифровизации : междунар. науч. конф., Екатеринбург, УрФУ, 24–25 апр. 2020 г.; Аудиовизуальная платформа современной культуры : междунар. науч. конф. (XV Колосницынские чтения), Екатеринбург, УрФУ, 21–22 нояб. 2020 г.; Исторические трансформации культуры: концепты, смыслы, практики : междунар. науч. конф. (XVI Колосницынские чтения), Екатеринбург, УрФУ, 19–20 нояб. 2021 г.

² См.: Культурное наследие — от прошлого к будущему : V Рос. культуролог. конгр. с междунар. участием, Санкт-Петербург, 8–10 нояб. 2021 г.

Украины. Итогом конференции «Исторические трансформации культуры: концепты, смыслы, практики» стало проведение круглого стола «Реалии, риски и перспективы современных культурных практик: региональный аспект», участники которого обсудили многие актуальные проблемы культурологии как науки и развитие социально-культурной сферы.

Размышляя о результатах научных форумов 2020–2021 гг. с участием уральских ученых, можно отметить достаточно широкий теоретический диапазон обсуждаемых проблем: от неисчерпаемого наследия российской культуры с ее духовной самобытностью до новейших практик медиакультуры, ставшей знаковым явлением глобализованного мира; от теории и истории культуры (как отечественной, так и мировой) до вопросов государственной культурной политики и современного социокультурного развития общества, от диалога и полилога культур в цифровую эпоху до синтеза культурологии и смежных гуманитарных наук.

Как свидетельствуют материалы конференций, одной из самых актуальных проблем научного исследования остается проблема традиций и новаций в культуре. Не случайно ей уделено особое внимание в «Основах государственной культурной политики Российской Федерации» [Указ президента РФ]; эта тема — объект исследования многих гуманитарных наук: культурной антропологии, истории, социальной философии, этнографии; вопросы традиций и новаций часто обсуждаются в средствах массовой коммуникации, социальных сетях и блогосфере.

В бытовом восприятии традицию чаще всего соотносят с такими понятиями, как «ритуал», «обычай», «обряд». В научном аспекте традиция — более сложная категория. Философский словарь трактует ее следующим образом: «...Это выражение всего предшествующего и относительно устойчивого в социальной жизни и культуре, категория, включающая в себя как содержание различных сфер общества, так и механизм их преемственного развития, форма закрепления и сохранения социокультурного опыта. Традиция — образец поведения, мышления и переживания, оцениваемый положительно или отрицательно, принадлежащий (действительно или мифологически) к культурному наследию социальной группы» [Современный философский словарь, с. 734].

Значение традиции в человеческой цивилизации настолько велико, что сложился принцип выделения традиционных обществ и культур в самостоятельную историческую эпоху или социальный и культурный тип. При этом «естественное воспроизводство традиции не нуждается в каком-либо идеологическом оправдании и не рефлексивируется; появление представления о традиционализме является симптомом разрушения традиционной культуры. Апелляция к традиции содержит потенциал ее деструкции, лишения абсолютной ценности» [Там же]. Изменение соотношения традиции и новации связано с переходом к индустриальной цивилизации, и в еще большей степени — с процессами урбанизации и глобализации. Традиционное общество и его культура характеризуются гомогенностью и целостностью. Культура различных сословий в нем была типологически сходной. При переходе к современному обществу ситуация меняется: город становится не просто местом проживания, а определенным способом производства культуры,

своеобразной и уникальной культурной средой, где складываются свои традиции и ритуалы.

При этом городская культура гораздо более открыта для внешних влияний, здесь возникают новые идеи и представления, новые формы досуговой деятельности, новые технологии и способы трансляции социокультурного опыта. Современный город, особенно мегаполис, все более обнаруживает способность стать центром новаций. Мегаполису присущи такие характеристики, как высокая концентрация квалифицированных видов деятельности, мозаичность социально-культурных связей, интенсивное развитие творческих индустрий и новых типов занятости, наличие субкультурных образований и городских солидарностей, для которых характерно преобладание горизонтальных социальных связей над вертикальными и межпоколенными. Молодежные субкультуры зачастую демонстрируют отказ от традиций старшего поколения, но одновременно порождают свои собственные. Новые формы городской культуры соседствуют с традиционными институтами культуры.

Множественность культурных традиций в нашей стране укорена и в ее истории. В XX в. Россия жила традициями дореволюционной эпохи, а также революционными и советскими новациями, затем «перестроечными» и «постперестроечными» переломами и как следствие — разрывами преемственности. Многие из них забыты, другие сохраняются как культурные традиции и места памяти. Забвение культурных традиций в нашей стране порождает разные протестные движения. Одним из проявлений этого может служить архаизация культурных традиций. Она принимает разнообразные формы, вплоть до появления неоязыческих сообществ или апелляции к патриархальным семейным ценностям. Намеренная архаизация традиций нередко используется в идеологических целях как средство консервации существующих властных структур. А вместе с ними могут возникать так называемые «изобретенные традиции». Этот термин ввел английский историк Э. Хобсбаум для уточнения некоторых аспектов соотношения традиции и новации: ««Изобретенная традиция» — это совокупность общественных практик ритуального или символического характера, обычно регулируемых с помощью явно или неявно признаваемых правил; целью ее является внедрение определенных ценностей и норм поведения, а средством достижения цели — повторение» [Хобсбаум]. Специфика «изобретенных традиций», по мнению ученого, состоит в том, что их связь с историческим прошлым по большей части фиктивна, хотя «эти традиции представляют собой ответ на новую ситуацию в форме отсылки к ситуации старой. Или же они создают себе прошлое путем их как бы обязательного повторения» [Там же].

Таким образом, вопрос о взаимодействии традиций и новаций представляется более сложным и актуальным и требует теоретического осмысления в контексте вызовов глобализованного мира, в частности процессов цифровизации, повлиявших как на современную культуру, так и на культурологию. Показателен тот факт, что самыми дискуссионными на последних конференциях стали доклады, посвященные синтезу культурологии с другими гуманитарными науками: «Новые

парадигмы культурологии в контексте изучения медиасферы глобализованного мира» [Кириллова]; «Новые медиа vs культура» [Мурзина]; «Полилингвизм и поликультурность как факторы трансформации образования» [Гудова] и др.

Взаимодействие традиций и новаций тесно связано с проблемами сохранения культурного наследия. Это подчеркнула в своих выступлениях О. Н. Астафьева и на Всероссийском культурологическом конгрессе, и на последней конференции УрФУ, указав на необходимость укрепления в государственной культурной политике духовно-нравственных ценностей [Астафьева]. Тем более что 2022 г. объявлен Годом народного искусства и нематериального культурного наследия народов России.

Именно национальные и народные традиции являются главным и определяющим носителем духовно-нравственных ценностей, которыми так сильна русская культура, включая литературу, изобразительное и театральное искусство, музыкальную культуру. К примеру, музыка на протяжении многих веков опиралась в своем историческом развитии на богатейший музыкальный фольклор, в котором всегда звучала душа русского народа, отражались его думы и чаяния, его боли и страдания, а также оптимизм, вера в торжество добра и любви. Сегодня, когда умирают многие русские деревни, уходят из жизни поколения творцов и носителей музыкального фольклора и народных традиций, с особой остротой встает вопрос о сохранении фольклорного наследия в записях, классификации и, конечно, практике его исполнения не только в академических хоровых или танцевальных коллективах, но и в сфере массовой культуры, самодельных ансамблях и группах.

Это актуально еще и потому, что интерес к музыкальному фольклору в молодежной среде сегодня возрастает, создается немало различных групп, которые активно позиционируют себя на телевидении и в интернет-пространстве: к примеру, группа Zventa Sventana (ей был посвящен доклад на конференции магистрантки Д. Шафиковой), группа Винцкевич и хор «Ростан», группа «Ходила изба (Hodila isba)», группа «Тесто» и многие другие. Интересно и то, что в фольклорных композициях исполнители альбомов используют разнообразную музыкальную технику: джазовую, рок, электронную, создают разнообразные музыкальные миксты, которые сохраняют присущий фольклору жанровый и интонационный облик, но в то же время придают старинным песням более современный вид, не нарушая целостности музыкального образа и его культурных смыслов.

Значимы в современной музыкальной культуре и профессиональные композиторские сочинения 1990–2000-х гг., обращенные к русским и шире — славянским национальным традициям и духовно-певческим религиозным корням отечественной культуры. В связи с этим можно вспомнить таких крупных мастеров, как Родион Щедрин (опера-оратория «Боярыня Морозова», опера «Очарованный странник»), Эдуард Артемьев (опера «Преступление и наказание»), Владимир Мартынов («Апокалипсис»), Алексей Рыбников (симфония № 5 «Воскрешение мертвых», хоровой концерт), митрополит Иларион (Алфеев) («Страсти по Матфею») и др.

Особое значение фольклор и духовно-певческие традиции имели в творчестве недавно ушедшего из жизни выдающегося композитора петербургской школы Сергея Слонимского, который до конца дней своих обращался к этим неисчерпаемым музыкальным истокам в сочинениях разных жанров. Одним из последних его творений была поэма «Симфонический распев» (для духовых, струнных, ударных инструментов, 2019), в которой он опирался на фольклорные мотивы: от былинных и лирических песен до частушки. Исходя из родословной С. М. Слонимского, нельзя не коснуться его творческих контактов с польской музыкальной культурой в свете проблемы русско-польских музыкальных связей. Эта тема также актуальна сегодня из-за усложнившихся в последние годы отношений России и Польши, которые свидетельствуют о необходимости культурного диалога между славянскими народами, где музыка, быть может, играет главенствующую роль. Следует отметить, что к 100-летию независимости Польши Слонимский создал симфоническое сочинение «Восхождение и триумф» (2018), в котором опирался на старинный польский тематизм эпохи *Ars nova* (XV в.), а также подлинно народные польские песни маршевого и танцевального характера, виртуозно разработав их в блестящей инструментовке.

Важной культурологической проблемой, прозвучавшей на последних конференциях и конгрессе, стала проблема *культурной и исторической памяти*. Все то, что создано русской литературой, театральной и музыкальной классикой (включая и советский период), требует бережного к себе отношения, пропаганды во всех сферах культурной жизни (исследовательской, просветительской, образовательной), с учетом использования новейших медийных средств, электронных технологий, интернета. Достижения медиакультуры способны усилить внимание к серьезной литературе, значимым экранным произведениям, лучшим театральным постановкам, настоящей музыке, формирующим высокий строй чувств и мыслей, развивающим духовно-нравственные устремления личности. Главными критериями в оценках того или иного явления художественной культуры являются содержательность и эстетические достоинства, обусловленные уровнем профессионального мастерства создателей, дающие возможность вернуться к культурно значимым традициям и их новому осмыслению в информационную эпоху.

В связи с этим актуальна мысль, прозвучавшая в докладе И. Я. Мурзиной, о необходимости *защиты потребителей от тотальной развлекательности в интернет-пространстве*, а также значимости выработки некоего духовного иммунитета к системе новых технологий, требующей формирования устойчивых ценностных ориентиров [Мурзина]. Важными для изучения являются и проблемы *национальной идентичности*, а также *диалога культур Востока и Запада*, затронутые в докладе О. В. Шлыковой [Шлыкова]. В этом же ракурсе прозвучал доклад профессора из Венгрии Агнеш Кережи о трансформации культуры финно-угорских народов, с интересом воспринятый аудиторией, как и доклад М. А. Ефимец о концепте «Русского мира».

Востребованной и до конца не изученной является проблема «свой — чужой», представленная в выступлении О. Л. Девятовой [Девятова] в проекции

на творческую судьбу Сергея Прокофьева, связанную с его пребыванием в Америке в 1918–1920-х гг. Очень важной для исследователей является проблема личности в культуре, которую следует осмысливать как проявление креативности, талантливости и гениальности творца, его неповторимой творческой индивидуальности и способности создания своего художественного мира и культурного мироздания. Именно к таким личностям относится Сергей Прокофьев, 130-летие со дня рождения которого общественность отметила в 2021 г.

Указанные выше теоретические проблемы, как и анализ свободы творчества, являются объектом современных научных исследований. Однако из поля зрения ученых практически ушло такое понятие, как «этическая культура», также имеющая отношение к проблемам традиций и новаций. Между тем в публичной сфере, в социальных сетях все чаще звучит выражение «новая этика». Данным понятием оперируют представители самых разных сфер, как правило, не имеющих ни научной базы, ни гуманитарной составляющей. Это создает некую проблемность и рождает массу вопросов, прежде всего к профессионалам — культурологам, этикам: если есть некая «новая этика», то что случилось со «старой»? И не является ли это признаком консервативности, ненужности прежней гуманистической этики? Если признать факт появления «новой этики», то в чем заключается ее новизна: в системе ценностей? В особом отношении к нормативности? Как писал Аристотель, любая этика — это практическая философия, включающая не только идеи, знания, но и поступки. Так к чему призывает и что стремится воплотить в практической деятельности, в поступках людей так называемая «новая этика»? Каковы ее категории? Другими словами, что приходит на смену традиционным категориям добра и зла, долга и совести, чести и достоинства?

Найти ответы на эти вопросы в серьезной научной литературе сложно, ибо таковая практически отсутствует. Существует лишь несколько интересных научных публикаций. Одна из них — статья мэтра отечественной этики А. А. Гусейнова «Что нового в “новой этике”»? [Гусейнов], опубликованная в «Ведомостях прикладной этики» (Тюмень, 2021, № 58). Однако получить этот сборник можно только за деньги, что также демонстрирует новую (коммерциализированную) «этику просвещения». Будут ли его покупать студенты? Вопрос риторический, порождающий другие вопросы: зачем изучать Аристотеля, Дж. Бруно или Канта, если все это устарело, ведь сегодня — новая этика, новые ценности, новая культура?

Судя по таким категориям, как «харассмент», «шейминг», «канселинг», «абыюз», «гостинг», «инклюзия» и др., этическая культура движется в направлении обсуждения возникающих в нашей жизни (под влиянием Запада) новых практик коммуникации людей разных социальных, гендерных, имущественных и других статусов в обществе. Дискуссии смещаются не столько на обсуждение самого термина и его новизны, сколько на анализ тех коммуникативных, социокультурных практик, которые его породили.

Думается, что само понятие «новая этика» можно интерпретировать в двух смыслах — узком и широком. В узком смысле слова новая этика представлена

проблематикой преодоления социального неравенства и дискриминации по половым, расовым, религиозным и другим признакам. Чаще всего, как отмечают исследователи, «...“новая этика” — это некий новый, неоформленный и не закрепленный ни в общественном мнении, ни тем более в законодательстве свод правил и норм этикета, которые явочным порядком отвоевывают себе права на существование. Они формируются через громкие скандалы и тихие истории с определенным разоблачением поступков, расцениваемых, в силу измененных обстоятельств, как недопустимые» [Горшенина, с. 18]. Поэтому само выражение «новая этика» часто лишено морально-этического смысла и несет в себе отрицательные коннотации. Свидетельством тому — Википедия как источник современных знаний обо всем. В ней говорится, что «новая этика» рассматривает «...разноплановые явления, связанные с феминизмом и движениями #MeToo, #ЯНеБоюсьСказать, BLM, cancel culture, а также другими видами борьбы меньшинств и угнетенных групп за свои права в разных странах (преимущественно речь идет о США и европейских странах). Кроме того, понятие используют, когда описывают специфику новых форм отношений (включая и романтические)...» [Новая этика].

Этим концептом, как справедливо отмечает Э. Россман, «...маркируют множество разных явлений: новую волну российского феминизма, культуру отмены, борьбу с харрасментом и домогательствами, чрезвычайную “чувствительность” молодежи, обсуждение личных границ и травм... а иногда и любые виды коллективного действия, которые описываются с отсылками к советскому опыту парткомов и репрессий» [Россман].

Очень точно определяет ситуацию М. Эпштейн, утверждая, что новая этика — это фактически подмена этики идеологией [Эпштейн]. Этой же мысли придерживается Л. М. Карпова, которая пишет: «...Если в государственных СМИ “новая этика” отождествляется с угрозой разращения со стороны Запада, то либеральные медиа видят в ней угрозу свободе личности» [Карпова, с. 16].

Вместе с тем в широком смысле слова «новая этика» — это, по сути, отражение процесса рождения новых социокультурных практик: бизнес-коммуникаций, этикета гендерных взаимодействий, коммуникаций в сети Интернет и пр. А что такое социокультурные практики? Это «конструируемые в повседневном опыте способы социально-культурного взаимодействия индивидов на фоне социальных норм» [Нравы как социально-культурный феномен, с. 123]. Социально-культурные практики суть то, что позволяет подкорректировать это должное (нормативное). Они показывают направление процесса, обозначают тенденции. Анализ социокультурных практик важен, поскольку он позволяет понять, что реально формируется, рождается, складывается в самой повседневности, что заставляет (вынуждает) людей нарушать это должное [Там же].

Таким образом, актуальными вопросами культурологии, как было отмечено, являются не только взаимодействие традиций и новаций в эпоху глобализации и сохранение культурного наследия, не только достижения художественной культуры и медийного творчества, но и изучение этической культуры в новой исторической цивилизации. Речь идет и о теории, и, прежде всего, о вопросах

повседневной практики, социально-культурных процессах и явлениях, которые также помогают понять реальное бытие и перспективы развития культуры.

Хочется отметить, что все значимые конференции 2020–2021 гг. вселяют надежду на дальнейшее развитие культурологической науки, укрепление культурологического сообщества и его влияния на культурную политику современной России.

Астафьева О. Н. Теоретические модели и массмедийный дискурс культурной политики современной России // Культурное наследие — от прошлого к будущему : V Рос. культуролог. конгр. с междунар. участием : программа, тез. докл. СПб. ; М., 2021. С. 28–29.

Аудиовизуальная платформа современной культуры : материалы Междунар. науч. конф. (XV Колосницинские чтения). Екатеринбург, 2020. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44634041_48199136.pdf (дата обращения: 20.01.2022).

Гусейнов А. А. Что нового в «новой этике»? // Ведомости прикладной этики. 2021. № 58. С. 91–106.

Горшенина Н., Слуцкая Ю., Тезаева К. Открытый вопрос: гайд по миру новой этики. М., 2021. 108 с.

Гудова М. Ю. Полилингвизм и поликультурность как факторы трансформации образования // Исторические трансформации культуры: концепты, смыслы, практики : материалы Междунар. науч. конф. (XVI Колосницинские чтения). Екатеринбург, 2021. URL: <http://instos.ru/> (дата обращения: 20.01.2022).

Девятова О. Л. Сергей Прокофьев и культура Америки: «свой» или «чужой» (по материалам дневника за 1918–1920 гг.) // Исторические трансформации культуры: концепты, смыслы, практики : материалы Междунар. науч. конф. (XVI Колосницинские чтения). Екатеринбург, 2021. URL: <http://instos.ru/> (дата обращения: 20.01.2022).

Диалог культур в эпоху глобализации и цифровизации : материалы Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 2020. 80 с.

Картова Л. М. «Новая этика» в контексте современной российской культуры: pro et contra // Вестн. Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитар. исслед. 2021. № 3 (32). С. 14–19.

Кириллова Н. Б. Новые парадигмы культурологии в контексте изучения медиасферы глобализованного мира // Культурное наследие — от прошлого к будущему : V Рос. культуролог. конгр. с междунар. участием : программа, тез. докл. СПб. ; М., 2021. С. 32–33.

Мурзина И. Я. Новые медиа vs культура // Исторические трансформации культуры: концепты, смыслы, практики : материалы Междунар. науч. конф. (XVI Колосницинские чтения). Екатеринбург, 2021. URL: <http://instos.ru/> (дата обращения: 20.01.2022).

Новая этика (Россия) // Википедия : свободная энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 06.01.2022).

Нравы как социально-культурный феномен: проблема модернизации в современной России : моногр. / [науч. ред. Л. С. Лихачева]. Екатеринбург, 2013. 288 с.

Россман Э. Как придумали «новую этику»: фрагмент из истории понятий // Сигма : [сайт]. 2020. 27 сент. URL: <https://syg.ma/@ella-rossman/kak-pridumali-novuiu-etiku-fraghmiient-iz-istorii-poniatiit> (дата обращения: 06.01.2022).

Современный философский словарь / под ред. В. Е. Кемерова. М., 2004. 864 с.

Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики». URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/591385/#ixzz3Ysyc4Rb4> (дата обращения: 15.01.2022).

Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестн. Евразии. 2000. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izobretenie-traditsiy> (дата обращения: 30.11.2021).

Шлыкова О. В. Гуманитарные науки: глобальные вызовы эпохи // Исторические трансформации культуры: концепты, смыслы, практики : материалы Междунар. науч. конф. (XVI Колосницынские чтения). Екатеринбург, 2021. URL: <http://instos.ru/> (дата обращения: 20.01.2022).

Эпштейн Э. Новая этика или старая идеология? // Сноб : [сайт]. 2021. 10 авг. URL: <https://snob.ru/profile/27356/blog/400089> (дата обращения: 06.01.2022).

Статья поступила в редакцию 21.01.2022 г.

Научная статья

УДК 069.02 + 343.81 + 371.233 + 008:130.2

DOI 10.15826/izv1.2022.28.1.014

МУЗЕЕФИКАЦИЯ БЫВШИХ ТЮРЕМ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ И РОССИЙСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Юлия Викторовна Сливкова

*Омский государственный технический университет,
Омск, Россия*

julie_post@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4692-4378>

А н н о т а ц и я. Статья посвящена современным подходам к музеефикации бывших тюрем. Судьба закрытых тюрем является предметом дискуссий между субъектами государственной власти, представителями бизнеса и населением. Результат преобразования тюрьмы напрямую зависит от источников финансирования. В настоящее время существуют примеры использования тюремных зданий в качестве кинематографических декораций, социального жилья, гостиниц и торговых центров. В последнее время посещение старых тюрем стало популярным направлением культурно-познавательного туризма, поэтому проблема создания музеев на их территории привлекла внимание ученых. Исследования музеефикации тюремных объектов предполагают изучение процессов перепрофилирования бывших мест заключения; изучение особенностей организации экскурсионной деятельности и анализ впечатлений посетителей тюремных музеев. В статье обобщен канадский и французский опыт, включая стратегии музеефикации тюрем и типизацию гидов-экскурсоводов. В качестве примера реализации комплексного подхода к сохранению мест лишения свободы как объектов культурного наследия рассмотрен французский виртуальный Музей правосудия. Тюрьмы, превращенные в музей, — объект многогранный и цели сохранения и знакомства с таким наследием разнятся: от изучения специфической архитектуры здания до увековечивания памяти о невинных.

К л ю ч е в ы е с л о в а: музей; тюрьма; музеефикация; экскурсии; экскурсовод; культурное наследие; виртуальный музей; экспозиция

THE MUSEIFICATION OF THE FORMER PRISONS: INTERNATIONAL EXPERIENCE AND RUSSIAN REALITY

Yulia V. Slivkova

Omsk State Technical University, Omsk, Russia

julie_post@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4692-4378>

Abstract. This article is dedicated to several modern approaches to the cultural museification process of former prisons. “The fate” of closed and no longer working

prisons is the subject of discussion between state authorities, business and civilian population. The result of the prison transformation directly depends on the funding sources. Currently, there are multiple examples of prison buildings being used as cinema settings, social housing, hotels and hostels, and shopping centers. Recently, visiting old prisons has become a popular destination for cultural and educational tourism, so the problem of creating museums on their territory has attracted fixed scientific attention. The research on the museification process of prison facilities involves the study of the processes of repurposing former places of detention; studying the features of excursion organizing and analyzing the impressions of prison museum visitors. This article analyzes and emphasizes Canadian and French cultural experiences of prison museification, including their strategies of museification and tour guides classification. As an example of the implementation of a comprehensive approach to the preservation of liberty deprivation places as the objects of cultural heritage, the French Virtual Museum of Justice, whose exposition is constantly being updated, is considered. Prisons that have been turned into Museums are multi-faceted objects, and the goals of preserving and exploring these heritage sites also vary: from studying architectural specific of the building to perpetuating the memory of the innocent.

К е у в о р д с: museum; prison; museumification; excursions; guide; cultural heritage; virtual museum; exposition

Введение

На протяжении всей истории лишение свободы и заключение под стражу остается самой распространенной формой наказания преступников. Однако уже давно идут дискуссии о том, можно ли назвать подобное наказание самым эффективным или универсальным. Критикующие тюремное заключение называют тюрьму «школой преступности» и призывают к использованию альтернативных видов наказания, по крайней мере, для осужденных за нетяжкие преступления. Но на данном этапе развития человеческого общества полностью отказаться от тюремного заключения не представляется возможным.

В ряде европейских стран сокращение численности заключенных приводит к закрытию тюрем. В Северной Америке, наоборот, регулярно строятся новые тюрьмы, рассчитанные на большее количество заключенных. На сегодняшний день в России функционирует 647 исправительных колоний, 97 колоний-поселений, 6 исправительных колоний для осужденных к пожизненному лишению свободы, 204 следственных изолятора и 75 помещений, функционирующих в режиме следственного изолятора, 8 тюрем и 18 воспитательных колоний для несовершеннолетних [Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы РФ]. В соответствии с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года в целях оптимизации к 2024 г. 88 учреждений подлежат ликвидации [Распоряжение правительства...] Независимо от причин закрытия тюрем, относиться к ним необходимо как культурному наследию и вопрос их дальнейшей судьбы решать соответствующим образом.

Актуальность настоящего исследования обусловлена отсутствием единого мнения относительно статуса закрытых тюрем. Старинные тюремные замки

безоговорочно рассматриваются как памятники архитектуры и подлежат соответствующей защите. К тому же находятся они в центральной части городов, что способствует их музеефикации. Гораздо сложнее обстоит дело с тюрьмами XX в., их архитектура исключительно функциональна, а отношение к ним куда более противоречивое.

На сегодняшний день имеют место три варианта развития событий: снос, реконструкция с целью перепрофилирования и музеефикация. В отличие от других объектов архитектуры и градостроительства, например, промышленных предприятий, практика музеефикации зданий исправительных учреждений еще не сложилась окончательно. Целью настоящей статьи является обобщение опыта канадских и французских исследователей в области музеефикации бывших тюрем и анализ соответствующих реалий в России. Для достижения поставленной цели целесообразно охарактеризовать существующие варианты перепрофилирования выведенных из эксплуатации пенитенциарных учреждений, рассмотреть стратегии музеефикации тюрем и специфику экскурсионной работы на их территории.

Методы исследования

Проблема изучения музеефикации тюрем, раскрывающая комплексную характеристику этих объектов, в России практически отсутствует. Специалистами заявлены лишь отдельные вопросы. В основном тюремные музеи рассматриваются в контексте мемориальной культуры, а также как объекты «травматического» или «трудного» наследия. Масштабные исследования по этой теме были проведены группой канадских ученых. В период с 2009 по 2014 г. они посетили 45 музеев, посвященных теме тюремного заключения в Канаде. На основании проведенных исследований опубликовано несколько работ, касающихся путей возможного использования тюрем.

Базовым методом исследования является историко-культурологический анализ. При этом внимание автора сосредоточено на эмпирических аспектах музеефикации тюрем, предпринята попытка дифференцировать российские тюрьмы-музеи по аналогии с канадской практикой.

Анализ существующего опыта музеефикации тюрем и исправительных учреждений необходимо начать с определения понятия музеефикации. Российская музейная энциклопедия предлагает следующую формулировку: «Музеефикация — направление музейной деятельности, заключающееся в преобразовании историко-культурных или природных объектов в объекты музейного показа с целью максимального сохранения и выявления их историко-культурной, научной, художественной ценности» [Российская музейная энциклопедия]. Многими исследователями это определение считается неполным. Так, по мнению М. Е. Каулен, музеефикацию следует понимать более широко — как «музейное использование любого объекта, движимого или недвижимого, который изымается из среды бытования и помещается в особую, искусственную культурно-историческую среду, создаваемую музеем» [Каулен, с. 44]. Автор данной статьи отдает

предпочтение именно такому пониманию. При этом следует особенно подчеркнуть справедливое замечание М. Е. Каулен о расширении круга объектов музеефикации: сегодня ими могут быть «памятные места, не имеющие официального статуса, культурные и природные объекты, нематериальные объекты наследия» [Каулен, с. 45]. Опираясь на данное заключение, мы расширили круг рассматриваемого опыта музеефикации тюрем путем включения в исследовательское поле виртуальных музеев.

Необходимо подчеркнуть, что малоизученная проблема музеефикации тюрем носит междисциплинарный характер и не может рассматриваться исключительно как технологический процесс сохранения объекта культурного наследия. В связи с этим проведение аналогий с объектами промышленной архитектуры, подвергающимся музеефикации, не является достаточным.

Результаты исследования

Подавляющее большинство закрытых тюрем подлежит сносу. Безусловно, сохранение всех объектов невозможно и нецелесообразно. Иногда качество строительства и материалов делают их консервацию невозможной, а реставрацию слишком затратной. Заброшенные лагеря, тюрьмы и СИЗО есть практически в каждом регионе Российской Федерации. Например, в Магаданской области есть несколько заброшенных колоний. С 1937 по 1956 г. на территории нынешней Магаданской области функционировал один из самых страшных лагерей ГУЛАГа — исправительно-трудовой лагерь «Бутугычаг». В его состав входили несколько отдельных лагерных пунктов, где на рудниках велась добыча урана и олова без каких-либо защитных средств. Сегодня частично сохранились лишь самые поздние постройки. Еще примеры: исправительно-трудовая колония «Талая» и известный в уголовном мире из-за используемой полосатой формы исправительно-трудовой лагерь «Омчак», расформированный в конце 90-х гг. Оба учреждения практически полностью разрушились.

Невостребованность материально-технической базы расформированных пенитенциарных учреждений в Магаданской области можно объяснить спецификой региона (низкий уровень урбанизации, неразвитая инфраструктура, низкая инвестиционная привлекательность и т. п.). Вполне ясны причины сноса старых тюрем и в больших городах. Так, в 2012 г. в Новосибирске было решено снести здание пересыльной тюрьмы НКВД и передать участок частному застройщику. Это решение вызвало протест местных активистов, по мнению которых вместе со зданием уничтожат следы преступлений и память о жертвах политических репрессий. Но городские власти объяснили снос здания его аварийным состоянием и невозможностью реставрации. В подобной ситуации, когда сохранение объекта невозможно, альтернативой может быть установка памятных досок или возведение мемориальных комплексов.

Вместе с тем с каждым годом растет количество вариантов трансформации старого тюремного фонда, рассмотрим самые распространенные из них:

1. Использование в качестве кинематографических декораций. Государственная исправительная колония штата Огайо стала узнаваемой благодаря снятому в ее стенах фильму «Побег из Шоушенка» (1994) [Piché, Walby].

2. Открытие отелей, гостиниц и т. п. в зданиях бывших тюрем. Это своего рода «тренд» в индустрии гостеприимства. Примеров достаточно по всему миру. Так, в бывшей тюрьме графства Карлтон в Оттаве расположился хостел HI Jail Hostel, а в пригороде Чикаго успешно функционирует отель Jail Hill Inn. В здании, которому более 150 лет, до 1977 г. располагалась тюрьма.

3. Преобразование в объекты коммерческой недвижимости. Так, в бывшей тюрьме Сен-Мишель де Ренн (Франция) теперь находятся рестораны, ночные бары и дискотека.

4. Перевод зданий тюрем в жилой фонд. Так случилось со следственным изолятором в Руммельсбурге (Германия) и тюрьмой в Бур-ан-Брес (Франция).

5. Правоохранительными органами здания тюрем используются для инсценировки беспорядков и проведения учений для подготовки тюремного персонала, а производителями охранных систем — для тестирования оборудования. Каждый год, начиная с 1997 г., Национальный институт юстиции США инсценирует тюремный бунт в исправительной колонии Западной Вирджинии в Мундсвилле.

6. В отдельных случаях после закрытия тюрьмы могут быть переданы общественным организациям, как исправительный объект Бэй Вью в Нью-Йорке, который стал Центром социальной справедливости для женщин. В здании исправительного центра Фултона (Нью-Йорк, США) открыт центр социальной реинтеграции для бывших заключенных.

7. Существуют примеры преобразования мест заключения в художественное пространство (Ридинг Гол в Беркшире, Англия) и университетские помещения (здание бывшей тюрьмы Св. Павла было частично интегрировано в кампус Католического университета г. Лиона).

В России нет отлаженных механизмов трансформации закрытых тюрем и колоний под социальные нужды и бизнес-проекты, поэтому примеры их коммерческого использования единичны: в одном из зданий Тобольского Кремля в непосредственной близости от Тюремного замка при Музее сибирской каторги и ссылки работает хостел.

Однако существует пример передачи тюремного здания образовательному учреждению. В г. Тюкалинске Омской области в 1896 г. под руководством архитектора А. Даугеля на месте старой пересыльной тюрьмы было построено двухэтажное каменное здание, рассчитанное на 75 мест, хотя летом партия заключенных доходила до 4 тыс. человек и им приходилось ночевать под открытым небом [История тюкалинской милиции]. Позднее были построены одноэтажное здание больницы, дом исправника, здание столовой и прачечной и дом для свиданий осужденных. Примечателен тот факт, что здание тюрьмы по проекту имело большие окна, совершенно не характерные для тюремной архитектуры того времени. По некоторым данным, еще на этапе строительства архитектор Даугель предположил, что когда-нибудь здесь будет учебное заведение. Его слова оказались пророческими,

и с 1930 г. здание тюрьмы и дом исправника были переданы для размещения в них сельскохозяйственного техникума, который располагается там по сей день.

Управлением культуры г. Тюкалинска разработан проект экспозиции, описывающий все этапы существования тюремного комплекса. В настоящее время ведется оформление передачи здания дома исправника на баланс Тюкалинского краеведческого музея, филиалом которого будет являться экспозиция тюремного комплекса.

8. Музеефикация тюрем и исправительных учреждений. Подавляющее большинство современных тюремных музеев было открыто в период с 1961 по 2010 г., причем заметный рост произошел после 1970 г. [Костромина, Сивова, Косолапов, с. 48]. Несмотря на растущую популярность, целесообразность музеефикации тюрем по-прежнему остается предметом дискуссий. Сторонники создания музеев подчеркивают значимость старых тюрем как объектов культурного наследия, но с точки зрения морали задаются вопросом об уместности их превращения в объекты досуга. Наряду с этим высказывается мнение, что доступность тюрем широкой публике может оказывать негативное влияние на авторитет пенитенциарной системы.

Процессы преобразования бывших пенитенциарных учреждений стоит рассматривать в контексте доминирующих социально-экономических и политических тенденций. Исследования канадских ученых подтверждают, что результат преобразования тюрем напрямую зависит от финансирующих структур. Так, большинство тюремных музеев в Канаде было создано и находится под управлением региональных ассоциаций, занимающихся сохранением культурного наследия. Поэтому в экспозиции музеев есть как экспонаты, касающиеся тюремного заключения, так и экспонаты общеисторического характера [Piché, Walby].

Некоторые тюремные музеи полностью зависят от государства. Примерами музеев, существующих при поддержке Канадской службы исполнения наказаний, являются музей Кейлор-Хаус в Дорчестере, Канадский тюремный музей в Кингстоне и Музей полиции и исправительных учреждений в городе Принс-Альберт. Перечисленные музеи пропагандируют идею о том, что уголовное правосудие в Канаде базируется на защите прав, чести и достоинства заключенных, а устаревшие практики заключения, включая телесные наказания, уходят в прошлое [Idem].

В России функционирует большое количество таких музеев — практически в каждом городе, где есть крупная тюрьма или следственный изолятор. Музеи, открытые на базе действующих тюрем, изначально задумывались как наглядное пособие для сотрудников УФСИН, а позже стали интересны простым обывателям. В качестве примера можно назвать Музей Бутырской тюрьмы, Музей Владимирского центра, Музей СИЗО № 1 в г. Тюмень.

Посещение российских ведомственных музеев при действующих учреждениях возможно только по предварительному согласованию, с обязательным соблюдением ряда условий: острые предметы, мобильные телефоны сдаются на хранение в контрольно-пропускном пункте, проводится специальный инструктаж для посетителей. Для сравнения: в странах Юго-Восточной Азии, которые считаются основоположниками «тюремного» туризма, можно не только посетить

действующую тюрьму с экскурсией, но и провести ночь и даже выбрать сокамерника из заключенных.

Наиболее распространенной формой музеефикации тюрем является консервация, а взаимодействие с аудиторией осуществляется посредством экскурсионной деятельности. Настоящая тюрьма рассматривается как объект, позволяющий понять суть и значение лишения свободы. Для этого музейными кураторами реализуется одна из трех стратегий:

1. Первая стратегия — это сохранение архитектуры, пространств и объектов при их выведении из эксплуатации. Например, в исторической тюрьме в Корнуолле (Канада) камеры и другие помещения находятся в том же состоянии, что и в 2002 г., когда тюрьма закрылась.

По тому же принципу организована работа Мемориального музея-заповедника истории политических репрессий «Пермь-36», расположенного на территории бывшей исправительно-трудовой колонии ВС 389/36 в д. Кучино Чусовского района Пермского края. Первые постройки — деревянные бараки появились в 1946 г., а в 1972 г. в колонию перевели первых политических заключенных. В то время на территории современного Пермского края функционировало еще два политлагеря, но режим в «Пермь-36» был самым жестким. В 1988 г. лагерь был закрыт и заброшен. Идея создания музейно-архивного комплекса возникла в начале 90-х гг. Администрация Пермской области поддержала данный проект, и в 1994 г. на месте бывшей ИТК-36 был создан Мемориальный музейно-архивный комплекс «Мемориал жертв политических репрессий» [Мемориальный музей-заповедник...]. Это единственный в России музей, в котором можно увидеть почти весь комплекс построек советского лагеря.

2. Вторая стратегия предполагает реставрационные работы, в процессе которых воссоздается интерьер тех времен, когда тюрьмы выполняли свои первоначальные функции.

Примером реализации такой стратегии является Мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД». Музей расположен в здании церковно-учительской школы, построенном по заказу Томской епархии в 1896 г. В 1922 г. здание было передано городскому отделу НКВД. На верхних этажах располагалась квартира начальника и кабинеты сотрудников, а в подвале находилась внутренняя тюрьма, где содержались арестованные до вынесения приговора. Тот, кто попадал сюда, как правило, уже не возвращался. Тюрьма просуществовала до 1944 г., и после закрытия отдела НКВД здание было отдано под квартиры, подвал использовался для хозяйственных нужд.

Музей здесь был открыт только в 1989 г. Помимо подлинных документов, личных вещей репрессированных, предметов быта, постоянная экспозиция включает реконструкции кабинета следователя и камеры предварительного заключения. Структура экспозиции не только позволяет воссоздать атмосферу тех лет, но и осознать масштабы массовых репрессий. В подземном проходе между двумя зданиями НКВД установлена скульптура, изображающая согнутую спину человека, уходящего в темноту, — образ одного из тысяч безвинно осужденных.

3. Третья стратегия опирается на художественную реконструкцию и используется в местах заключения, где больше нет камер, или в музеях, расположенных вне стен бывших тюрем. Воссоздается обстановка камеры для того, чтобы посетители могли прочувствовать лишение свободы. При этом для усиления впечатлений порой демонстрируются экспонаты из других тюрем. Например, в Центре Моррина в Квебеке в обстановке камер использованы кровати и стол, в два раза больше их реального размера. В витринах музея представлены кнут с девятью хвостами, шаром и цепью, а также позорный столб, ни один из этих экспонатов не использовался в этой тюрьме [Piché, Walby].

Именно художественная реконструкция положена в основу проекта экспозиции музейно-выставочного комплекса «Тюремный замок» в г. Тюкалинске, который мы упоминали выше.

Любопытным примером реализации такой стратегии является Музей тюремного искусства «Запретная зона» в Угличе. В основе музея частная коллекция адвоката М. Лоткова. Инициатива создания музея была поддержана чиновниками УФСИН, которые и предоставили первые экспонаты коллекции. Благодаря профессиональной деятельности основателя музея коллекция пополнилась новыми экспонатами, среди них заточки, самогонные аппараты, картины, иконы, слепленные из хлеба фигурки. Некоторые экспонаты достойны восхищения, принимая во внимание то, в каких условиях они были созданы. Музей расположен в двухэтажном здании на набережной Волги и занимает две небольшие комнаты. Экскурсия длится около двадцати минут. В отзывах посетителей часто упоминается портрет дочери, нарисованный заключенным на простыне. Во второй комнате музея реалистично воссоздана тюремная камера. Изначально музей задумывался как социальный проект для воспитания трудных подростков, но в итоге музей в чем-то даже романтизирует образ заключенного [Чукаев].

Необходимо отметить, что описанные выше стратегии музеефикации, как правило, используются параллельно, дополняя друг друга. Несмотря на стремление кураторов к демонстрации исторической правды, приходится учитывать насущную необходимость ряда работ, предворяющих открытие музея в здании бывшей тюрьмы. Так, организация экспозиции Музея сибирской каторги и ссылки в Тобольске началась с противотуберкулезной дезинфекции. В большинстве музеев, расположенных в старинных замках, реконструируются системы жизнеобеспечения здания — в первую очередь канализация, вентиляция и отопительная системы. В итоге тюремный музей становится местом одновременно аутентичным и инсценированным. Свойственная подлинной тюрьме атмосфера частично утрачивается: так, во время экскурсии по тюрьме Трубецкого бастиона Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге посетителей закрывают в одном из карцеров, но температура в нем сейчас вполне комфортная, тогда как в прежние времена почти не отличалась от уличной.

Так как основным способом взаимодействия с посетителями музея-тюрьмы является экскурсия, помимо стратегий музеефикации, целесообразно классифицировать и гидов-экскурсоводов. За основу возьмем классификацию канадских

исследователей Ж. Пише и К. Валби, которую они приводят в работе, посвященной тюремным музеям Канады.

К первому типу можно отнести профессиональных историков, которые владеют фактической информацией и являются дипломированными специалистами музейной сферы. Экскурсии, проводимые историками, сосредоточены на основной функции бывшей тюрьмы и ее важной роли в формировании местной идентичности. Взаимодействие с публикой происходит в формате презентации.

Второй тип экскурсоводов — историки-любители, студенты или волонтеры, которые имеют небольшой музейный опыт. Их главная задача — создание положительных впечатлений от экскурсии. Эти гиды адаптируются к реакции экскурсантов, стараются избегать упоминания о телесных наказаниях, особенно когда среди экскурсантов есть дети. Взаимодействие с публикой происходит в формате открытого диалога, посетители сами выбирают интересующие их разделы экспозиции и аспекты истории уголовного правосудия.

Третий тип — аниматоры. Многие музеи используют аниматоров в качестве экскурсоводов. Поддержать историческую атмосферу помогают старинные костюмы или образы конкретных персонажей. В большинстве случаев аниматоры мало заботятся о передаче фактической информации, скорее, их выступления можно охарактеризовать как информационно-развлекательные. Так, в канадском музее Huron Historic Gaol экскурсия представляет собой театрализованное представление: актер, исполняющий роль тюремного надзирателя, ведет посетителей по территории тюрьмы, навстречу попадают другие персонажи — тюремный врач, жена и дочь директора тюрьмы, заключенные, обвиняемые в убийстве, бродяги, мошенники и грабители.

Наконец, четвертый тип экскурсовода в тюремном музее — это так называемый экскурсовод-инсайдер, т. е. человек либо имеющий личный опыт тюремного заключения, либо хорошо знающий систему изнутри. Инсайдерами могут быть тюремные надзиратели или бывшие заключенные. Во время экскурсии они стремятся поделиться с посетителями личными историями, в полной мере раскрывающими особенности тюремной жизни [Piché, Walby]. Инсайдеры вызывают доверие у посетителей, дополняя фактическую информацию личными историями и анекдотами. Личный опыт и эмоциональные переживания, которыми делится экскурсовод, создают у посетителей иллюзию «подлинного» пребывания в тюрьме. Такие экскурсии пользуются большим спросом.

В России подавляющее большинство экскурсоводов составляют профессиональные историки, а инсайдерами выступают сотрудники УФСИН. Именно сотрудники УФСИН являются инициаторами создания музеев в действующих тюрьмах, расположенных в старинных замках.

В канадском опыте можно выделить три повторяющиеся темы, касающиеся репрезентации заключенных в экспозиции. Во-первых, особое внимание уделяется опасности заключенных, когда речь идет о лицах, совершивших акты насилия. Например, в музее тюрьмы графства Йорк в Фредериктоне, штат Нью-Брансуик, проводится выставка Аллана Леже, серийного убийцы по прозвищу «Речное

чудовище Мирамичи», в камере, где он содержался в ожидании суда. Во-вторых, заключенные часто изображаются с контрабандным оружием, как в канадском тюремном музее в Кингстоне, Онтарио. В-третьих, гораздо реже заключенные могут быть представлены как призраки, обитающие в тюрьме после смерти или казни, например, в общежитии в старой тюрьме в Оттаве, Онтарио. При этом, в отличие от заключенных, сотрудники бывших тюрем в канадских музеях представлены в позитивном ключе. За вклад в общественную безопасность при работе с заключенными их называют альтруистами, а погибших при исполнении своих обязанностей — героями и увековечивают их имена на мемориальных досках [Piché, Walby].

Отметим, что в Канаде есть несколько тюремных музеев, в чьих экспозициях сделан акцент на страданиях заключенных: среди них тюрьма Дак Лэйк в Саскачеване и Тюрьма патриотов в Монреале. Экспозиции этих музеев продвигают идею о том, что тюремное заключение является инструментом доминирования и одним из аспектов репрессивной политики. Схожую тематику имеют экспозиции российских музеев, посвященных жертвам политических репрессий.

Исследования впечатлений посетителей тюремных музеев базируются на интервью, опросах и отзывах. Учитываются не только впечатления, но и мотивы посещения. Исходя из анализа отзывов о посещениях тюремных музеев в Канаде, можно выделить группу посетителей, которые указывают, что эти музеи заставили их усомниться в эффективности жестокого обращения с заключенными. Другие посетители, наоборот, узнав о прогрессивных уголовных реформах, выступают за возвращение к старой тюремной практике, когда условия содержания и обращение с заключенными, на их взгляд, соответствовали совершенным преступлениям. Однако независимо от позиции в отношении условий содержания, люди разделяют мнение о том, что доступ к подлинным реалиям заключения возможен только через музеи.

Во Франции некоторые пенитенциарные учреждения также были подвергнуты музейной обработке, в результате были созданы выставочный центр «Дети и правосудие XIX–XX вв.», Музей национальной жандармерии (Мелун), Музей префектуры полиции (Париж), судебно-медицинская коллекция Национальной высшей школы полиции, Музей парижской адвокатуры [Renneville, Victorien].

Сама идея создания музея тюрем во Франции не нова. Ее предложил Луи Гербетт, директор тюремной администрации, на Всемирной выставке 1889 г. Но только спустя столетие, в 1995 г., в окрестностях Парижа открылся Национальный музей тюрем. Музей отличался выдающимся культурным и сценографическим потенциалом, поскольку находился во входящем в комплекс построек замка Фонтенбло бывшем арестантском доме, построенном в 1855 г. Экспозиция включала в себя тюремные камеры, бани, помещения детских исправительных колоний, прогулочные дворы, часовню. К сожалению, музей был закрыт в 2010 г.

В 2005 г. при непосредственном участии администрации пенитенциарных учреждений был создан портал «Stiminosogrus», который объединил репродукции документов и предметы, относящиеся к теме тюремного заключения,

хранящиеся в разных местах. Изначально «Criminocorpus» представлял собой ресурс, содержащий виртуальные выставки и исследовательские инструменты. В 2016 г. принято решение отказаться от концепции портала в пользу создания виртуального Музея истории правосудия [Criminocorpus...].

Первая виртуальная экспозиция была посвящена следственному изолятору в Гавре, снесенному в 2010 г. Первоначально содержание под стражей в расположенном в центре города арестантском доме было организовано в трех общежитиях. В начале XX в. пристроили корпус, где согласно концепции индивидуализации заключения расположили камеры-одиночки. Таким образом, по архитектуре здания, построенного в 1860 г., можно проследить почти двухвековую эволюцию тюремного заключения во Франции. В 2010 г. материалы фото- и видеосъемки были смонтированы в онлайн-модуль, посещая который, пользователь может выбрать и детально рассмотреть один из различных уровней здания. В галерее представлены видео и фотографии, планы учреждения с 1939 по 2014 г. и раздел, объединяющий коллекции, выставки, статьи [Maison d'arrêt du Havre...].

Работы, проведенные авторами «Criminocorpus», позволили создать цифровое пространство, посвященное сбору, сохранению и общественной оценке тюремного наследия. В настоящее время в музее насчитывается 39 виртуальных экспонатов, и их число продолжает расти. Они разделены по нескольким темам: «Тюрьмы», «Каторга», «Искусство и правосудие», «Подозреваемые, обвиняемые, виновные», «Смертная казнь». Темы «Тюрьма» и «Каторга» включают 21 выставку самых разных участников [Renneville, Victorien].

В силу своей специфики создание виртуального музея может рассматриваться как ограниченная и недостаточная реакция на ситуацию, в которой сегодня находится пенитенциарное наследие из-за угрозы исчезновения. Французский опыт накопления разнообразных информационных ресурсов, посвященных тюремному заключению, не является уникальным. В России существует проект «Виртуальный музей ГУЛАГа», база данных которого представляет собой обширное собрание материальных свидетельств эпохи советского террора, рассредоточенных по музейным коллекциям, карты расположения лагерей и построек, захоронений заключенных, памятников и мемориальных досок [Виртуальный музей ГУЛАГа...].

Выводы

Подводя итоги нашего исследования, выделим ключевые черты тюрьмы-музея в подтверждение мысли о сложном характере этого объекта:

1. Посещение тюрьмы-музея оказывает особое эмоциональное воздействие на посетителя, особенно если речь идет о мемориальном музее.

2. Музеефицированные тюрьмы, даже при условии консервации, одновременно аутентичны и «инсценированы».

3. Политическое содержание экспозиции характеризуется многослойностью.

В большинстве случаев тюремные музеи воспроизводят идею о том, что лишение свободы — необходимая мера социальной защиты, а современные

методы заключения стали более гуманными. Также стоит подчеркнуть различие в представлении образов сотрудников пенитенциарных учреждений и заключенных. В первом случае акцент делается на профессиональных заслугах, подчеркивается вклад, внесенный в работу. Когда речь идет о заключенных, их образы часто подвергаются стигматизации. Подобного рода стереотипы подтверждают государственные, правовые и народные определения того, что представляет собой преступление, и позволяют оправдать осуждение и заключение в качестве надлежащей социальной реакции на противоправные действия.

История пенитенциарной системы является неотъемлемой частью национальной истории каждого государства. Однако культурная ценность ее наследия, определяемого современной наукой как «травматическое», не до конца осознана обществом. Негативный характер событий и явлений, лежащий в основе этого наследия, а также отсутствие привычных характеристик культурной ценности объясняет сложность его принятия [Самовер]. Тем не менее год от года растет количество общественных инициатив, направленных на легитимацию «травматического» наследия. Места массового уничтожения людей, тюрьмы и лагеря повсеместно мемориализируют и музеефицируют, таким образом примиряя население страны с ее прошлым. То есть музеефикация в данном случае может рассматриваться как коммеморативная практика. Но объединение функций документирования и сохранения объекта музеефикации с моральной ответственностью общества по-прежнему остается трудноразрешимой задачей. Остается открытым вопрос об уместности разного рода интерактива в тюрьмах-музеях. Квесты и театрализованные представления положительно влияют на доходы музеев, но отнюдь не всегда согласуются с исторической памятью места.

Виртуальный музей ГУЛАГА. URL:<http://www.gulagmuseum.org/start.do> (дата обращения: 12.11.2021).

История тюкалинской милиции : [официальный портал Омской обл.]. URL: <http://mgpr.omskportal.ru/ru/municipal/localAuthList/3-52-256-1/officialsite/MVD/istoricheskai-spravka.html?printVersion=true> (дата обращения: 12.11.2021).

Каулен М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. М., 2012. 432 с.

Костромина Е. А., Сивова А. А., Косолапов Ю. В. Тюремный туризм как национальное наследие: зарубежный опыт // Сервис в России и за рубежом. 2019. № 4(86). С. 42–53.

Краткая характеристика ФСИН России : [официальный сайт ФСИН России]. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 12.11.2021).

Мемориальный музей-заповедник истории политических репрессий «Пермь-36». URL: <http://perm36.com> (дата обращения: 10.11.2021).

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года» : [доступ из СПС «КонсультантПлюс»].

Российская музейная энциклопедия. М., 2001 ; 2-е изд. М., 2005. Т. 1–2.

Самовер Н. В. «Трудное наследие» как Всемирное: Россия в контексте международного опыта // Журнал Ин-та наследия. 2018. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trudnoe-nasledie-kak-vsemirnoe-rossiya-v-kontekste-mezhdunarodnogo-opyta/viewer> (дата обращения: 15.11.2021).

Чукаев П. Музей тюремного искусства «Запретная зона». URL: <https://starina-chuk.livejournal.com/189422.html> (дата обращения: 12.11.2021).

Criminocorpus, Musée d'histoire de la justice, des crimes et des peines. URL: <https://criminocorpus.org/fr> (accessed: 01.11.2021).

Maison d'arrêt du Havre, Musée Criminocorpus consulté le 30 juillet 2020. URL: <https://criminocorpus.org/fr/ref/144/1/> (accessed: 01.11.2021).

Piché J., Walby K. Les musées de prison au Canada: une réflexion abolitionniste // *Déviance et Société*. 2018. Vol. 42, № 4. P. 64–662. URL: <https://www.cairn.info/revue-deviance-et-societe-2018-4-page-643.htm> (accessed: 28.10.2021). <https://doi.org/10.3917/ds.424.0643>

Renneville M., Victorien S., Sanchez J.-L. Le patrimoine pénitentiaire dans le musée d'Histoire de la justice de Criminocorpus (2007–2017) // *Déviance et Société*. 2018. Vol. 42, № 4. P. 619–642. URL: <https://www.cairn.info/revue-deviance-et-societe-2018-4-page-619.htm> (accessed: 01.11.2021). <https://doi.org/10.3917/ds.424.0619>

Статья поступила в редакцию 12.10.2021 г.

Научная статья

УДК 069:004.738.5 + 351.853 + 347.77 + 347.78

DOI 10.15826/izv1.2022.28.1.015

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ БАЗА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВИРТУАЛЬНОГО МУЗЕЯ В РОССИИ: МУЗЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

Оксана Сергеевна Хрулева¹

Ирина Алексеевна Сизова²

Юлия Карловна Варга³

^{1,3} *Томский государственный университет, Томск, Россия*

² *Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия*

¹shamaim_7@mail.ru

²sizova_i@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1607-7275>

³Juliya1904@mail.ru

Аннотация. В статье характеризуются основные законодательные нормы функционирования виртуальных музеев в Российской Федерации на современном этапе. Авторы освещают проблемы музейного представительства в интернете, использования цифровых копий музейных предметов в Сети, их правовой статус, выявляют пробелы в сфере защиты интеллектуальной собственности и правового регулирования деятельности виртуальных музеев.

Ключевые слова: виртуальные музеи; музейное законодательство; авторское право; защита интеллектуальной собственности

THE LAWS ABOUT VIRTUAL MUSEUMS IN RUSSIA: MUSEUMS STUDIES

Oksana S. Khruleva¹

Irina A. Sizova²

Yulia K. Varga³

^{1,3} *Tomsk State University, Tomsk, Russia*

² *HSE University — St. Petersburg, St. Petersburg, Russia*

¹shamaim_7@mail.ru

²sizova_i@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1607-7275>

³Juliya1904@mail.ru

Abstract. Russian rules and policy concerning virtual museums and their activity are analyzed in the article. The authors revealed the current museums problems

in the Internet, studied the possibilities of digital copies of museums' artefacts application and their legal position. This article tends to favour the view that new forms of intellectual property protection are needed to adequately protect heritage in the Internet.

К е у о r d s: virtual museums; laws about museums; copyright; intellectual property protection

Стремительное развитие на современном этапе научно-технического прогресса, информационных технологий кардинальным образом влияет на развитие коммуникации в обществе, меняя формат общения и взаимодействия человека и общества. Значение интернета как фактора окружающей действительности в жизни человека сегодня является глобальным. Это утверждение подтверждается статистическими данными: если в начале 2020 г. число пользователей интернета составляло более 4,5 млрд человек, то к началу 2021 г. их количество возросло до 4,66 млрд, при этом возросло и число пользователей социальных сетей с 3,8 млрд человек на начало 2020 г. до 4,20 млрд к началу 2021 г., т. е. 53,6 % мирового населения пользуются социальными сетями, причем эти показатели имеют тенденцию роста. По данным отчета Digital 2020 о состоянии цифровой сферы в России, количество интернет-пользователей составило 118 млн, это значит, что интернетом пользуется 81 % россиян [Цифры и тренды...]. В результате сегодня невозможно представить ни одного серьезного предприятия, компании, образовательного или культурного учреждения без представительства в сети Интернет. Наоборот, имеет место тенденция увеличения представительства одной компании на разных платформах и в различных форматах в интернете.

Сходная ситуация наблюдается и в музейной сфере. Позиционирование, репрезентация и продвижение музея как элемента цифровой культуры осуществляется посредством такого коммуникационного канала, как интернет, с присущими ему мультимедийностью и интерактивностью, а исходя из функционального назначения музея — предоставление массового доступа к культурному наследию осуществляется виртуализация посредством организации общедоступного ресурса. Следует отметить, что рейтинг посещаемости сайтов и страниц виртуальных музеев очень высок. Согласно данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), в 2020 г. 82 % россиян были информированы о возможности посещения музеев онлайн, причем 32 % сообщили, что знали об этом. Среди россиян, имеющих доступ к интернету (83 % от всех россиян), каждый пятый посещал виртуальный музей (19 %). Из них 72 % виртуально гуляли по музеям в 2020 г., причем каждый второй из них (57 %) — во время карантина (в апреле–мае) [ВЦИОМ: каждый пятый россиянин...]. В связи с этим весьма показательным является открытие в конце 2020 г. Виртуального онлайн-музея искусств, существующего исключительно в виртуальном пространстве, а также виртуальной копии Дарвиновского музея, открытой в популярной игре Minecraft [Гриневич].

Исследования по виртуальным музеям. Дискуссионное поле проблемы виртуальных музеев включает рассмотрение вопросов развития и использования

информационных технологий в сфере культуры. Значительный объем исследований посвящен вопросам технологической составляющей виртуального музея, проблемам коммуникации в цифровой культуре. Анализ понятия и типология виртуальных музеев были в центре внимания таких исследователей, как С. В. Бобкова [Бобкова], М. А. Лаптева [Лаптева], Т. Д. Лосева [Лосева] и др. [Поврозник; Максимова]. Вопросы внедрения новейших информационных технологий в сферу культуры, их использования в учреждениях культуры, различные аспекты цифровизации музеев и виртуального музейного пространства достаточно широко освещены в исследованиях М. В. Авдеева [Авдеев], Р. Р. Будагян [Будагян], Н. И. Гендиной [Гендина, Колкова, Алдохина] и других работах [Фомина, Панкина; Пятаева, Ломовцева; Коровникова]. Виртуальные музеи являются объектом многочисленных исследований и зарубежных авторов — М. Л. Андерсона [Anderson], А. Бэрри [Barry], Т. Грабилла [Grabill, Pigg, Wittenauer] и др. [Bowen; Hawkey; Teather, Wilhelm].

Однако законодательные основы деятельности и правовая природа виртуального музея не стали объектом пристального внимания исследователей и требуют специального изучения. Более того, деятельность виртуальных музеев попадает под действие ряда законов о цифровом и авторском праве, а не только музейного законодательства. Немногочисленные законодательные положения, регламентирующие деятельность музеев в Российской Федерации, в некоторой своей части освещают вопросы представительства музея в интернете. В данной статье предпринята попытка анализа этих законов.

Семантика понятия виртуального музея. В исторической ретроспективе термин «виртуальный музей» впервые появляется в 1990-х гг. [Лебедев, с. 82], под виртуальным музеем подразумевались интернет-сайты, выполняющие только общую информационную функцию. Семантика трактовки «виртуальности» включает такие ее основополагающие характеристики, как сетевая коммуникация, эффект присутствия, симуляция, искусственность как свойство результата интеллектуальной деятельности. Отсутствие однозначного определения виртуального музея связано в том числе и с методологической предпосылкой — рассмотрением семантики термина с позиции разных дисциплин. Так, например, отсутствие четких, прописанных в законодательстве критериев регламентации виртуальных музеев привело к существованию различных точек зрения о том, что является виртуальным музеем. Являются ли сайты музеев виртуальными музеями или только музеи, не существующие в реальности, могут называться виртуальными?

Одна из наиболее полных классификаций виртуальных музеев была представлена в 2004 г. У. Швайбенцем, который предложил считать виртуальными следующие категории музеев:

1. Интернет-сайты музеев, которые содержат основную информацию о музее и целью которых является общее информирование посетителя.
2. Веб-сайты, которые представляют музей и дают возможность посетителю познакомиться с ним онлайн.

3. Обучающие веб-сайты, которые предоставляют различные точки доступа виртуальному посетителю, в зависимости от его уровня знаний, возраста и др. Такие сайты нацелены на то, чтобы посетитель не просто познакомился с экспонатом, но и захотел бы вернуться на сайт и узнать больше, а в идеальном случае — посетил музей, где хранится экспонат.

4. Интернет-сайты, которые показывают не просто коллекции музеев, а уникальные виртуальные коллекции, которых не существует в реальном мире [Schweibenz, 2004].

Спустя 11 лет, в 2019 г., Швайбенц опять вернулся к рассмотрению вопроса определения и классификации виртуальных музеев. Несмотря на прошедший период, автор приходит к заключению, что и сегодня и концепция, и виды, и принципы работы виртуального музея все еще размыты и также находятся на этапе своего развития [Schweibenz, 2019].

Законодательные основы деятельности виртуальных музеев. Виртуальные музеи, являясь чаще всего сетевыми дополнениями музея и его коллекций, в нормативно-правовом аспекте как отдельная структура законодателем не выделяются. К числу базовых законов, регулирующих деятельность музеев, относится Федеральный закон «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» от 26.05.1996 № 54-ФЗ, положения ст. 3 которого закрепляют понятийный аппарат осуществления музейной деятельности [О Музейном фонде...]. В качестве одной из форм деятельности музея определяется публикация, предполагающая «размещения сведений о музейных предметах и музейных коллекциях в информационно-телекоммуникационной сети Интернет», без обозначения, однако, механизма такого размещения. Открытость доступа к музейным предметам и коллекциям в составе Музейного фонда и музеев страны регламентирована ст. 35, допускающей ограничение такого доступа со стороны собственника в оговоренных случаях, например, при проведении реставрационных работ, неудовлетворительном состоянии сохранности предмета или коллекции и др.

Ни Закон о Музейном фонде, ни Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ, ни постановление Правительства РФ от 05.07.2001 г. № 504 «Об общероссийском мониторинге состояния и использования памятников истории и культуры, предметов Музейного фонда Российской Федерации, документов библиотечных фондов, Архивного фонда Российской Федерации, а также кинофонда» не содержат четкого определения понятия «виртуальный музей», а также способов его создания и функционирования. Законодателем лишь декларируется необходимость их существования и развития [Об объектах культурного наследия...; Об общероссийском мониторинге...].

Такая необходимость также закреплена, например, Указом Президента РФ от 07.05.2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики», в котором Президентом было дано поручение создать к 2018 г. 27 виртуальных музеев [О мероприятиях по реализации...]. Лидером среди музеев

России по этому направлению можно считать Государственный Русский музей, создавший более 100 центров — виртуальных филиалов. Меры, способствующие развитию информационного общества в Российской Федерации, обозначены и в Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г., однако ни один из сценариев ее реализации (инерционный, инновационный, базовый) не рассматривает вопросы представительства музеев в интернете [Стратегия государственной культурной политики...].

Упоминание о виртуальных музеях, без определения условий их функционирования, содержится в государственной программе Российской Федерации «Развитие культуры и туризма на 2013–2020 годы» (Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 317) [Об утверждении государственной программы...]. Данная программа предусматривает поэтапное увеличение доли музеев, представленных в сети Интернет, для обеспечения широкого доступа граждан к национальным и мировым культурным ценностям через формирование, помимо прочего, музейных интернет-ресурсов в сфере культуры. Схожие цели демонстрируют и положения национального проекта «Культура», разработанного в соответствии с Указом Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Реализация его началась 1 января 2019 г., предполагается «увеличение числа обращений к цифровым ресурсам в сфере культуры в 5 раз», в том числе и создание в музеях 450 мультимедиа-гидов с использованием технологии дополненной реальности [Федеральный проект «Цифровая культура»...].

Проект концепции развития музейной деятельности на период до 2020 г., подготовленный Министерством культуры Российской Федерации, в качестве приоритетных направлений развития музеев выделял активное внедрение информационных и комплексных технологий, в том числе и распространения виртуальных музеев [О концепции развития музейной деятельности...]. Положения Указа Президента Российской Федерации от 24.12.2014 г. № 808 «Основы государственной культурной политики» косвенно затрагивают вопрос музея в интернет-пространстве посредством закрепления понятия «информационная среда» и указывают на «повышение качества материалов и информации, размещаемых в средствах массовой информации и сети Интернет» и «формирование единого российского электронного пространства знаний на основе оцифрованных книжных, архивных, музейных фондов, собранных в Национальную электронную библиотеку и национальные электронные архивы по различным отраслям знания и сферам творческой деятельности» [Об утверждении Основ государственной культурной политики].

Лишь в технических рекомендациях по созданию виртуальных музеев, разработанных Министерством культуры РФ в 2014 г., содержится определение виртуального музея, его функций и принципов создания. Так, под виртуальным музеем понимается интерактивный мультимедийный программный продукт, представляющий музейные коллекции в электронном виде [Технические рекомендации...]. Базовым критерием отнесения программного продукта к понятию

«виртуальный музей» служит наличие определенного набора механизмов взаимодействия с посетителем и показателями, таких, как:

- механизм презентации экспозиции;
- механизм презентации экспоната;
- механизм представления дополнительной информации;
- показатель языковой локализации;
- показатель доли экспозиционных помещений, демонстрируемых в формате виртуального музея, от общего числа экспозиционных помещений музея;
- показатель доли объектов музейного фонда, представленных в формате виртуального музея, от общего числа находящихся в экспозиционных помещениях, демонстрируемых в формате виртуального музея;
- показатель доступности для людей с ограниченными возможностями.

Данные технические рекомендации были призваны обеспечить полное понимание музейными работниками основных этапов создания виртуального музея и включают общие рекомендации виртуальным музеям, технологии создания, рекомендации по доступности и совместимости с интернет-сайтом музея и интеграции в социальные сети, различные технологии презентации экспозиции и т. д. В целом этот документ является единственным в законодательстве РФ, где наиболее четко прописаны этапы создания и принципы деятельности виртуального музея.

Различаясь в формах и целях создания, будь то информационный сайт музея, база данных музейных коллекций, их оцифровка и распространение, виртуальные музеи сталкиваются с рядом правовых вопросов, фокус внимания которых сконцентрирован на проблемах авторского права, охраны данных, права интеллектуальной собственности и др. К. Е. Рыбак справедливо отмечает наличие на уровне федерального законодательства множественности определения одних и тех же понятий, отсылочный характер терминов, нераскрытость оценочных категорий и внутренние противоречия [Рыбак, с. 219]. Наиболее острые дискуссии вызывают вопросы оцифровки музейных выставок, получения разрешения на демонстрацию в интернете охраняемых авторским правом работ. Перечень вопросов настолько актуален, что порождает неоднозначность трактовок в среде практикующих юристов, что наиболее ярко выражается в спорах о правовой природе произведений искусства. Она дуалистична: с одной стороны, произведения искусства являются музейными предметами в составе музейной коллекции, а с другой стороны — охраняемым результатом интеллектуальной деятельности человека, попадающим под действие авторского права. Как объекты интеллектуальной собственности, включающие исключительное право — воспроизведение, распространение, переработку, публичный показ и личные неимущественные права (право на имя автора, право доступа, право на публикацию), произведения искусства регулируются нормами разд. VII Гражданского кодекса РФ. При этом исключительное право не бессрочно, оно ограничено жизнью автора и 70 годами после его смерти, по завершении этого срока право на произведение искусства переходит в общественное достояние.

Существующее специальное законодательство о Музейном фонде направлено на сохранение музейных предметов и коллекций, являющихся государственной собственностью, и закрепляет за государственными музеями на правах оперативного управления право самостоятельного владения, пользования и распоряжения с согласия собственника музейными предметами, из чего следует логичный вывод об использовании любого музейного предмета только с согласия музея. При этом нормы ч. 2. ст. 53 «Основ законодательства Российской Федерации о культуре» закрепляют изготовление и реализацию рекламной и иной продукции с изображением объектов культуры только с официального разрешения владельцев и изображаемых лиц [Основы законодательства о российской культуре...]. Эти вопросы уже выходят за рамки сугубо теоретических и осваиваются судебной практикой.

Для музеев существуют риски неконтролируемого доступа для воспроизведения музейных предметов, коллекций в виртуальном пространстве, а при создании онлайн-выставок, видеоприложений, дополненной реальности закон охраняет и средства коммуникации, что актуализирует вопросы договорного права с техническими и графическими специалистами, разрабатывающими эти продукты, и вопросы права на использование технологий в рамках технологического партнерства между музеем, вузами, предприятиями и т. д.

Результаты исследования. Цифровизация породила новые объекты виртуального пространства музея, такие как онлайн-игры, внутриигровые объекты, иные объекты творческого или интеллектуального труда: например, виртуальные произведения искусства, которые хотя и не получили легального закрепления, но упоминаются законодателем частично, например, интернет-сайты, в определении которых отчетливо подчеркивается техническая составляющая [Об информации, информационных технологиях...]. При этом такие объекты имеют характеристики, присущие традиционным объектам права. Из-за терминологических разночтений, нерешенности вопросов правового определения в отношении правового режима использования объектов виртуальной реальности сложилось несколько подходов:

— первый подход базируется на невмешательстве права в соответствии с п. 1. ст. 1062 ГК РФ (судебной защите не подлежат требования граждан и юридических лиц, связанные с организацией игр);

— второй — сочетает требования вещного права и права собственности (такой подход весьма обременителен для разработчиков, не учитывает их правовое положение);

— третий — рассматривает объекты виртуального мира как разновидность интеллектуальной собственности, что усиливает роль лицензионных договоров, и поэтому данный подход является для музеев наиболее предпочтительным;

— в рамках четвертого подхода виртуальные объекты в контексте ст. 128 ГК РФ включаются в категорию иного имущества как продукты интеллектуальной деятельности разработчиков, художников, программистов;

— пятый подход основан на судебной практике, относящей такие объекты не к результатам интеллектуальной деятельности, а к категории услуг

по организации игрового процесса, что возможно проиллюстрировать примером судебного спора между Федеральной налоговой службой № 14 по г. Москве и ООО «Мэйл.Ру Геймз» (суд посчитал продажу игровых онлайн-предметов услугой, с доходов от продажи которых необходимо платить НДС, а не игровым софтом) [Решение Арбитражного суда...].

Иными словами, ни на уровне теоретического осмысления, ни на уровне законодательства нет единого подхода к толкованию виртуальных объектов, поскольку их фактическая природа на данном этапе развития правовой доктрины не дает возможности для единообразного понимания их правовой природы.

Сложные правовые вопросы развития виртуальных музеев, адаптации к новым реалиям заставляют искать меры, предотвращающие непредвиденные проблемы в области интеллектуальной собственности, к числу которых относится использование открытых данных: бесплатное повторное использование опубликованных музеем данных, бесплатные лицензии и др. Вопросы открытых данных, по свидетельству юриста и лектора Университета Женевы Янива Бенхаму, занимают важное место в различных областях культурной политики и способствуют более широкому обмену информацией (автор также предлагает алгоритм соблюдения законодательства об авторском праве в процессе деятельности музеев) [Бенхаму]. В юридическом аспекте музеология только осваивает понятийный аппарат виртуальных музеев, способы их функционирования и презентации музейных предметов и коллекций. В этом процессе наиболее проработанными являются технический и технологический аспекты, связанные с рекомендациями по созданию виртуального музея. Ситуация с отсутствием специального правового режима их функционирования связана с тем, что деятельность и функционирование таких музеев регулируется разнообразными положениями действующего законодательства. При этом говорить об отсутствии потенциала развития законодательных основ нельзя, поскольку деятельность виртуального музея связана с технологиями, включающими результаты интеллектуальной деятельности, а значит, перспективы научного и практического осмысления направлены на устранение пробелов в сфере защиты интеллектуальной собственности и правового регулирования новых объектов гражданских прав.

Авдеев М. В. Российские виртуальные музеи: требования и способы реализации // Молодеж. вестн. С.-Петерб. гос. ин-та культуры. 2016. № 2(6). С. 89–92. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_27676870_58833901.pdf (дата обращения: 10.12.2021).

Бенхаму Я. Авторское право и музей в цифровой век // Журнал ВОИС. 2016. Апрель. URL: https://www.wipo.int/wipo_magazine/ru/2016/03/article_0005.html (дата обращения: 10.12.2021).

Бобкова С. В. Трансформация музеев в цифровом обществе: виртуальный музей // Материалы межвуз. студ. науч.-практ. конф. М., 2018. С. 49–55.

Будагян Р. Р. Тенденции применения цифровых технологий в пространстве современного музея // Сфера культуры. 2021. № 1(3). С. 61–68.

ВЦИОМ: каждый пятый россиянин, пользующийся интернетом, посещал виртуальные музеи. URL: <https://tass.ru/kultura/8501951> (дата обращения: 15.12.2021).

Гендина Н. И., Колкова Н. И., Алдохина О. И. Создание эффективного официального сайта объекта культуры: от эмпирики к разработке и реализации научно обоснованной концепции // Вестн. Кемер. гос. ун-та культуры и искусств. 2010. № 12. С. 87–104.

Гриневич Я. Музеи страны ищут финансовые возможности оцифровки коллекций // Российская газета — экономика Северо-Запада. 2021. 13 июля, № 55 (8506). URL: <https://rg.ru/2021/07/13/reg-szfo/muzei-strany-ishchut-finansovye-vozmozhnosti-ocifrovki-kollekcij.html> (дата обращения: 18.11.2021).

Коровникова Н. А. Цифровой музей: особенности и перспективы развития // Социальные новации и социальные науки. 2021. № 1. С. 145–154.

Лаптева М. А. Виртуальный музей. Проблема определения // Информ. бюл. ассоциации «История и компьютер». 2010. № 36. С. 125–126.

Лебедев А. В. Виртуализация музея или новая предметность? // Музейное проектирование / отв. ред. А. А. Щербакова ; сост. А. В. Лебедев. М., 2009. С. 77–97.

Лосева Т. Д. Виртуальный музей // Современные подходы к трансформации концепций государственного регулирования и управления в социально-экономических системах : сб. науч. тр. VII Междунар. науч.-практ. конф. 2017. С. 103–107.

Максимова Т. Е. Виртуальные музеи: анализ понятия // Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусств. 2012. № 2 (46). С. 196–200.

О концепции развития музейной деятельности Российской Федерации на период до 2020 года : решение коллегии Мин-ва культуры РФ от 07.02.2013 № 3 // Консультант Плюс: справочная правовая система. URL: <https://base.garant.ru/70356654/> (дата обращения: 15.12.2021).

О мероприятиях по реализации государственной социальной политики : Указ Президента РФ от 07.05.2012 г. № 597 // База «ГАРАНТ»: справочная правовая система. URL: <https://base.garant.ru/70170950/> (дата обращения: 25.03.2021).

О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации : Федер. закон от 26.05.1996 г. № 54-ФЗ (последняя ред.) // Консультант Плюс : справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10496/ (дата обращения: 08.12.2021).

Об информации, информационных технологиях и защите информации : Федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (в ред. 20.03.2021) // Собр. законодательства РФ от 31.07.2006 г. № 31 (ч. 1), ст. 3448. URL: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=100&issid=1002006031000&docid=104> (дата обращения: 12.12.2021).

Об общероссийском мониторинге состояния и использования памятников истории и культуры, предметов Музейного фонда Российской Федерации, документов библиотечных фондов, Архивного фонда Российской Федерации, а также кинофонда. : Постановление Правительства РФ от 05.07.2001 № 504 // Консультант Плюс: справочная правовая система. URL: <https://culture.gov.ru/documents/ob-obshcherossiyskom-monitoringe-sostoyaniya-i-ispolzovaniya-pamyatnikov-istorii-i-kultury-predmetov/> (дата обращения: 22.12.2021).

Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации : Федер. закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ // Консультант Плюс: справочная правовая система]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения: 15.12.2021).

Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие культуры» (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2021) : Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 317 // Консультант Плюс: справочная правовая система]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162185/ (дата обращения: 15.12.2021).

Об утверждении Основ государственной культурной политики : Указ Президента РФ от 24.12.2014 г. № 808 // База «ГАРАНТ»: справочная правовая система. URL: <https://base.garant.ru/70828330/> (дата обращения: 15.12.2021).

Основы законодательства о российской культуре : Закон РФ от 09.10.1992 № 3612-I (в ред. 30.04.2021) // Рос. газ. 1992. 17 нояб., № 248.

Поврозник Н. Г. Виртуальный музей: сохранение и репрезентация историко-культурного наследия // Вестн. Перм. ун-та. Сер. : История. 2015. № 4 (31). С. 213–222.

Пятаева Е. В., Ломовцева Е. А. Цифровизация культурной среды на примере деятельности музея // Вестн. Музея археологии и этнографии Перм. Предуралья. 2020. № 10. С. 10–11.

Решение Арбитражного суда г. Москвы от 08.04.2015 по делу № А40-56211/14-90-70. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/vNfvK8B1MIVC/> (дата обращения: 19.11.2021).

Рыбак К. Е. Нормативно-правовое регулирование деятельности музеев // Право и культура : монография / под общ. ред. В. К. Егорова, О. Н. Астафьевой. М., 2009. С. 212–225.

Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 г. № 326-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJпоБуKгH0qEJA9IхP7f2xm.pdf> (дата обращения: 15.12.2021).

Технические рекомендации по созданию виртуальных музеев : [официальный сайт Мин-ва культуры РФ]. URL: <https://culture.gov.ru/documents/po-sozdaniyu-virtualnykh-muzeev-250714/> (дата обращения: 08.12.2021).

Федеральный проект «Цифровая культура» : [официальный сайт Мин-ва культуры РФ]. URL: <https://culture.gov.ru/about/national-project/digital-culture/> (дата обращения: 15.12.2021).

Фомина Д. Д., Панкина М. В. Виртуализация музеев: возможности и риски // Культурологические чтения — 2020. Культурный код в эпоху глобализации: цифровизация общества и образования : сб. материалов Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф., Екатеринбург, 10–14 марта 2020 г. Екатеринбург, 2020. С. 336–342.

Цифры и тренды в мире и в России. URL: <https://www.web-canape.ru/business/internet-2020-globalnaya-statistika-i-trendy> (дата обращения: 15.12.2021).

Anderson M. L. Introduction // The Wired Museum- Emerging Technology and Changing Paradigms. American Association of Museums, 1997. P. 27–34. URL: https://www.academia.edu/6685522/The_Wired_Museum_Emerging_Technology_and_Changing_Paradigms (accessed: 18.12.2021).

Barry A. NaturePlus-Developing a Personalised Visitor Experience Across the Museum's Virtual and Physical Environments // Museum and the Web 2010 International conference for culture and heritage. 13–17 April, 2010. Denver, Colorado, USA. URL: <http://www.museumsandtheweb.com/mw2010/papers/barry/barry.html> (accessed: 21.12.2021).

Bowen J. A Brief History of Early Museums Online // The Rutherford Journal, 2010. Vol. 3. URL: https://www.academia.edu/800373/A_Brief_History_of_Early_Museums_Online (accessed: 12.12.2021).

Grabill J. T., Pigg S., Wittenauer K. USA Take Two: A Study of the Co-Creation of Knowledge on Museum 2.0 Sites 2009. URL: <http://www.museumsandtheweb.com/mw2009/papers/grabill/grabill.html> (accessed: 12.12.2021).

Hawkey R. Learning with digital technologies in museums, science centres and galleries (2004–2009) // Futurelab. 2004. URL: https://www.researchgate.net/publication/32231297_Learning_with_Digital_Technologies_in_Museums_Science_Centres_and_Galleries (accessed: 16.12.2021).

Schweibenz W. The Development of Virtual Museums // ICOM News. 2004. № 3. URL: http://archives.icom.museum/pdf/E_news2004/p3_2004-3.pdf (accessed: 21.10.2021).

Schweibenz W. The virtual museum: an overview of its origins, concepts, and terminology // The Museum Review. 2019. Vol. 4, № 1. URL: http://articles.themuseumreview.org/tmr_vol4no1_schweibenz (accessed: 20.11.2021).

Teather L., Wilhelm K. «Web Musing»: Evaluating Museums on the Web from Learning Theory to Methodology. 1999. URL: <http://www.museumsandtheweb.com/mw99/papers/teather/teather.html> (accessed: 21.12.2021).

Статья поступила в редакцию 15.01.2022 г.

Научная статья

УДК 659.4:574.4 + 316.334.5 + 124.5 + 378:316.77 + 070:004.4'27

DOI 10.15826/izv1.2022.28.1.016

МЕДИАЭКОЛОГИЯ КАК ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРЫ И ЗАДАЧА ОБРАЗОВАНИЯ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ирина Яковлевна Мурзина

*Институт образовательных стратегий,
Екатеринбург, Россия*

Instos-ekb@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7635-0571>

Аннотация. В статье анализируется феномен медиаэкологии в контексте культуры и задач образования. Вопросы медиаэкологии раскрываются на основе междисциплинарной методологии и с учетом анализа социокультурных реалий последнего времени (постправда, инфодемия, формирование информационно-медийной языковой личности). Автор выделяет три наиболее значимые для современного состояния медиакультуры аспекта медиаэкологии — этический, коммуникативный и собственно образовательный — и раскрывает их специфику. Особое внимание уделяется медиаобразованию, определяемому как эколого-эстетический тип образовательной практики. Делается вывод о том, что с развитием цифровизации и медиатизации аксиологические аспекты медиаэкологии будут особенно актуальны, поскольку касаются бытия человека в мире культуры.

Ключевые слова: экология культуры; аксиология; медиаэкология; медиаобразование; этические аспекты; коммуникация; медиапрактики

Благодарности. Статья подготовлена в рамках научного проекта № 21-011-44091\21 «Теологическое образование в условиях цифровой культуры» при финансовой поддержке РФФИ.

MEDIA ECOLOGY AS A CULTURAL PROBLEM AND A TASK OF EDUCATION: AXIOLOGICAL ASPECT

Irina Ya. Murzina

*Educational Strategies Institute,
Ekaterinburg, Russia*

Instos-ekb@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7635-0571>

Abstract. The article analyzes the phenomenon of media ecology in the context of culture and educational objectives. The issues of media ecology are revealed on the basis of an interdisciplinary methodology and taking into account the analysis of the socio-cultural realities of recent times (post-truth, infodemia, the formation of an information-media linguistic personality). The author identifies the three most significant aspects of media ecology for the current state of media culture – ethical, communicative and educational – and reveals their specifics. Special attention is paid to media education, defined as an ecological and aesthetic type of educational practice. It is concluded that with the development of digitalization and mediatization, axiological aspects of media ecology will be especially relevant, since they relate to the existence of a person in the world of culture.

Key words: ecology of culture; axiology; media ecology; media education; ethical aspects; communication; media practices

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the scientific project No. 21-011-44091\21 “Theological education in a digital culture” with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research.

Медиаэкология: старые проблемы и новые условия

Понимание медиа как нового этапа развития техники и технологий в культуре позволяет говорить о характере изменений самого человека, оказавшегося внутри медиасреды. Исследователи отмечают принципиальные изменения в отношении к миру (мировидению), основанном не столько на синтезе впечатлений, переживаний и размышлений о происходящем, сколько на созданном в медиа образе этого мира.

Как писал М. Маклюэн, средства массовой информации являются таковыми «не из-за размера их аудиторий, а в силу того факта, что в одно и то же время каждый становится в них вовлеченным» [Маклюэн, с. 402]. Новые медиа как продукт все усложняющихся технологий уже не просто «вовлекают» человека в информационно-коммуникационный поток, иногда вопреки его собственному желанию, но создают иллюзию, что иного мира – вне пространства медиа – больше не существует. Уникальность, стандартизация и тиражирование стали полюсами, внутри которых человек пытается обрести себя, свою самость. Не случайно так много и активно обсуждается вопрос о формировании идентичности современного молодого человека и о значении медиа в этом процессе.

Конкретные образы, модели поведения, жизненные стратегии, язык — все это входит в мир культуры, обуславливает мир человека и требует бережного отношения. Бездумное разрушение природно-предметной среды или усомнение ценностных основ одинаково опасно и для отдельного человека, и для общества в целом.

В последнее время стали говорить не только о социобиологической природе человека, но и о его «продолжении» в медиа (то, что М. Маклюэн называл «расширения человека»). Более того, учеными активно используется термин «экосистема» по отношению к пространству жизни человека. Под *экосистемой* понимают сложно структурированную биосоциальную целостность, в которой существуют живые элементы и среда, в которой они живут, взаимно определяют и обуславливают друг друга. Применительно к медиакультуре также стало использоваться понятие экосистемы, тем самым подчеркивается, что технологии, техники, формы и коды коммуникации играют определяющую роль в человеческих отношениях.

В последнее время появилось понятие медиаэкологии как новой сферы научного познания, которая изучает характер воздействия медиа на человеческое восприятие, понимание, чувствование и ценности, и шире — на собственно человеческое существование. По сути, медиаэкология рассматривает, как технологии коммуникации формируют экосистему, в которой взаимодействуют индивиды и социальные группы.

Мы рассматриваем *медиаэкологию* как составную часть экологии культуры, в понимании которой акцентируются такие характеристики, как созданная человеком среда обитания (пространство культуры), транслирующая ценностные ориентиры и требующая сознательного отношения и сохранения.

Пространство культуры, конструируемое медиа, претерпело в последнее время существенные изменения. Поэтому анализ существования человека в медиакультуре является особенно актуальным. Направления для анализа в русле медиаэкологии можно выделить самые разные, но мы сознательно ограничимся тремя, так как их влияние на образовательные практики ощущается сегодня особенно сильно: 1) *этический аспект* (анализ категорий «долг» и «ответственность» в контексте функционирования новых медиа); 2) *коммуникативный аспект* (характер коммуникаций в медиaprостранстве); 3) *собственно образовательный аспект* (навыки критического анализа медиасобытий и рефлексивного поведения в медиасреде как условие безопасности человека в медиaprостранстве).

Этические аспекты медиаэкологии

Вопросы медиакультуры и медиаобразования современные авторы (И. Дзялошинский, А. Ефанов, И. Фатеева, А. Шестерина и др.) связывают с безопасностью в медиасреде. Влияние медiateхнологий на психику человека и социокультурные процессы в обществе обсуждается не только психологами, социологами или педагогами — это стало практически «общим местом» в обыденных рассуждениях о вреде СМИ, необходимости запретов для детей и подростков использовать

всевозможные гаджеты, об опасностях интернет-зависимости и т. д. Опасения совершенно справедливы, поскольку в мире «новых медиа» видоизменяется «среда обитания» человека. Лавинообразное увеличение объемов информации напрямую связано с изменениями человеческого существования, что, в свою очередь, порождает серьезные проблемы: необходимость защиты информации от несанкционированного доступа; условия сохранения конфиденциальности частной жизни; преодоление информационной перегрузки сенсорной и нервной системы человека. Собственно, поэтому вопросы безопасности выходят на первый план.

Многочисленные законы, принятые в последнее время, стремятся регулировать информационное пространство и обеспечить безопасность человека и общества. Достаточно упомянуть такие документы, как Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (2000), федеральные законы «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (2006), «О персональных данных» (2006). «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (2010), чтобы увидеть: в условиях информационного общества вопросы безопасности выходят на первый план. Применительно к детям вопросы защиты от информации, которая может причинить вред их здоровью, физическому, психическому, духовному, нравственному развитию (ст. 2, ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»), становятся приоритетными.

Распространение коронавируса принесло с собой и новое явление — инфодемию¹ — негативное и необъективное отражение событий пандемии в СМИ, социальных сетях и мессенджерах. А. В. Борхсениус, например, отмечает, что «...инфодемия привела к вытеснению новостей об актуальных политических, социальных и экономических событиях или их замалчиванию. Переизбыток информации о вирусе, а также большое количество фейков привело к возникновению информационной усталости» [Борхсениус, с. 56].

Под *инфодемией* понимается заражение информационного пространства вредоносными материалами: конспирологическими теориями, слухами, сплетнями, сеющими откровенно панические и пессимистические настроения в обществе. Инфодемию можно сравнить с «информационным потоком», когда фейковая информация, даже если она достаточно быстро опровергается официальными данными, стремительно распространяется и негативно воздействует на людей.

В условиях неопределенности, разрыва привычных социальных связей и «самоизоляции», когда едва ли не единственным способом связи выступают социальные сети и мессенджеры, человек становится более внушаемым и менее критичным по отношению к источникам информации, а потому подвержен манипулятивному воздействию. Тем более что скорость распространения

¹ Понятие «инфодемия» впервые появилось в отчете Всемирной организации здравоохранения в 2020 г. и образовано путем соединения слов «информация» и «эпидемия».

недостовой информации, особенно если она социально значима, увеличивается многократно.

Девальвация фактов и распространение фейков стали реальностью сегодняшнего дня. Их рассматривают как инструменты *постправды* (интернет-портал «Оксфордские словари» понятие «постправды» определяет как обстоятельства, при которых объективные факты оказывают меньшее влияние на общественное мнение, чем обращение к эмоциям и личностным убеждениям [Говорун]). Сегодня, когда существует множественность источников получения информации, а ее выбор зачастую глубоко субъективен и является скорее эмоциональной реакцией на происходящее, нежели результатом анализа фактов, медиасреда превращается в квазиреальность. В ситуации «кризиса объективного факта», как описывают философы и политологи происходящее в современном мире, постправда получила широкое распространение.

Если раньше, еще со времен Средневековья, объективный факт воспринимался как проявление единой истины и достоверного знания, которым «пользуются публично, без постоянной необходимости в проверке, подтверждении или интерпретации», то в XXI в. «слишком много источников информации, уровень доверия к которым зачастую зависит от влияния и возможностей того, кто финансирует индустрию этих фактов» [Котова, Дукян, с. 131].

Когда в обществе девальвировано само понятие истинности (мир существует как калейдоскоп мнений и «у каждого — своя правда»), постправда торжествует. Как пишут Н. С. Котова и С. С. Дукян, «утверждения и заявления эпохи “постправды” — абсолютный отрыв от фактической точности, основанный на всеобщем безразличии к тому, какие факты находятся в основе утверждения, заявления, информации, фотографии» [Котова, Дукян, с. 132]. В основе постправды лежат манипулятивные технологии (см. подробнее: [Дзялошинский, 2005]). Если нет «запроса на правду», общество погружается в миф, где неразличимость правдивой ложной информации становится сродни неразличению добра и зла. Не случайно одной из задач медиаобразования называют обучение поиску надежных источников информации, овладение методами критической оценки явлений и верификацией данных и формирование навыков медиагигиены, обеспечивающих оптимальные условия для сохранения психического здоровья и минимизации вредного влияния инфосреды на человека.

Можно говорить о двух встречных потоках, отношении к которым необходимо формировать: один связан с потребителями медиапродукции, второй — с теми, кто ее производит. Мы не случайно поставили потребителей на первое место, так как для медиаобразования приоритетом выступает обучение осознанному потреблению медиаконтента (*умение критически мыслить и распознавать ложную информацию*), а уже за ним — умение творчески преобразовывать окружающий мир, памятью об *ответственности человека за сказанное/написанное слово*.

Подверженность моде и желание получить новые впечатления, свойственное подросткам, активно используют создатели и «кураторы» деструктивных групп в социальных сетях. А анонимность общения и бесконтрольное поведение

провоцируют на такие поступки, которых в реальной жизни они бы не совершили. Тот факт, что зачастую интерес к деструктивному поведению подогревается, а иногда и провоцируется новостными лентами, уже практически не подвергается сомнению.

В рамках нашей темы обратимся к соотношению долга информировать общество и ответственности за транслируемую информацию как основу журналистской этики. Отметим, что обсуждение вопросов этики — это первый шаг в следовании принципам, в формировании «нравственного иммунитета», обеспечивающего устойчивость личности к деструктивным воздействиям окружающей среды. Важно показывать школьникам и студентам, что этические принципы лежат в основе саморегуляции общества, в том числе и интернет-сообществ. Оценивание публикаций с позиций соответствия этическим принципам в «новых медиа», несмотря на их кажущуюся этическую индифферентность, происходит сегодня достаточно активно.

Коммуникативный аспект медиаэкологии

Жизнь в пространстве медиа (равно как и в любом другом, созданном человеком, а потому являющимся пространством культуры) предполагает, что возникающие внутри этого пространства отношения между людьми, культурой и природой, человеком и техникой подчиняются определенным законам, а рационально-рефлексивное отношение к окружающей действительности становится залогом сохранения человечности. Осознанность деятельности как принципиально отличающее человека от всего остального — природного и технизированного — мира определяет характер коммуникаций.

Коммуникацию сегодня трактуют расширительно, не просто как акт приема/передачи информационного сообщения, но как процесс, определяющий способы взаимодействия между людьми, человеком и миром природы, человеком и машиной. Характер взаимодействий связан с обретением смыслов (от понимания повседневности до экзистенциальных основ) и носит символический характер. Медиа выступают посредниками в коммуникации между людьми, во многом формируют и определяют взаимодействия в социуме. Понимание содержательной стороны коммуникативных процессов можно назвать одной из задач медиаобразования.

Трансформации, которым подвергается мир и человек в условиях распространения цифровой культуры, требуют осмысления с гуманистических (этических) позиций, что, в свою очередь, определяет исследовательскую оптику при анализе медиа. Возможно, именно поэтому коммуникативные процессы в цифровой среде рассматриваются, прежде всего, со стороны угроз и рисков, которые они представляют для каждого отдельного человека и социума в целом. В медиаэкологии особое внимание уделяется коммуникативным технологиям, наносящим или могущим нанести вред адресату коммуникации (искажение и фальсификация информации, логика обмана, психологическое манипулирование, коммуникативное насилие,

провокация и прочие связанные с развитием цифровой среды социальные последствия развития медиа), и обозначаются направления деятельности, способствующие повышению безопасности личности, общества и государства в условиях радикальных преобразований в сфере межгосударственных, массовых, публичных и межличностных коммуникаций [Дзялошинский, 2019].

Цифровая компетентность рассматривается авторами (Г. У. Солдатов и соавт.) как часть социальной компетентности и определяется как способность индивида к непрерывному овладению системой соответствующих знаний, умений, мотивации и ответственности, чтобы уверенно, эффективно, критично и безопасно выбирать и применять инфокоммуникационные технологии в разных сферах жизнедеятельности (информационная среда, коммуникации, потребление, техно-сфера), а также его готовность к такой деятельности [Цифровая компетентность...].

Ученые совершенно справедливо констатируют, что риски, с которыми сталкиваются молодые люди как наиболее активные потребители медиаконтента в интернете (контентные, коммуникационные, потребительские, технические — по классификации EU Kids Online, международной сети исследователей, объединенных целью расширения знаний о рисках и безопасности, а также онлайн-возможностях детей в контексте цифровой социализации в непрерывно меняющемся мире), можно рассматривать не только как то, что несет в себе потенциальную угрозу, но и как «важную часть новой социальной ситуации развития, создавая своеобразный вызов [их] знаниям, умениям, деятельности в интернете, способам совладания с трудностями» [Цифровая компетентность..., с. 159].

Лингвисты подчеркивают, что характер коммуникации между людьми формируется под воздействием медиа: они предлагают не только «образцы» поведения, но и сами способы подачи информации, ее содержательные аспекты, интонацию, с которой произносится то или сообщение, — все это утверждает представляемую реальность как единственно возможную. В. В. Тулупов, например, пишет: «Различные виды “языка вражды” (призывы к насилию; оправдание исторических фактов насилия и дискриминации; утверждения о неполноценности, криминальности, моральных недостатках любой этнической или религиозной группы и мн. др.) рождают “образы вражды”, периодически эмоционально воспроизводимые, т. е. выполняющие структурную роль при переходе в ментальные стереотипы», — и с горечью добавляет: «Преобладание негативной информации, сцен насилия, вербальной визуальной агрессии в репортажах, фильмах, программах и передачах, засилье низкого вкуса — через все это, к сожалению, проходит современная телеаудитория. И в этом также видятся истоки современного экстремизма и агрессии, и прежде всего в молодежной среде» [Тулупов, с. 12, 14].

Не случайно на первый план выходит *задача распознавания* негативных явлений, транслируемых медиа, и прежде всего — на уровне языка не только как средства коммуникации, но и как одного из главных средств в конструировании реальности человеческого мира. Одной из линий медиаобразования становится обучение анализу различных текстов конструктивной и деструктивной направленности. Нам кажется, что акцент должен быть сделан именно на таких образцах

вербальных или аудиовизуальных текстов, которые позволяют приобрести позитивный опыт коммуникации, ненавязчиво предлагают примеры «правильных» реакций на проблемные ситуации (как известно, воспитание на хороших примерах в разы эффективнее).

Коммуникации в медиасреде формируют особый тип личности — *информационно-медийную языковую личность*, которую исследователи определяют как носителя языка, формирование и самореализация которого происходят под влиянием новых информационных технологий в результате сетевого общения. Это человек, открытый к получению новой информации и ощущающий в ней насущную потребность; готовый к публичной оценке новой информации и выражению собственных взглядов, оценок и ценностных установок; его характеризуют такие качества, как индивидуализация, самодостаточность, стремление к самопрезентации; мировосприятие такого человека мозаично и эклектично [Болотнов, с. 52].

В контексте медиаэкологии вопрос о языковой личности акцентирует этические и гуманистические смыслы, связанные с воспитанием ответственного медиаповедения, пониманием ценностной основы любого действия, не стремящегося в угоду сиюминутному успеху поступаться собственными принципами.

Образовательный аспект медиаэкологии

В задачи медиаобразования входит обучение продуктивным взаимодействиям человека и информационной (медиа) среды. Результатом продуктивных коммуникаций в медиаобразовании, равно как и в образовании в целом, становится воспроизведение культурных образцов жизни и деятельности в социуме, развитие ценностной основы личности, обретение смыслов существования в соответствии со сложившимися в культуре нормами и традициями.

Основными принципами медиаобразования молодежи можно назвать следующие:

- принцип приоритетности защиты в информационной сфере прав и законных интересов ребенка;
- принцип допустимости и правомерности ограничения прав и свобод физических и юридических лиц, когда их осуществление нарушает права и законные интересы детей или представляет угрозу их здоровью или нравственности;
- принцип допустимости ограничения прав и свобод ребенка в информационной сфере, когда пользование ими может причинить вред самому ребенку;
- принцип недопустимости цензуры средств массовой информации;
- принцип добровольности соблюдения установленных законодательством РФ запретов и ограничений на распространение информации, причиняющей вред здоровью и развитию детей;
- принцип недопустимости унижения человеческого достоинства, нарушения прав и основных свобод других людей, особенно несовершеннолетних, в процессе свободного обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (в том числе сети Интернет и мобильной связи);

— принцип учета исторических и иных традиций и культурных ценностей общества и государства при формировании государственной информационной политики в сфере обеспечения информационной безопасности детей, их надлежащего воспитания и полноценного развития;

— принцип государственной поддержки производства и распространения информационной продукции для детей, способствующей их надлежащему воспитанию и полноценному развитию, и поощрения производителей и распространителей информационной продукции, содействующей защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию [Медиаобразование в Москве..., с. 71–72].

Выделение в контексте медиаэкологии образовательного аспекта предполагает организованный непрерывный процесс воспитания, обучения, самообразования, накопления опыта и развития личности, результатом которого становится приобретение необходимого объема знаний о явлениях медиакультуры, формирование безопасных поведенческих норм в медиасреде и развитие ценностных ориентаций человека. В задачи медиаобразования, таким образом, входит освоение медиаэкосистем — устойчивых структур, состоящих из людей, их сообществ и информационной среды обитания, связанных комплексом взаимоотношений.

Освоение медиакультуры предполагает путь от знакомства с миром медиа к преобразованию ценностей, транслируемых медиа, в личностный опыт через рационально-критическую и творческую деятельность.

Содержательными компонентами медиаобразования на макроуровне становятся анализ явлений глобальной информационной среды, на мезоуровне — освоение систем коммуникаций в культуре, на микроуровне — адаптация человека к информационной среде с целью минимизации негативного влияния на него различных медиа (Уровни медиаэкологии выделены В. Степановым) [Степанов]. Медиаобразование можно рассматривать как интегрированное социально-гуманитарное направление в педагогике, целью которого является формирование у обучающихся понимания социальных процессов в медиасреде, готовности и способности в повседневной жизни к диалогу с самыми разными людьми, используя медиатехнологии. Таким образом, медиаобразование объединяет медиапросвещение и медиапрактики.

Медиаобразование можно определить как эколого-эстетический тип образовательной практики, в котором через нравственно-эстетическое осознание процессов, происходящих в медиасреде, и переживание чувственно-эмоционального опыта происходит формирование ценностного отношения к себе, окружающим людям, явлениям медиакультуры и миру в целом. В этом смысле медиаобразование по своим задачам сближается с эстетическим воспитанием в контексте формирования экологической культуры личности, который может быть описан как «процесс саморазвития и самоопределения человека через специфические механизмы чувственно-образного восприятия целостности, красоты, выразительности окружающего мира и эстетического переживания мировоззренческих эколого-гуманистических ценностей, результатом чего является формирование

лично пережитой картины мира и деятельность в нем в соответствии с законами меры и гармонии» [Куприна, с. 73].

Возможно, активное внедрение медиаобразования в систему общего и дополнительного образования станет залогом преодоления «разрыва» между *знанием* об основных закономерностях информационного мира, *пониманием* его ценности, *осознанием* рисков и социально ответственным *действием*.

Медиаобразовательные практики в контексте медиаэкологии и формирования системы ценностных ориентиров

Современное образование в условиях изменившейся реальности последних нескольких лет претерпело серьезные трансформации, связанные не только с внедрением новых технологий, но и с изменением характера взаимодействий между педагогами и учениками в новой информационно насыщенной среде. Ключевой характеристикой для воспитания была и остается система ценностей, определяющих развитие личности и характер поступков и социального поведения.

Традиционно вопросы роли медиа в образовании раскрывались в контексте включения аудиовизуальных материалов в качестве дополнительных в учебные курсы, решая задачи развития критического мышления и создания творческих проектов в электронной среде. Сегодня медиа создают новую реальность, которую отличает взаимопроникновение и взаимная обусловленность реального и виртуального миров. Решение воспитательных задач определяет включение ранее мало используемых медиапрактик в актуальное образовательное поле. Педагог сегодня вынужден осваивать новые способы взаимодействия и с обучающимися, и с профессиональным сообществом. Этому не учили вчера, но сегодня без включения медиа в образование обойтись невозможно.

Нам кажется, что такие медиаобразовательные практики, как *анализ текстов* самой разной направленности (научно-популярных, публицистических); *ситуационный анализ* (анализируются: известные ситуации, для разрешения которых есть конкретные образцы, в этом случае метод разрешения ситуации стандартный; подобные ситуации, когда в ходе сравнения предложенную ситуацию сравнивают с другими подобными ситуациями, не всегда аналогичными, но в то же время имеющими единую основу, и необходимо несколько изменить известное, чтобы решить поставленную задачу; неизвестные или случайные ситуации, которые не встречались в практической деятельности, и поэтому их нельзя сравнить с каким-либо образцом даже с помощью определенной модификации, следовательно, необходимо найти новый, нетривиальный метод ее решения [Панфилова, с. 45]); *фасилитированное общение* (применение методики выстраивания коммуникации в ходе обсуждения каких-либо проблем с целью устранить препятствия к обмену идеями и вовлечь в обсуждение абсолютно каждого участника в процессе проведения дискуссий и дебатов; *написание эссе и отзывов* на прочитанную книгу, просмотренный фильм или рекламный ролик, подкаст или клип); *создание собственных медиапродуктов* (публикации для школьной прессы, подготовка аудиовизуальных

материалов) (см. подробнее: [Мурзина, Симбирцева]), способствуют решению актуальных задач воспитания по формированию ценностных основ личности.

В аспекте медиаэкологии они позволяют решать этические и коммуникативные задачи через формирование способности и готовности к самостоятельной работе в медиасреде, основанной на глубокой рефлексии собственной деятельности и опирающейся на устойчивые ценностные основания; расширение поля для творческих инициатив посредством обращения к истории культуры, раскрывая и анализируя ее смыслы; приобщение к созданию позитивного контента; получение навыков коммуникации с разными людьми, создавая медиасообщества в виртуальной и реальной среде, обеспечивая пространство для взаимодействия детей и взрослых. Включение медиа в воспитательный процесс формирует новую ситуацию: развивается ресурсная основа для по-настоящему открытого образования — содержательно связанного с прошлым, раскрывающего потенциал технологий актуальной современности и ориентированного на формирование социально активного гражданина, способного своей творческой энергией изменять будущее.

Подводя итог сказанному, отметим, что аксиологические аспекты медиаэкологии будут все более акцентироваться по мере того, как будет развиваться цифровизация и медиатизация, а в связи с этим актуализироваться потребность сохранения человеческого в человеке как главная задача культуры.

Болотнов А. В. О некоторых особенностях современной информационно-медийной личности // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2014. № 2 (143). С. 52–55.

Борхсениус А. В. Инфодемия: понятие, социальные и политические последствия, методы борьбы // Вестн. РУДН. Сер. : Государственное и муниципальное управление. 2021. Т. 8, № 1. С. 56. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2021-8-1-52-58>

Говорун К. Постправда. URL: <https://publicorthodoxy.org/2017/09/22/постправда/> (дата обращения: 25.01.2022).

Дзялошинский И. М. Манипулятивные технологии в массмедиа // Вестн. МГУ. Сер. 10 : Журналистика. 2005. № 1. С. 29–54; № 2. С. 56–75.

Дзялошинский И. М. Экология коммуникаций : учеб. пособие. Саратов, 2019. <https://doi.org/10.23682/80924>

Ефанов А. А. Функционирование псевдоновости в полях телевидения и интернета: типология, практики, социальные эффекты // Коммуникология. 2018. Т. 6, № 1. С. 156–165. <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2018-6-1-156-165>

Котова Н. С., Дукян С. С. Феномен «фейка» в политическом дискурсе «постправды» // Государственное и муниципальное управление : Учен. зап. 2018. № 2. С. 131. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2018-1-2-130-135>

Кутрина Н. Г. Эколого-эстетический подход в современном образовании // Образование и наука. Изв. УрО РАО. 2005. № 3(33). С. 70–78.

Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева ; закл. ст. М. Вавилова. Москва ; Жуковский, 2003. 464 с.

Медиаобразование в Москве, России и мире : сб. исслед. / под ред. В. В. Барабаша, Н. В. Поплавской. М., 2014. 144 с.

Мурзина И. Я., Симбирцева Н. А. Медиапрактики в патриотическом воспитании (приобщение к ценностям региональной истории и культуры) : учеб.-метод. пособие. Екатеринбург, 2021. 200 с.

Папфилова А. П. Инновационные педагогические технологии: Активное обучение : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М., 2009. 192 с.

Степанов В. Медиаэкология: опыт демаркации научного направления. URL: http://media-ecology.blogspot.com/2011/05/blog-post_3319.html (дата обращения: 25.01.2022).

Тулутов В. В. О «языке вражды» на отечественном телеэкране // Актуальные проблемы экранных и интерактивных медиа : сб. материалов III науч. конф., Москва, 17 нояб. 2020 г. / сост. и науч. ред. Н. Г. Кривуля. М., 2021. С. 11–17.

Фатеева И. А. Что такое медиабезопасность и как она соотносится с информационной безопасностью? // Экология медиасреды : сб. ст. Третьей открытой межвуз. науч.-практ. конф. «Экология медиасреды: проблемы медиабезопасности и разумного использования коммуникативных ресурсов», Москва, 27 апр. 2018 г. / под ред. И. А. Фатеевой, И. В. Жилавской. М., 2018. С. 98–107.

Цифровая компетентность подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования / Г. У. Солдатова, Т. А. Нестик, Е. И. Рассказова, Е. Ю. Зотова. М., 2013. 144 с.

Шестерина А. В. Принципы медиагигиены в системе медиаобразования // Современное состояние медиаобразования в России в контексте мировых тенденций : материалы II Междунар. науч. конф., Таганрог, 15 окт. 2020 г. : сб. ст. / отв. ред. И. В. Чельшева. Москва ; Берлин, 2020. С. 138–143.

Статья поступила в редакцию 25.01.2022 г.

Научная статья

УДК 37.022 + 37.042 + 37.035 + 376.1 + 81'42

DOI 10.15826/izv1.2022.28.1.017

ИНКЛЮЗИВНЫЕ ПРАКТИКИ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ: СПОСОБЫ ДОСТИЖЕНИЯ ДИАЛОГА

Елена Борисовна Плаксина¹

Наталья Алексеевна Симбирцева²

^{1,2} *Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия*

¹ ebplaksina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3201-8259>

² Simbirtseva.nat@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5902-845X>

А н н о т а ц и я. Практики поликультурного взаимодействия XXI в. достаточно насыщены и интенсивны. Острым становится вопрос адаптации детей-инофонов (детей мигрантов из стран Ближнего Зарубежья). Ключевая проблема для педагога, родителя и ребенка — готовность к диалогу, в основе которого лежит принятие *другого* и *чужого* в соответствии с принципами толерантного и уважительного отношения людей друг к другу. Объектом статьи стала поликультурная образовательная среда. Для описания способов взаимодействия субъектов внутри нее введено понятие «культурная инклюзия». Авторами предложена логика образовательных действий в работе с детьми-инофонами в условиях психологической, социальной и социокультурной адаптации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: поликультурная среда; поликультурное образование; языковая инклюзия; культурная инклюзия; диалог; полисубъектность

INCLUSIVE PRACTICES OF MULTICULTURAL ENVIRONMENT: WAYS TO ACHIEVE A DIALOGUE

Elena B. Plaksina¹
Natalia A. Simbirtseva²

^{1,2} Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

¹ ebplaksina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3201-8259>

² Simbirtseva.nat@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5902-845X>

Abstract. The practices of multicultural interaction of the 21st century are quite rich and intense. The issue of adaptation in relation to foreign-speaking children (children of migrants from C.I.S.) becomes acute. The key problem for the teacher, parent and child is the readiness for dialogue, which is based on the acceptance of the other and the stranger in accordance with the principles of tolerant and respectful attitude of people to each other. The object of this article is a multicultural educational environment. To describe the ways of interaction of subjects within it, the concept of “cultural inclusion” is introduced. The authors propose the logic of educational actions in working with foreign-speaking children in conditions of psychological, social and socio-cultural adaptation.

Key words: multicultural environment; multicultural education; language inclusion; cultural inclusion; dialogue; multisubjectivity

Сегодня человек включен в процесс взаимодействия разных этносов, одновременно развивающих общенациональную культуру и обогащающих другие культуры. Для эффективного и толерантного общения необходимо формирование ценностей культуры у каждого участника культурного и этнонационального диалога, а также организация общенационального и общекультурного пространства, в котором каждый участник может обрести и сохранить социальный, этнический, языковой и культурный статус. В связи с этим ценностные установки претерпевают изменения, прежняя модель образования меняет ориентацию с монокультурной на поликультурную с сохранением родной культуры в качестве стержня.

В научной литературе встречаются понятия «мультикультурный» и «поликультурный», которые близки по содержанию — множественность культур, каждая из которых обладает уникальностью, но при этом располагает к диалогу. Второе является наиболее употребительным в отечественном дискурсе и, на наш взгляд, соотносится с проблемой поликультурности в образовательных практиках (А. А. Веретеская, М. Ю. Гудова, М. О. Гузикова, А. А. Крутько, Э. Р. Хакимова и др.).

Современное образование ориентировано на адаптацию человека к условиям культурного разнообразия, учит его видеть мир в единстве многообразия и позитивно воспринимать альтернативную культурную картину мира. Это становится возможным через осознание человеком своей истории и своих корней, помощь в самоидентификации и определении места, которое человек занимает

в современной картине мира, воспитание уважительного отношения к другим культурам. Готовность к конструктивному и содержательному диалогу внутри образовательного пространства всех субъектов является главным условием организации поликультурного взаимодействия.

Глобализация, затронувшая все сферы жизнедеятельности человека, обозначила новые подходы/направление в образовании — поликультурное образование, позволяющее нивелировать этнические границы, обеспечивая расовое равенство обучающихся [Bennett].

Изучение опыта поликультурного/мультикультурного образования (в материалах зарубежных авторов приводится как *multicultural education*) в разных странах позволяет обнаружить различные подходы к пониманию процесса включения мультикультурных практик в образовательную среду. Например, наблюдается динамика исключения из образовательной системы институциональной сегрегации, при которой дети мигрантов получали образование в школах, предназначенных для той или иной этнической группы, что в дальнейшем создавало препятствие для успешной адаптации мигрантов в социальной сфере, во всем ее многообразии.

Создание образовательной среды, доступной каждому, вне зависимости от индивидуальных особенностей, — задача, ставшая приоритетной во многих странах. В частности, в США мультикультурность в образовании рассматривается как отражение философской позиции, обеспечивающей путь к равенству в образовании [Freire]. Включение в систему образования мультикультурного контента описывает в своих работах J. Banks и определяет его возможности как средства, направленного на удовлетворение образовательных потребностей каждого индивида, независимо от его национальной принадлежности. Автор представляет мультикультурные практики при обучении в испано-английских классах уровня начального образования [Banks].

При определении поликультурного образования перед учеными встал вопрос: как обеспечить образовательный процесс с учетом этнического состава групп обучающихся? С. Kramsch утверждает, что для овладения языком страны пребывания важно не только приобрести языковые навыки и умения, позволяющие четко формулировать мысли на неродном языке, но и изучить национальную культуру, что обеспечит говорящему точность выбора лексических единиц и грамматических конструкций в зависимости от коммуникативной ситуации и сферы употребления [Kramsch]. Е. Kearney описывает менее удачный опыт реализации поликультурного образования, который ориентирован на изучение грамматических конструкций и освоение лексических единиц, объединенных в тематические группы, что, по мнению ученого, не обеспечивает успешного включения в новую поликультурную среду [Kearney].

Н. С. Чернякова определяет поликультурность как главное качество современной социальной системы, так как «...соседство и общение отдельных культур вне метасистемы поликультурностью не являются. Без метасистемной общности и общекультурной парадигмы поликультурность как особое качество социальной

системы существовать не может. Наличие множества субъектов культуротворческой деятельности в структуре поликультурного общества оказывает решающее влияние на характер метасистемы, образуемой взаимодействиями этих субъектов (уровень ее сложности, стабильности, способность к развитию и самосовершенствованию, творческий потенциал и др.). Однако все виды социокультурной деятельности, осуществляемые различными субъектами, входящими в структуру поликультурного общества, являются воплощениями единой общекультурной парадигмы поликультурного общества как субъекта культуры метасистемного типа и уровня организации» [Чернякова, с. 82].

Поликультурная среда сегодня понимается предельно широко. Это и множество языковых практик, соседствующих друг с другом и пересекающихся между собой, и многообразие этнических и национальных сообществ, представленных в реальном и виртуальном пространстве. Именно благодаря многообразию и многоликости обеспечивается единство культуры и единство человеческого опыта. Ключевой ценностью в условиях поликультурности становится проявление гуманизма и гуманного отношения к *другому* независимо от степени различий. Как отмечает О. Н. Астафьева, «модернизирующийся глобальный мир предлагает новые образцы, модели, стили и образы жизни взамен быстро устаревающих, обостряя тем самым проблемы адаптации и поиска новых форм сосуществования людей в общем социокультурном пространстве» [Астафьева, с. 270].

Термин «национально-культурная идентичность» является устоявшимся, под ним понимается «...отражение образа и стиля жизни народа, его норм, ценностей и менталитета, психологического склада, представления о его “самости”. Она определяет философию жизни человека, сохраняя национальное достоинство, национальный инстинкт, национальное единение, национальное своеобразие, духовную силу народа и целостность страны. Национально-культурная идентичность дает возможность человеку черпать жизненные силы, смыслы, образующие основу самосознания личности и выстраивающее духовное содержание ее бытия» [Мазуренко, с. 195].

Интеграция азиатских этносов и наций в общекультурный российский контекст не подразумевает отказа от традиций и ценностей своей культуры, но задает вектор включенности: знание русского языка становится условием развития диалога между культурами, толерантного общения между представителями различных сообществ в сфере образования, воспитания, культуры и досуга. Социализация и инкультурация как базовые механизмы освоения «чужой» культуры, формирования культурной идентичности лежат в основе взаимодействия субъектов поликультурного общества независимо от возрастных и социальных особенностей.

И. В. Ивлева и А. В. Тавровский отмечают, что, с одной стороны, «...благодаря присутствию мигрантов увеличивается этническое разнообразие населения, развивается рынок труда, социальный и культурный ландшафты обогащаются новыми идеями и практиками. С другой стороны, обусловленное миграцией все возрастающее разнообразие бросает вызов сложившемуся социальному порядку

и может способствовать росту напряжения в принимающем обществе» [Ивлева, Тавровский, с. 150].

В условиях социально-культурных процессов, связанных с миграцией населения именно из стран Ближнего Зарубежья (в основном из Азербайджана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана), вести речь о формировании национально-культурной идентичности становится все сложнее, так как выявляется ряд проблем, связанных с ориентацией на исключительное экономическое благополучие. Низкий уровень грамотности, ограниченный в силу ментальных, социокультурных и повседневных установок общекультурный фон, недостаточная мотивация для включенности в поле другой культуры, слабая репрезентативность образов *своей* культуры в медиасреде — все это формирует по отношению к иностранным мигрантам устойчивые негативные установки населения, которые поддерживают в социуме фоновое состояние тревоги и взаимного недоверия [Якимова, с. 23].

Особое звучание поликультурность обретает в дидактической системе, где актуальными становятся пути, механизмы и значение развития поликультурного образования [Гукаленко, Борисенков] и где педагоги вынуждены работать с детьми мигрантов (детьми-инофонами). Им необходимо включаться в образовательное, а затем и в более широкое — культурное пространство посредством языка. Это своего рода инклюзия, где, по словам Н. Е. Судаковой, выходят на первый план аспекты, связанные с обучением детей и взрослых с дефицитами в области здоровья, обучением детей мигрантов, обучением в условиях бикультуральных сред, обучением в странах с низким уровнем жизни и т. д. [Судакова]. Образовательное пространство обладает возможностями по организации способов и выстраиванию каналов трансляции культурных ценностей.

В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» [Федеральный закон...] под субъектами инклюзивного образования определяются обучающиеся с ограниченными возможностями здоровья (см. п. 5 ст. 79). В то время как опыт европейских стран позволяет интерпретировать инклюзивное образование в более широком понимании.

В словаре на сайте Московского государственного психолого-педагогического университета «Образование без границ» *инклюзия* определяется как «...практика включения человека в культуру и социум (включения человека в его соотнесенности с референтной группой), которая способствует культурному обогащению как самого человека, так и всей культуры данного социума. Это понятие, предложенное в социальной философии, опирается на понятие включающего общества» [Образование без границ...]. «Культурная инклюзия» стала распространенной практикой культурно-досуговой сферы, но вместе с тем она становится и ярким фоном образовательного процесса, где не менее важны вопросы вхождения и включения в культуру: «*Инклюзивное образование* — обеспечение равного доступа к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей» [Там же]. Понятие дано предельно широко и не сводится только к обучению людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ).

Рефлексия над взаимодействием человека и социума обладает непреложной значимостью в образовательной сфере: принципы и задачи открытого образования расширили горизонты сотрудничества и социального партнерства, а также обозначили ряд трудностей, зачастую связанных не с языком, а скорее с национально-этническими, культурными, религиозными и т. д. особенностями. Профессиональное сообщество активно ведет поиск методических ключей для формирования толерантного отношения внутри поликультурного общества.

В этом контексте проблемы, связанные с инклюзией, гораздо шире, нежели преобразование среды и обеспечение средств для включения лиц с ОВЗ в социальное пространство. Н. А. Ореховской отмечено, что в отличие от многих европейских стран Россия имеет еще не очень богатый опыт инклюзивных начинаний, в том числе в образовании, но именно с образования начинается формирование толерантного и открытого сознания, необходимого для создания инклюзивного общества [Ореховская].

В своей работе А. А. Шевелягин вводит термин «культурная инклюзия», под которым понимает «включение индивида в социально-культурную среду, которое учитывает его физические и когнитивные особенности, отвечает потребностям в культурной самоидентификации и мировосприятии и обеспечивает уважительное отношение к представителям разных культурных групп, формируя среди них равноправие» [Шевелягин, с. 147]. Акцент автором сделан на музейной среде и возможностях приобщения к ценностям культуры и искусства широкого круга людей. Безусловно, музей выступает в роли организующего и объединяющего пространства, выполняющего свои традиционные функции, а также и те, которые обеспечивают снятие напряжения и напряженности в силу культурных различий посетителей.

И. А. Ахьямова и О. А. Стаина, отмечая важность создания культурной инклюзии в художественном образовании г. Екатеринбурга, говорят о необходимости «проявления социальной ответственности», целенаправленной культурной деятельности и комплексном взаимодействии всех заинтересованных субъектов [Ахьямова, Стаина]. Согласимся с тем, что в поликультурной и мультикультурной среде понимание позиции каждого субъекта в диалоге обеспечивается более широким кругом участников, несущих ответственность за создание условий, среды, организацию и т. д. Сфера художественного образования, с одной стороны, позволяет людям с ограниченными возможностями здоровья реализовать себя в творчестве, будучи вовлеченными в кружки, клубные объединения, художественные студии, досуговые центры, а с другой — становится пространством активного взаимодействия широкого круга людей (с разной идентичностью) на языке эстетического освоения реальности. Приобщение к практикам искусства позволяет развивать коммуникативные компетенции, что способствует налаживанию диалогового общения. Важным моментом является «не опора на установившиеся культурные формы и социальные институты, а вовлечение реабилитируемого в творчество форм культуры и социальности, которое осуществляется совместно с другими участниками реабилитационной

группы, образующей для ее членов своего рода терапевтическое сообщество» [Шеманов, с. 76].

Ключевым средством преодоления культурных различий является язык, поскольку именно он представляет собой универсальную форму освоения реальности и вместилище памяти культуры, обладает способностью отражать и закреплять национальные особенности и в то же время сам влияет на их формирование. Владение языком дает возможность гармоничного включения в социокультурные практики и способствует снятию напряжения в общении между представителями различных этнонациональных сообществ. По мнению А. Ф. Сагитовой, в поликультурных, полиэтничных обществах образовательная система должна учитывать особенности представителей разных культур и носителей разных языков и для собственного развития, и для успешной конвергенции в социум, которая не означает ассимиляцию, утрату этнической идентичности, а способствует взаимообогащающему сосуществованию разноэтничных и разноконфессиональных групп населения [Сагитова].

На наш взгляд, необходимо уточнение понятия «языковая инклюзия», поскольку на уровне социализации происходит включение человека-инофона в языковую и речевую среду *другого* языка, что приводит к поискам форм взаимодействия участников не только социокультурных, но и образовательных отношений. Языковая инклюзия — это процесс освоения человеком иностранного языка при взаимодействии с его носителями в поликультурной среде. Создание особых условий, обеспечивающих мягкое вхождение в культуру и комфортный адаптационный период, — залог успешности диалога между носителями разных культур и их системного взаимодействия, включая и профессиональное сообщество. Диалог как способность приятия собеседника оказывает влияние на формирование идентичности и понимание границ между «своим» и «чужим», обеспечивая готовность людей к принятию культурного разнообразия.

Сущностно значимым становится вопрос: ***какой должна быть логика образовательных действий в работе с детьми-инофонами в условиях психологической, социальной и социокультурной адаптации?***

Пребывание ребенка в образовательной организации насыщено коммуникативными практиками, в которых он непосредственно и/или опосредованно принимает участие и с разной степенью активности включается в деятельность. Выстраивание социальных связей ребенка напрямую зависит от успешности общения с педагогами, взаимодействия педагога и родителя, общения со сверстниками. Отметим, что в дошкольной образовательной организации коммуникативное взаимодействие между различными субъектами обеспечивается через лидерство педагога, предлагающего разные уровни модели поведения и обеспечивающего их реализацию на протяжении всего времени пребывания ребенка.

Во-первых, в условиях реализации принципа включающего сообщества именно педагог выстраивает связи между родителями и детьми («педагог — родитель»).

Поликультурная среда, в которую включены дети-инофоны, таит в себе опасности, связанные с возникновением определенных психологических и социальных

явлений и процессов, способствующих развитию межэтнических противоречий и социокультурного напряжения. Именно родители детей-инофонов зачастую являются носителями интолерантного поведения, т. е. оказываются не готовыми к выстраиванию диалоговых отношений и успешных коммуникативных практик. И на этом фоне отношения «педагог — родитель» имеют ряд сложностей, обусловленных стереотипным сознанием, слабым культурным фоном, низкой мотивацией к получению образования, социальному взаимодействию, принятию ценностей другой культуры. Модели поведения родителей считаются и перенимаются детьми на безусловном уровне. И педагог в этом случае выступает в качестве альтернативного взрослого, предлагающего различные варианты включенности ребенка-инофона в принимающее сообщество. Сопровождение взаимодействия с родителями/законными представителями воспитанников является необходимым механизмом выстраивания полисубъектного взаимодействия в поликультурной среде.

Формы работы с родителями детей-инофонов на этом уровне могут быть различными: беседы на родительских собраниях, привлечение к участию в социокультурных проектах, связанных с репрезентацией этнонациональных особенностей повседневной культуры, организация выставок с предметами быта той или иной культуры и т. п.

Во-вторых, взаимодействие на уровне «педагог — обучающийся»: квалифицированный подход педагога проявляется в том, как он организует образовательный процесс и какие формы предлагает, используя личностные ресурсы обучающихся и ресурсы образовательной среды. В качестве примера приведем работу/взаимодействие обучающихся в малых группах, где каждый ребенок играет определенную роль. Необходимым условием деятельности в такой группе является включение детей — носителей русского языка и детей-инофонов. Цель взаимодействия детей определяется педагогом и должна быть ориентирована на создание продукта, о назначении и функциональности которого рассказывают сами дети.

В основе такой практики лежит рефлексивно-деятельностный подход, определяющий «зону ближайшего развития» ребенка [Выготский], в которой сходятся все нити, связывающие обучение и развитие, ребенка и взрослого, человека и культуру. Педагог обладает возможностью организовать взаимодействие в поликультурной среде таким образом, чтобы у обучающегося возникло желание вступить в отношения сотрудничества со взрослым, чтобы ребенок проявил способность к преодолению трудностей, не боясь ошибиться. Инструментальная и эмоциональная поддержка педагога очень важна и для детей-инофонов, и для принимающего сообщества, поскольку педагог становится фигурой «мягкого» контроля эмоционально-психологического и социокультурного фона группы.

В-третьих, мотивационный уровень к осуществлению социокультурного взаимодействия носителей русского языка, мигрантов и детей-инофонов: постижение культуры, освоение ее ценностей и смыслов, к которой принадлежит обучающийся, как правило, происходит через игровые виды деятельности, создание совместных проектов на вполне конкретные темы, например, отсылающие к национальному

костюму, песням, праздникам и т. п. При этом меняются роли обучающихся, родителей, которые могут в выполнении заданий принимать на себя функции педагога. Чтение рассказов, сказок разных народов, мультипликационные фильмы, элементы художественной культуры и т. п. — материал для активного взаимодействия и включенности в общение как детей — носителей языка, так и детей-инофонов. Данная практика является собой *паллиативный сценарий поликультурного взаимодействия* ровно настолько, насколько он реализуется разными субъектами в условиях инклюзии (педагогом, взрослыми, родителями и т. д.).

В-четвертых, это взаимодействие на уровне «*обучающийся — обучающийся*» в поликультурной среде. В этом случае инклюзия может быть обеспечена только при реализации педагогом функции тьютора, прежде всего организационно-деятельностной, суть которой состоит, по мнению Л. В. Бендовой, в организации тьютором пространства индивидуальной и групповой деятельности, во введении тьютором норм группового взаимодействия, в управлении им групповой динамикой. Именно тьютор, строя групповое взаимодействие на основе диалога, обеспечивает высокую интенсивность интеракции [Бендова]. Поддержка педагога-тьютора и его направленное участие, а не замещение своими действиями действий ребенка, способствует преодолению культурной инклюзии и овладению языком как инструментом постижения культуры.

М. Козлова, И. Михеев, описывая опыт анализа включения в образовательное пространство «перелетных детей» (детей мигрантов), рассматривают неформальные интегративные стратегии как один из подходов «...к оказанию влияния на установки и культурную идентичность детей. Они варьируются от практик совместного труда (“рассадка”, коллективные задания) до беседы на повседневные темы. Параллельно с институционализированными и формализованными практиками реализуются спонтанные неформальные практики приобщения детей-инофонов к паттернам массовой культуры <...> Открытое, свободное, не ангажированное общение со сверстниками позволяет детям-инофонам не только получить языковую практику от носителей, но и включиться в повседневный опыт, наполненный многообразными культурными образами, стать равноправными субъектами этой коммуникации» [Козлова, Михеев, с. 666].

Принцип полисубъектности в преодолении культурной инклюзии позволяет решать конкретную задачу — освоение другой культуры. Оговоримся, что речь идет не о нивелировании и ассимиляции собственной идентичности личности, а о принятии и понимании ценностей и норм другой культуры. Чем больше субъектов участвуют во включении *другого* в культуру и социум внутри образовательного пространства и за его пределами, тем успешнее будет проходить процесс адаптации и, как следствие, диалога. В этом контексте актуальным становится вопрос о механизмах, позволяющих снимать социальное напряжение и организовывать образовательный процесс в соответствии с личностно значимыми смыслами, жизненными и профессиональными проектами.

Выстраивание взаимодействия на ценностно-смысловом уровне позволяет приобщать субъектов поликультурной среды к ценностям и смыслам, связанным

с пониманием семьи, детства, традиций и т. п. Структуры повседневного мира выступают в качестве «плавильного котла»/«плавильного тигля» (И. Зангуилл): включение в *другую* культуру происходит постепенно, через обретение повседневного опыта, формы и практики быта, повседневную деятельность. Включенность и включение инофонов в повседневность другой культуры являет собой реализацию интегрированного подхода в образовании.

Языковая инклюзия стала распространенным явлением современности и неотъемлемой частью образовательных практик, ориентированных не только на трансляцию знания и опыта со стороны профессионального педагогического сообщества, но и на их получение от обучающихся. Педагог, родитель, обучающийся — это активные участники взаимного обучения. Но именно соблюдение принципа полисубъектности открывает перспективы сотрудничества в реализации практик культурной инклюзии как этапа межкультурного диалога. Проблемы, все ярче проявляющиеся в поликультурном обществе, нуждаются в системных и последовательных решениях, которые напрямую были бы связаны с осмыслением гражданской, этнокультурной и национальной идентичностей, их соотношением с общегосударственным контекстом и способностью к интегративному взаимодействию групп и сообществ.

Астафьева О. Н. Межкультурный диалог как фактор преодоления кризиса идентичности в условиях глобализации. URL: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2011_Sbornik/Tom_1/002_Sekcia_2/004_AstafievaON.pdf (дата обращения: 15.09.2021).

Ахьямова И. А., Стаина О. А. Культурная инклюзия в художественном образовании г. Екатеринбурга // Педагогическое образование в России. 2019. № 7. С. 167–172. <https://doi.org/10.26170/po19-07-23>

Бендова Л. В. Педагогические аспекты деятельности тьютора // Научные труды МИМ ЛИНК. 2008. № 23. С. 189–196.

Выготский Л. С. Мышление и речь // Собр. соч. : в 6 т. М., 1982. Т. 2. С. 5–361.

Гукаленко О. В., Борисенков В. П. Поликультурное образование и вызовы современности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 20 : Педагогическое образование. 2018. № 2. С. 3–11.

Ивлева И. В., Тавровский А. В. Образы трудовых мигрантов в российских медиа // Этнографическое обозрение. 2019. № 1. С. 149–165. <https://doi.org/10.31857/S086954150004186-4>

Козлова М. А., Михеев И. С. Управление многообразием в эпоху транснационализма: перспективы и ограничения в образовательном пространстве // The Journal of Social Policy Studies. 2020. 18(4). P. 65–672. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-4-657-672>

Мазуренко И. В. Сохранение национально-культурной идентичности в условиях глобализации: социально-философский анализ // Социология власти. 2008. № 6. С. 192–201.

Образование без границ : [информ.-метод. портал по инклюзивному и спец. образованию]. URL: <http://edu-open.ru/Default.aspx?tabid=85&letter=%D0%98> (дата обращения: 15.09.2021).

Ореховская Н. А., Воеводина Е. В. Принципы толерантности в инклюзивном образовании // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 4. С. 134–142.

Сагитова А. Ф. Особенности преподавания русского языка в поликультурной среде: образовательная инклюзия // Пед. журн. Башкортостана. 2014. № 4 (53). С. 97–103.

Судакова Н. Е. Феномен инклюзии в пространстве современной культуры : дис. ... д-ра филос. наук. М., 2019. 440 с.

Чернякова Н. С. Поликультурность как качество социальной системы // Культура и цивилизация. 2020. Т. 10, № 2–1. С. 82–88. <https://doi.org/10.34670/AR.2020.74.62.009>

Шевлягин А. А. Культурная инклюзия в музее // Вестн. С.-Петерб. гос. ин-та культуры. 2019. № 1 (38). С. 145–149. <https://doi.org/10.30725/2619-0303-2019-1-145-149>

Шеманов А. Ю., Попова Н. Т. Инклюзия в культурологической // Психологическая наука и образование. 2011. № 1. С. 74–82.

Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об образовании в Российской Федерации» : с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/708566b2fd52d51c70e2f0c8e02abb2d81a6c22e/ (дата обращения: 15.09.2021).

Якимова О. А. Репрезентация мигрантов в российских массмедиа и ее динамика (2010–2020 гг.) // Siberian Socium. 2020. Т. 4, № 4(14). С. 22–40. <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2020-4-4-22-40>

Banks, J. A. Approaches to Multicultural Curriculum Reform // J. Banks & C. A. M. Banks (Eds.) Multicultural education: Issues and perspectives. 2016. P. 151–170.

Bennett C. I. Comprehensive Multicultural Education: Theory and Practice. Pearson, 2010. 486 p.

Freire J. A. The Holistic Analysis of Multicultural Teaching Framework: Capturing Teachers' Pauses and their Hybrid and Fluid. Multicultural Practices // International Journal of Multicultural Education. 2021. Vol. 23, № 2. Open Theme Issue. P. 127–144.

Kearney E. Intercultural Learning in Modern Language Education: Expanding Meaning-Making Potential. Bristol, 2016. 200 p.

Kramsch C. Teaching Foreign Languages in an Era of Globalization: Introduction // The Modern Language Journal. 2014. Vol. 98, iss. 1. P. 296–311.

Статья поступила в редакцию 05.11.2021 г.

Научная статья

УДК 378.147:004 + 316.7 + 159.99 + 004.5 + 37.018.4

DOI 10.15826/izv1.2022.28.1.018

К ВОПРОСУ О РОЛИ СОВРЕМЕННЫХ ТЕКСТОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Раиса Джавхаровна Урунова¹
Дарья Александровна Иванова²

^{1,2} *Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Россия*

¹ urunova-rd@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0630-8252>

² daria624@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7551-1521>

А н н о т а ц и я. Снижение грамотности выпускников школ и вузов — одна из самых серьезных проблем современного российского образования. Целью статьи является изучение условий и причин, порождающих эту проблему. Объектом описания становятся цифровые технологии, влияющие на формирование базовых коммуникативных компетенций учащихся. При помощи лингвистического анализа и сопоставления текстового продукта технологий с классическими текстами авторы исследуют влияние некоторых технологий на языковые и коммуникативные компетенции.

К л ю ч е в ы е с л о в а: цифровизация; цифровые технологии; машинный текст; классический текст; коммуникативные компетенции; информационные ресурсы

ON THE ROLE OF MODERN TEXT TECHNOLOGIES IN THE EDUCATIONAL PROCESS

Raisa D. Urunova¹
Daria A. Ivanova²

^{1,2} *Kazan Federal University,
Kazan, Russian*

¹ urunova-rd@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0630-8252>

² daria624@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7551-1521>

A b s t r a c t. The decline in the literacy rate of school and university graduates is one of the most serious problems of modern Russian education. The purpose of the article is to study the conditions and causes that give rise to this problem. The object of the description is digital technologies that affect the formation of basic communicative competencies of students. With the help of linguistic analysis and comparison

of the textual product of technologies with classical texts, the authors investigate the influence of some technologies on language and communicative competencies.

Key words: digitalization; digital technologies; machine text; classical text; communicative competences; information resources

Введение

В настоящее время в связи с распространением новых технологий и доступностью цифровой техники во многих общественных сферах кардинально изменился принцип работы с информационным материалом. Осуществляющаяся повсеместно цифровая трансформация производственных и образовательных процессов в основном оправдана и необходима. Но в некотором роде неожиданно появились и все больше дают о себе знать проблемы, которые, на наш взгляд, являются обратной стороной применения цифровых технологий и которые нельзя игнорировать, чтобы в будущем не получить серьезные негативные последствия. Эти проблемы имеют глобальный масштаб, поскольку наше общество унаследовало их вместе с цифровой техникой, новыми технологиями и интернетом. Особую тревогу в связи с этим вызывает молодое поколение, которое в отличие от старшего полностью погружено в новую виртуальную действительность и не имеет базы, сложившейся традиционным проверенным временем способом под влиянием обычных книг.

Поскольку сегодня молодые люди в основном имеют дело с информационным материалом в электронном формате и совсем не пользуются источниками на бумажных носителях, в процессе обучения они часто демонстрируют когнитивные качества, которые вызывают впечатление недоформированности и искажения основных языковых и коммуникативных компетенций [Урунова]. По этому поводу в разных странах появилось внушительное количество публикаций, авторы которых бьют тревогу и пытаются понять причины этой ситуации. Введены термины для обозначения новых когнитивных качеств — клиповое (кластерное) мышление [Семеновских], цифровая деменция (слабоумие), рассеянное (расфокусированное) внимание [Вершинина], гаджет-аддикция [Ли] и даже «цифровой аутизм», «виртуальные популяции» и «процесс мозгового видообразования» [Савельев]. Большинство авторов склоняется к тому, что причиной этих тревожных тенденций является неограниченное и бесконтрольное использование цифровых технологий, которые оказывают существенное влияние на формирование коммуникативных компетенций молодых людей, проводящих в виртуальном пространстве интернета слишком много времени [Барчунова; Лащук; Тюкова; Уваров].

Некоторые ученые в своих трудах пытаются понять суть и причины проблемы в определенных сферах с конкретными технологиями. Так, Д. Н. Тюкова [Тюкова] и О. Р. Лащук [Лащук] рассматривают исключительно сферу журналистики, в том числе интернет-журналистику как площадку использования и влияния технологий. Т. В. Барчунова описывает ситуацию в образовательном процессе

и преимущественно в философском образовании [Барчунова]. Р. Д. Урунова, Л. В. Владимирова и Д. Р. Валеева анализируют последствия использования цифровых технологий в сфере лингвистического образования [Урунова, Владимирова, Валеева]. А. Ю. Уваров дает характеристику цифровой трансформации всей системы российского образования, учитывая как положительные, так и негативные результаты [Уваров]. Хотя в перечисленных работах рассматриваются разные сферы и разные технологии, подход и способ оценки у авторов аналогичный — они анализируют проблемы, принимая за нормальную базовую ситуацию, ориентированную на прежние традиционные требования к результатам образования, сложившиеся еще в советский доцифровой период. Это логичный и вполне понятный подход, но сегодня необходимо посмотреть на эти проблемы шире, принимая во внимание качество определенных технологий, легкодоступных благодаря цифровой технике и поэтому широко распространенных в молодежной среде. В этом аспекте, на наш взгляд, особого внимания требуют текстовые технологии, поскольку текст — это основная форма интеллектуальной и коммуникативной деятельности, и именно с порождением и использованием текста сегодня у молодежи самая большая проблема, которая, в свою очередь, является причиной множества других частных проблем в образовании. На наш взгляд, необходимо проанализировать сложившуюся ситуацию, чтобы, во-первых, выяснить, к чему она приведет завтра — к кризису или к формированию у молодых людей новых когнитивных качеств, и, во-вторых, если возможно, быть готовыми предотвратить негативные последствия.

Материалы и методы исследования

Серьезной проблемой российского образования в XXI в. является недостаточное владение школьниками и особенно студентами базовыми коммуникативными компетенциями, ориентированными на умение продуцировать тексты. Эта ситуация вызывает множество последующих проблем в процессе обучения уже в сферах специального образования. Обучаемый, который не может создавать правильные тексты, не в состоянии их адекватно воспринимать, обрабатывать, передавать и, самое главное, применять в своей деятельности. Эти трудности особенно дают о себе знать при обучении специальностям, связанным с производством текстов (переводческое дело, журналистика, филология, рекламное дело, педагогика и др.). Специалисты данных направлений уже давно обсуждают эту проблему и для ее решения разработали свои методические частные приемы, которые достаточно удачно применяются на практике. В некоторых вузах на уровне руководства также постоянно уделяется особое внимание коммуникативным компетенциям учащихся и предпринимаются определенные меры для решения проблемы. Так, в Московском государственном университете (МГУ) все первокурсники изучают технику чтения и работы с текстами, а в Московском государственном институте международных отношений (МГИМО) является обязательным выпускной экзамен по родному русскому языку, которым, как

считают в этом вузе, специалисты в сфере международных отношений должны владеть в совершенстве. Подготовка к экзамену стимулирует углубленные занятия языком, и это помогает студентам усовершенствовать языковые и коммуникативные компетенции. Подобные примеры радуют, но не успокаивают, поскольку проблемы с языковыми и коммуникативными компетенциями у молодых людей остаются актуальными.

В связи с вышеизложенным целью авторов данной статьи является анализ современной ситуации в российском образовании с точки зрения использования цифровых технологий, которые ориентированы на текстовый формат и негативно влияют на формирование базовых коммуникативных компетенций, обуславливающих уровень грамотности учащихся и выпускников учебных заведений. Для достижения этой цели необходимо выполнить следующие задачи:

- конкретизировать проблему, изучив и обобщив труды, посвященные цифровой трансформации системы отечественного образования;
- выявить, какие языковые и коммуникативные компетенции сегодня формируются у учащихся в школе и в вузе в недостаточной степени;
- выявить наиболее распространенные среди учащихся цифровые технологии, негативно влияющие на коммуникативные способности;
- изучить труды, посвященные цифровой трансформации образования, и обобщить их основные положения, которые нацелены на решение проблем, сопутствующих внедрению цифровых технологий в образовательный процесс в школе и вузе.

Для решения поставленных задач, на наш взгляд, в первую очередь было необходимо путем применения статистического анализа выявить наиболее доступные, наиболее востребованные и поэтому самые распространенные в современной информационной среде технологии, ориентированные на текстовый формат, и для корректности оценки сложившейся ситуации сопоставить их текстовый продукт с нормативами и качеством текстов, созданных под влиянием традиционных источников информации на бумажных носителях. Сопоставление показало, что технологии, доступные благодаря цифровой технике, заметно изменили качество создаваемых текстов, хотя на первый взгляд кажется, что перемены произошли исключительно в информационном поле и не коснулись самих текстов и человека, создающего их. На самом деле качество информации не изменилось, изменился только темп и возможности работы с ней, а вот качество текстов в сфере интернета существенно изменилось. В результате комплексного анализа публикаций, посвященных проблемам коммуникативных компетенций, в первую очередь в поле зрения попадают три текстовые технологии: гипертекст, копипаста и рерайтинг. Эти технологии не являются совершенно новыми, порожденными исключительно возможностями цифровой техники. У них есть аналоги в традиционном формате, но ранее внимание им не уделялось, поскольку не было связанных с ними крупномасштабных проблем. В связи с изучением новых обстоятельств в лингвистике появились термины «классический текст», «обычный текст» и «машинный текст», «автоматический текст», которые обозначают разновидности текстов, созданных

человеком и машиной и соответственно имеющих определенное качество [Зубов, Зубова, с. 53].

На начальной стадии цифровизации тексты, являющиеся продуктом новых технологий, не вызывали проблем, поскольку сферы использования машинных и традиционных авторских текстов четко разграничивались. Ситуация изменилась, когда текстовые возможности цифровой техники начали широко использовать во всех сферах интеллектуальной и информационной деятельности и особенно в системе образования. Большое влияние на этот процесс оказал интернет, который существует в текстовом формате, точнее, в особом гипертекстовом формате.

В основу гипертекстовых технологий, поддерживающих формат интернета, чаще всего положен иерархический, а иногда сетевой принцип размещения информации, тогда как в классическом авторском тексте используется линейный принцип [Баранов, с. 34; Хартунг, Брейдо, с. 63]. Применение гипертекста заставило лингвистов изучить «обычный текст» с точки зрения его информационно-технологических качеств. Оказалось, что линейаризация содержания, используемая в традиционных авторских текстах, — это естественная (и это очень важно!) и одновременно сложнейшая информационная технология, которая всегда определяла формат памяти человека и, как следствие, его когнитивных способностей [Баранов, с. 20]. Память человека под влиянием линейно устроенных текстов формировалась в виде континуума, структуру которого ученые охарактеризовали как единую «модель мира» [Там же]. «Модель мира» в когнитивной системе человека представляет собой целостную, но дискретную систему знаний, в которую новые сведения добавляются, как пазлы, в строго определенные позиции [Там же, с. 20–21].

Программные оболочки гипертекста обеспечивают размещение информационного контента по вертикальным связям только через отдельные вербальные элементы, хотя гипертекстовые компоненты могут иметь разное мультимедийное выражение. Такой принцип приводит к тому, что между сведениями из разных сфер связь осуществляется только через единичные понятия, часто неважные для контента в целом [Там же, с. 77]. По существу, интернет — это глобальная гипертекстовая сеть, именно не система, а сеть, поскольку система отличается целостностью и структурой, а сеть — это механически соединенные информационные узлы [Зубов, Зубова; Норман; Угринович]. Сведения, выраженные многоуровневым гипертекстом, в отличие от континуума, представляют собой разорванное информационное поле, которое не может быть моделью мира и в которое новая информация добавляется как отдельный самостоятельный кластер.

Хотя сегодня ни у кого не вызывает сомнения, что «лингвистическая поддержка гипертекстовой технологии необходима», лингвисты-прикладники отмечают, что их место в проектах по созданию гипертекстовых систем до сих пор не определено [Баранов, с. 85], и это привело к тому, что интернет наводнен гипертекстом плохого качества, который, конечно же, плохо влияет на когнитивные способности молодых потребителей, проводящих много времени в его пространстве.

Копипаста заключается в копировании текстов или фрагментов и в их механическом соединении в новый текстообразный информационный продукт. Копипастой называют не технологию, а ее продукт. Интернет-технологии относятся к копипасте крайне негативно, не признавая ее технологией, но поскольку, по общему определению, информационная технология — это организация какого-либо информационного процесса, то копипаста вполне под него подходит. Хотя надо заметить, что копипасту никто не разрабатывал, она возникла стихийно, когда учащиеся школ и вузов начали использовать возможности цифровой техники для решения своих учебных задач. В текстообразной копипасте, полученной в результате механического или полумеханического соединения скаченных в интернете фрагментов, часто части, выхваченные из разных источников, отличаются подходом, стилем, масштабом охвата фактов, аспектом и пр. Некоторые исследователи сравнивают копипасту с плагиатом и компиляцией не в пользу первой [Барчунова], поскольку плагиат и компиляция все-таки требуют ознакомления и осмысления информационного материала в отличие от механической копипасты.

В социальном масштабе проблема копипасты заключается не только в качестве ее продукта, но больше в том, что молодые люди принимают его за правильный текст [Урунова, Барчунова]. Одной из причин этого является то, что копипаста повторяет модель гипертекста интернета. Для студентов и школьников копипастовый продукт — это обычный нормальный текст, поскольку в интернете они в основном имеют дело с аналогично построенным информационным контентом. На фоне этого возникает проблема, которая уже не кажется безобидной — молодые люди не умеют создавать правильные тексты, поскольку ориентированы на гипертекстовый формат интернета. Эта проблема усугубляется чрезвычайно распространенной в последнее время в школах и вузах модой на так называемые рефераты, написание которых часто является самостоятельной работой для учащихся [Барчунова; Урунова]. Сегодня реферат по предмету — это механически составленный из бездумно скопированных частей квазитекст, который тем не менее преподаватели принимают как выполненную работу, и это дает основание их ученикам считать его за правильный текст. К сожалению, в вузе студенты начинают понимать, что такое копипаста, только перед защитой диплома, когда научные руководители не принимают их работу из-за недопустимо низкого качества. Копипаста под видом реферативного аналитического обзора сегодня является проблемой и в процессе работы над магистерскими и даже над кандидатскими диссертациями [Барчунова, с. 59–60].

Рерайтинг — это новая и чрезвычайно затребованная в интернете производственная технология. Условием для ее появления стала ситуация, порожденная исключительно особенностями интернет-пространства. Это условие заключается в том, что владельцы сайтов для быстрого размещения новой актуальной для потребителей информации заимствуют ее с других сайтов, но, чтобы не быть заблокированными за чужой контент, текст переделывают, сохраняя информацию во всех деталях. Вербальное выражение полученного текста (рерайта) должно быть неузнаваемым. Сегодня множество интернет-СМИ существуют

только за счет рерайтинга [Лашук; Тюкова]. Рерайтинг в традиционном ручном исполнении — это технология, требующая хорошего филологического образования. Профессионально выполненный рерайт — это высококачественный текст, который очень хорошо оплачивается. Но далеко не все сайты могут позволить себе нанимать профессионалов, поэтому зачастую рерайтинг выполняют недостаточно или вообще плохо образованные люди (например, владельцы некоторых сайтов привлекают к этой работе не только студентов, но даже старшеклассников). В результате информационное поле интернета изобилует этим видом некачественного текстового продукта. Достаточно ознакомиться с несколькими страницами по одному информационному запросу, чтобы увидеть, что все сайты разместили фактически один переделанный в разной степени и разными способами текст. Довольно часто встречаются сайты, на которых информация выражает копипаста, подвергшаяся рерайтингу. К сожалению, контент, популярный в среде молодых людей, часто представляет собой некачественный рерайт.

Поскольку на услуги рерайтинга есть большой спрос в интернете, то возникли и технологии, удовлетворяющие его. Буквально в последние годы для рерайтеров появилось новое технологическое предложение — комплекты программного обеспечения для осуществления автоматического рерайтинга, продуктом которого является авторский текст, переделанный машиной. Каждая рерайтинговая программа состоит из нескольких простых программ, к которым, например, относится синонимайзер. Синонимайзер — это программа, которая осуществляет в тексте автоматическую замену слов синонимами. Кроме синонимайзера, автоматический рерайтинг выполняют программы, которые производят замену страдательных конструкций на действительные или придаточные предложения в составе сложного трансформируют в простые синтаксические конструкции. Сегодня благодаря таким сервисам рерайтеру не нужно осмысливать тексты, достаточно прогнать их через программное обеспечение и слегка подправить полученный вариант. Естественно, что качество полученного полуавтоматического текстового продукта будет соответственное. В интернете основная часть информации сегодня подается в текстах именно такого качества, и это не может не ухудшать способность молодых людей, как создателей, так и потребителей рерайта, к созданию грамотных текстов.

Мы рассмотрели только три цифровые технологии, но набор, используемый учащимися, гораздо шире, достаточно вспомнить хотя бы автоматический перевод, поиск информации, аннотирование, которые ежедневно применяются на всех этапах обучения.

Цифровые технологии в школе и вузе

По экспертным оценкам педагогов ситуация с использованием новых технологий в школе и вузе выглядит по-разному. Учителя школ видят в цифровых технологиях больше плюсов и даже пишут о необходимости введения «цифрового образования», или «цифрового обучения в выражениях»: «сегодня Цифровизация избавляет от бумажных версий» (в контексте слово цифровизация написано

с большой буквы); «с помощью цифровых технологий преподаватели могут эффективнее преподнести материал, поэтому возможности обучения значительно расширяются» [Новые технологии — хорошо или плохо?] и т. д. Преподаватели вузов в целом к цифровым технологиям относятся не так благосклонно. Хотя они видят неизбежность и преимущества использования технологий, в их мнении всегда присутствуют серьезные негативные оценки и ощущается большая тревога. Это связано с тем, что в профессиональном образовании другие, более сложные требования к информационным процессам, осуществляемым при помощи технологий, чем в школе, и кроме этого в вузе часто приходится исправлять компетенции и додавать те знания, которые не были получены молодыми людьми в школьный период. Это различие в оценках, на наш взгляд, связано и с задачами обучения. В школе, как неоднократно говорилось и еще больше писалось, главная задача — подготовить школьников к успешной сдаче ЕГЭ, который собственно и осуществляется в формате цифровой технологии [Урунова, Владимирова, Валеева, с. 757]. В вузе главная задача — подготовить специалиста, обладающего целым рядом сложных профессиональных компетенций, способного принимать самостоятельные профессиональные решения, что практически невозможно выполнить без обращения к обычным классическим текстам, которые позволяют получать, закреплять информацию и на ее основе продуцировать новые знания. Большинство современных студентов из-за нехватки времени, возможностей, удобных технологий и доступности электронных ресурсов обходятся вообще без обращения к информационным источникам на бумажных носителях. Это, как правило, приводит к низким образовательным результатам.

Основные риски, связанные с внедрением технологий в процесс обучения и в школе, и в вузе, на наш взгляд, заключаются в переоценке их возможностей и недооценке тех негативных последствий, к которым они приводят. Даже сторонники «цифровой трансформации образования» отмечают: «Ограниченное использование компьютеров улучшает образовательные результаты, но попытки усиленно внедрять ЦТ в работу учителя могут привести к снижению уровня знаний учащихся» [Уваров, Фрумина, с. 29]. Поэтому цифровые технологии в процессе обучения обязательно должны органично сочетаться с традиционными информационными технологиями, которые все предполагают работу с источниками на бумажных носителях (будь то статьи, монографии и особенно лингвистические словари, справочники, энциклопедии и пр.) и которые, как проверено временем, обеспечивают желаемые коммуникативные компетенции. Кроме этого необходимо учитывать, что «использование ЦТ ведет к повышению успеваемости учащихся лишь в определенных контекстах» [Там же]. Данное мнение согласуется с выводами международного исследования педагогической инноватики (ITL), которое проводилось в нескольких странах, включая и Россию [Там же].

Изучение практического аспекта системы отечественного образования по публикациям, анкетирование и опросы преподавателей школы и вуза показывают, что основными проблемами, связанными с негативным влиянием новых технологий на коммуникативные компетенции, являются: во-первых, злоупотребление

электронными информационными ресурсами при выполнении заданий, связанных с продуцированием текста; во-вторых, отсутствие стандартов для оценки качества текста в выполняемых заданиях; в-третьих, невысокие требования к текстовому качеству информационного продукта со стороны преподавателей; в-четвертых, отсутствие навыков работы с классическим текстом, являющееся следствием чрезмерной цифровизации школьного образования; в-пятых, занижение значимости умения создавать собственный текст в заданиях ЕГЭ и т. д.

Главный вывод, связанный с негативными последствиями использования технологий в образовании, заключается в том, что высокие результаты могут быть получены только при использовании систематического, целенаправленного, последовательно внедряемого и правильно упорядоченного подхода, обязательно ориентированного на прежние доцифровые результаты применения информационных технологий обучения.

Решение проблемы: основные положения

Одной из самых серьезных проблем образования России является не только падение уровня знаний у выпускников школ и вузов, но и отсутствие или недостаточное владение коммуникативными компетенциями, вызывающее последующий недостаточный профессионализм специалистов [Барчунова; Лащук; Семеновских; Уваров; Урунова]. Хотя необходимость внедрения цифровых технологий в образовательную сферу ни у кого не вызывает возражений, поскольку это вопрос соответствия «цифровой экономике», которая «требует, чтобы каждый обучаемый... овладел компетенциями XXI в. ... и мог творчески (не по шаблону) применять имеющиеся знания в быстроразвивающейся цифровой среде» [Уваров, Фрумина, с. 15], низкий уровень образования молодых специалистов обуславливает необходимость переосмысления процесса цифровизации сфер обучения и особенно использования новых информационных технологий в методике некоторых предметов. Наблюдения показывают, что в условиях интенсивного привлечения цифровых технологий и повсеместного использования электронных информационных ресурсов к формированию коммуникативных компетенций у обучаемых необходимо предъявлять дополнительные требования. Особенно это касается умения продуцировать качественные тексты, которое является базовым для множества других компетенций.

На основе накопленных наблюдений, теоретических исследований и практических действий специалисты из разных сфер определили основные положения теоретико-методологического подхода к решению проблем, сопутствующих цифровизации образовательного процесса:

1) при применении технологий в методике конкретных предметов необходимо учитывать их функциональную специфику;

2) в процессе обучения необходимо сбалансированное сочетание цифровых технологий и электронных ресурсов с традиционными формами работы и источниками на бумажных носителях;

3) цели внедрения цифровых технологий различного уровня в вузах должны учитывать условия, в которых будет осуществляться профессиональная деятельность обучающихся [Уваров];

4) количество цифровых технологий, применяемых в учебном процессе в школе, должно быть ограничено (сегодня сложилась ситуация — чем больше технологий, тем лучше) [Новые технологии — хорошо или плохо?];

5) цели применения новых технологий должны определяться не только количественными показателями, но и качественными результативными характеристиками [Тюкова];

6) в процессе обучения (особенно в школе) важно обеспечить ориентацию в первую очередь на такие традиционные коммуникативные компетенции, как:

- связная речь;
- логичная речь;
- структурированная речь;
- профессионально-ориентированная речь;
- умение пересказать текст;
- умение осмыслить услышанную информацию и передать ее своими словами в формате текста;
- умение передать текст в сокращенном варианте;
- умение передать текст своими словами;
- умение обобщить содержание 2–3 источников в одном тексте и т. д.;

7) в старших классах школы и в вузах ограничить количество отчетных заданий, выполняемых в письменной форме, и «усилить интерактивную компоненту гуманитарного образования» [Барчунова, с. 58].

Заключение

Несмотря на внедрение цифровых технологий (можно обозначить шире — цифровую трансформацию образования) и повсеместный доступ к электронным ресурсам, уровень подготовки выпускников как школ, так и вузов заметно снизился. Многие специалисты отмечают: если 15–20 лет назад выпускники школ были готовы получать высшее образование, то теперь им необходим переходный период с дополнительной подготовкой в течение одного-двух семестров. В свою очередь, выпускники вузов раньше обладали достаточным уровнем, чтобы сразу пойти в профессию, а сегодня их значительная часть не имеет конкретного представления о выбранной сфере деятельности и, следовательно, не владеет нужными профессиональными компетенциями. Разные деятели на разных площадках с тревогой отмечают, что в последние десятилетия у молодых людей особенно заметно снизился уровень владения базовыми коммуникативными компетенциями, и это дает о себе знать и в процессе образования, и в процессе профессиональной деятельности. В результате исследования проблемы было выяснено, что такая ситуация вызвана злоупотреблением некоторыми цифровыми технологиями. Это

привело к тому, что компетенции работы с ними препятствуют формированию базовых коммуникативных компетенций.

Для выхода из опасной ситуации необходимо понимать, что проблемой является не цифровизация сама по себе, а злоупотребление и неграмотное использование новых технологий. Кроме этого негативные результаты являются следствием полного отхода от использования традиционных текстов и методов работы с ними, проверенных временем. Работа с информационными источниками на бумажных носителях — один из сложных информационных процессов, который требует долговременных многоэтапных усилий и учителя, и ученика и который гарантировано развивает основные коммуникативные компетенции. Замена книг на электронные ресурсы интернета у школьников и студентов приводит к формированию памяти по типу гипертекста (клиповое мышление), а используемые повсеместно технологии копипасты и рерайтинга способствуют непрочному усвоению информационного материала, ведут к неумению выразить его вербально в текстовом формате и неспособности осуществлять некоторые информационные процессы, что серьезно затрудняет овладение другими смежными компетенциями.

На наш взгляд, для исправления проблемной ситуации по каждому отдельному предмету необходимо создавать сбалансированные методики, в которых должны разумно сочетаться новые и традиционные информационные технологии. Главное — внедрение новых технологий не должно быть самоцелью, затмевающей качество обучения и фактически ведущей к дегуманизации образования.

Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М., 2001.

Барцупова Т. В. Эссе о копипасте: заимствование, компиляция, плагиат // Вестн. НГУ. 2014. № 2 (12) С. 58–66.

Вершинина С. М. Современные дети и гаджеты // Юный ученый. 2021. № 3 (44). С. 11–13.

Зубов А. В., Зубова И. И. Информационные технологии в лингвистике. М., 2004.

Лацук О. Р. Стилистический аспект редактирования рерайтерских новостных интернет-сообщений // Научные ведомости. Гуманитарные науки. 2013. № 20 (163) 19. С. 155–162.

Ли А. В. Гаджет-аддикция и ее влияние на когнитивные процессы у подростков // Бюл. мед. интернет-конф. 2015. № 5 (5). С. 559–567.

Норман Д. Семантические сети // Психология памяти / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтера, В. Я. Романова. М., 1998. С. 350–370.

Новые технологии — хорошо или плохо? URL: <https://qwizz.ru/новые-технологии-хорошо-плохо/> (дата обращения: 26.03.2021).

Савельев С. В. Нищета мозга. М., 2014.

Семеновских Т. В. Феномен «клипового мышления» в образовательной вузовской среде // Вестн. евразийской науки. 2014. № 5 (24). С. 457–464.

Токова Д. Н. Считать ли рерайтинг «концом журналистики»: мнение исследователей // Вестн. РГГУ. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2014. № 12 (134). С. 162–167.

Уваров А. Ю. Образование в мире цифровых технологий: на пути к цифровой трансформации. М., 2018.

- Уваров А. Ю., Фрумина И. Д.* Трудности и перспективы цифровой трансформации. М., 2019.
- Угринович Н. Д.* Информатика и информационные технологии. М., 2003.
- Урунова Р. Д.* Русская филология в системе отечественного образования // Учен. зап. Ульянов. гос. ун-та: Филология. 2019. № 1(23). С. 93–96.
- Урунова Р. Д., Владимирова Л. В., Валеева Д. Р.* Родной язык и культурная идентичность в условиях современного общества // Вестн. УдГУ. Филология. 2018. № 5(28). С. 756–762.
- Хартунг Ю., Брейдо Е.* Проблемы лингвистического описания гипертекста // Вестн. Моск. ун-та. Филология. 1996. № 3. С. 61–78.

Статья поступила в редакцию 20.12.2021 г.

Научная статья

УДК 050.9(470.5) + 930.253:352(470.5) + 342.5

DOI 10.15826/izv1.2022.28.1.019

АЛЬМАНАХ «УРАЛЬСКИЙ СОВРЕМЕННОК» В МАТЕРИАЛАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Юлия Сергеевна Некрасова

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия*

yulia92229444@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6044-1268>

А н н о т а ц и я. В статье рассматриваются исторические документы, связанные с выпуском литературно-художественного альманаха «Уральский современник», находящиеся в Государственном архиве Свердловской области. Анализ неполных разрозненных материалов позволил уточнить такие эпизоды из истории альманаха, как проблема его издания и распространения, качество текстов, переформирование в журнал. Определяются значение альманаха для членов Свердловской писательской организации и след в литературе Урала XX в. Изучение представленных документов способствует введению в научное использование ранее не цитируемых и малоизученных архивных материалов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: литературно-художественный альманах; литературно-художественный альманах «Уральский современник»; Государственный архив Свердловской области; Свердловское отделение Союза советских писателей

**ALMANAC “THE URAL CONTEMPORARY”
IN THE MATERIALS OF THE STATE ARCHIVE
OF THE SVERDLOVSK REGION**

Yulia S. Nekrasova

*Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia*

yulia92229444@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6044-1268>

Abstract. The article examines historical documents related to the release of the literary and artistic almanac “The Ural Contemporary”, which are in the State Archive of the Sverdlovsk region. The analysis of incomplete scattered materials made it possible to clarify such episodes from the history of the almanac as the problem of its publication and distribution, the quality of texts, reformulation into a journal. The significance of the almanac for the members of the Sverdlovsk branch of the Union of Soviet Writers and the trace in the literature of the Urals of the XX century is determined. The study of the submitted documents contributes to the introduction of previously unquoted and little-studied archival materials into scientific use.

Key words: literary and artistic almanac; literary and artistic almanac “The Ural Contemporary”; State Archive of the Sverdlovsk region; Sverdlovsk branch of the Union of Soviet Writers

Периодические издания советских лет ориентировались на запросы общества и установки социалистического реализма. Как правило, журналы и альманахи создавались при отделениях Союза советских писателей (ССП) и формировали литературные силы. Исследователи нередко анализируют уральские периодические издания советского периода¹, тем не менее не вся периодика изучена достаточно полно, а что-то не рассмотрено совсем. Так, литературно-художественный альманах «Уральский современник», который издавался в Свердловске с 1938 по 1957 г. и был печатным органом Свердловского отделения Союза советских писателей, остается без должного внимания. Работа по «Уральскому современнику» необходима для заполнения лакун по развитию журналистики на Урале, дополнения истории уральской периодики. С этим связан тот факт, что мы обратились к поиску информации в архивах².

Государственное казенное учреждение Свердловской области «Государственный архив Свердловской области» (далее — ГАСО) располагает коллекциями документов, незначительная часть которых имеет отношение к литературно-художественному альманаху «Уральский современник». Уникальность рассматриваемого нами материала состоит в использовании ранее не цитируемых источников. Следует сразу заметить, что полный архивный фонд «Уральского современника»

¹ См., например: [Антошин А., Антошин В.; Климина, Литовская; Литовская, 2013; Подлубнова, 2011, 2016; Чемякин; Litovskaia, 2021] и др.

² Орфография и пунктуация цитируемых далее документов сохранена.

отсутствует, что говорит как о невнимательном отношении к изданию со стороны исследователей и документоведов, так и его недооцененном положении среди периодики края. Поскольку альманах представлял творчество авторов Урала, предметом нашей статьи являются документы из папок Свердловской областной писательской организации Союза писателей РСФСР, включающие информацию по собственному печатному органу.

Свердловское отделение Союза советских писателей начало формироваться в 1932 г. вслед за роспуском Уральской ассоциации пролетарских писателей³. Отделение было заинтересовано в платформе для публикаций, где авторы должны были демонстрировать разнообразие жанров. Так, например, с 1931 по 1935 г. выпускался ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал «Штурм», продолживший традиции журнала «Рост» и выступавший сначала органом УралАППа, а затем Свердловского отделения ССП [Подлубнова, 2017, с. 422]. В 1935 г. был основан ежемесячный занимательный журнал «Уральский следопыт» по истории, географии и краеведению, выпущенный в количестве девяти номеров и продолживший свою историю в 1958 г. [Горбунов, с. 382]. В 1938 г. начинает работу литературно-художественный альманах «Уральский современник».

«Уральский современник» выпускался под руководством К. В. Рождественской (1938–1940), П. П. Бажова (1941–1951⁴), В. А. Старикова (1952–1957) и О. Ф. Корякова (1957). Кроме того, ответственными редакторами на короткий период стали М. В. Шведов (№ 4 за 1941 г.) и Н. А. Попова (№ 19 за 1951 г. и № 20 за 1952 г.). Тираж номеров колеблется от 3 000 до 15 000 экз. Полные данные о распространении альманаха отсутствуют. Вероятно, существовали обязательные экземпляры номеров, авторские экземпляры, выпуски направляли в библиотеки областей⁵ и в розничную торговлю («Магазины делают запросы» [ГАСО. Ф. р. 1615, оп. 1, д. 50, л. 103]), для распространения была задействована Облсоюзпечать [ГАСО. Ф. р. 1615, оп. 1, д. 61, л. 269–271]. В итоге с 1938 по 1957 г. вышло 37 выпусков, последние четыре номера из них за 1957 г. напечатаны под измененным наименованием «Урал». Это название будет дано журналу, в который в 1958 г. преобразовали альманах. Существующий и сегодня «Урал» не считается «правопреемником альманаха», однако «рождался он при самом деятельном участии Свердловского обкома КПСС и делал первые шаги на почве, взрыхленной альманахом “Уральский современник”» [Лукиянин, с. 30].

Издание призвано было быть «витриной» писательской организации. Зачастую авторы, представляющие произведения в «Уральском современном», имели публикационный опыт в газетах и журналах, кто-то к моменту работы в альманахе уже выпустил собственные книги, например, П. П. Бажов, Е. Е. Хоринская,

³ Об этом см., например: [Журавлева; Подлубнова, 2020].

⁴ «Уральский современник», № 18 за 1951 г., выходит после смерти П. П. Бажова.

⁵ В. А. Стариков на обсуждении альманаха 30 ноября 1954 г. уточнил: «Когда товарищи выезжают в районы, то в районах альманаха нет. Его забирают в библиотеку — 1,5–2 тысячи, но более точную цифру мы не смогли уточнить» [ОМПУ. Ф. 37, оп. 1, д. б/п, л. 6].

Н. А. Попова, О. И. Маркова, Б. С. Рябинин и др. Участие в издании (как и иная публикационная активность) приносило литераторам деньги и возможность стать членом Союза писателей, что давало определенного рода привилегии. Заметим, что Свердловское отделение ССП состояло из небольшого количества авторов⁶, тем не менее «по оценке правления ССП Свердловская организация является самой крупной по количественному составу и по своей творческой значимости из всех краевых писательских организаций СССР» [ЦДООСО. Ф. 4, оп. 15, д. 464, л. 2]. Существенное расширение краевого Союза писателей произошло в годы военной эвакуации столичных и украинских литераторов в Свердловск, среди которых были Ф. Гладков, О. Форш, А. Барто, М. Шагинян и др. Прибывший состав авторов сотрудничал с местными литераторами, Свердловское отделение «выросло до семидесяти членов Союза» [Рябинин, с. 98]. После окончания войны краевая организация вновь сократилась⁷. Все эти изменения сказывались на работе «Уральского современника».

Обратимся к архивам ГАСО. Листы фондов Свердловской писательской организации датируются 1934 г. и далее. Материалы, имеющие непосредственное отношение к альманаху «Уральский современник», — это протоколы собраний писателей, заседания правлений ССП, отчеты о работе Свердловского отделения Союза писателей и вырезки из газеты «Уральский рабочий». Документы позволяют понять некоторые эпизоды из истории «Уральского современника». Заметим отсутствие стенограмм в архивах. Соответственно, мы имеем дело с пересказами выступлений, поэтому не все высказывания литераторов могли быть запротоколированы. Сохранившиеся листы имеют отношение ко времени работы В. А. Старикова и О. Ф. Корякова редакторами альманаха. Незначительное количество информации сохранилось о периоде редакторства К. В. Рождественской. Архив документов, связанный с работой П. П. Бажова, отсутствует. Такого рода лакуны, во-первых, объясняются разбросанностью материалов по другим фондам, таким как Государственное казенное учреждение Свердловской области «Центр документации общественных организаций Свердловской области», фонды Муниципального бюджетного учреждения культуры «Объединенный музей писателей Урала». Во-вторых, как мы предполагаем, редколлегия зачастую в рабочем порядке решала, что публиковать в альманахе вне обсуждений на собраниях и протоколов.

Одним из наиболее ранних сохранившихся документов, в котором упоминается альманах, является протокол собрания писателей Свердловска, состоявшегося 31 января 1938 г. К. В. Рождественская, на тот момент ответственный

⁶ По данным справки «О работе Свердловского отделения Союза советских писателей СССР», в 1937 г. «Свердловское отделение Союза советских писателей СССР объединяет 19 членов и кандидатов Союза (Бондин, Куштум, Аминов, Келлер, Маркова, Н. Попова, Е. Хоринская, Ладейщиков, Шмаков, И. Панов, Попов, А. Савчук, М. Анчаров, С. Корольков, Б. Гранин, Б. Михайлов, А. Спешиллов, Каменский, Стронин)», «около 30 человек, которые имеют книги и печатаются в периодических изданиях, но членство пока не оформлено (П. Бажов, Филиппова, Л. Попова, Егоров, Стариков, Боголюбов, Огаркова, Занадворов, Федосеев, Ивустенко)» [ЦДООСО. Ф. 4, оп. 15, д. 464, л. 1].

⁷ Некоторые данные по сокращению Свердловской писательской организации см.: [Григорьев, Григорьева, с. 449].

редактор альманаха, прокомментировала первый выпуск «Уральского современника», ко времени собрания еще не опубликованный: «Небольшая информация об альманахе. Альманах сформирован» [ГАСО. Ф. р. 1615, оп. 1, д. 44Б, л. 59]. Номер сдан в набор 9 февраля 1938 г., а подписан к печати 29 июня 1938 г. По замечаниям Рождественской, подготовленный «Уральский современник» имел недостатки: «Поэзия в альманахе представлена слабо. Есть стихи Хоринской, Поповой, Бычкова. Всего шесть стихотворений. Поэты не дали того, что мы ожидали» [Там же]. Кроме того, редактор уточняет, произведения каких авторов приняты к публикации, а чьи тексты не прошли отбора: «Вошли вещи Панова, Шмакова, Савчука и других товарищей», «Стихи Куштума и Занадворова не напечатали потому, что они плохие. Например, стихи Занадворова нельзя назвать поэзией, это рассудочное версификаторство. У Куштума повторение прошлого, к тому же композиционно стихи слабы» [Там же]. Заметим, что редактор назвала авторов и в некоторых случаях жанры, но не дала наименований конкретных произведений. Такое невнимание к текстам при внимании к лицам говорит о незначительности собственно самих произведений для представления на собрании, а также о большей ценности именно жанрового и авторского разнообразия на страницах «Уральского современника». Напечатанное издание отличается от планов редактора. Стихотворения А. Бычкова не появляются в № 1, однако поэта публикуют в № 3 за 1940 г., произведения В. Занадворова, наоборот, включают в первый альманах.

В протоколе собрания зафиксированы ответные высказывания некоторых литераторов, например, В. Занадворова, согласного с замечаниями: «То, что ко мне и другим авторам при составлении альманаха предъявили повышенные требования — хорошо» [Там же, л. 63]. Литератор Б. Гранин предлагал Союзу писателей активно обсуждать создание текстов и номеров: «Мы не обсуждаем альманах, когда он формируется, вся организация в этой работе не участвует. У нас отсутствует обмен опытом. Нужно, чтобы товарищи рассказали о том, как они работают, раскрыли свою творческую лабораторию... Это будет способствовать творческому росту» [Там же, л. 65]. Председатель Свердловского отделения Союза писателей А. Ф. Савчук заметил, что организация помогает публикующимся литераторам, их работа контролируется: «Велась серьезная работа с авторами, на сей раз нужно еще усилить связь редакторов с авторами» [Там же, л. 61]. Изучение документа показывает намерение редакции продолжить издание альманаха и обсуждение публикуемых произведений: «О поэтах наших надо говорить серьезно. Второй альманах необходимо обсудить в секциях. <...> Обсуждение необходимо» [Там же, л. 59]. Тем не менее «механика» работы редколлегии малоизвестна. Кто именно отвечал за чтение поступающих в редакцию текстов и принимал решение о публикации, каков был критерий публикуемых материалов, была ли очередность произведений — по процессу прохождения рукописей документы не найдены. Можно предположить, что недостаток времени, малое финансирование, недостаточное штатное расписание сказывались на ограничениях в работе с рукописями альманаха.

В фондах ГАСО также имеются документы 1955–1957 гг., посвященные времени работы В. А. Старикова и О. Ф. Корякова как редакторов. Некоторые документы Свердловского отделения ССП содержат только фактографическую информацию по альманаху⁸. По другим сохранившимся листам этого периода заметно стремление редакторов и литактива преобразовать «Уральский современник» в более популярное издание, интересное для читателей и заметное в столице.

Так, машинописный документ на специальном бланке «Союз советских писателей Свердловское отделение» с указанием адреса датируется 23 июля 1955 г. Письмо адресовано А. М. Румянцеву в отдел науки и культуры ЦК КПСС. Копия направлена министру культуры СССР Н. А. Михайлову. Указывается, что «на обсуждении в Союзе писателей в Москве “Уральский современник”, несмотря на ряд отдельных недостатков, был признан одним из самых интересных и содержательных альманахов, издающихся в Российской Федерации» [ГАСО. Ф. р. 1615, оп. 1, д. 61, л. 269]. Тем не менее писательская организация жаловалась на некачественную работу других структур, мешающих своевременному изданию и распространению альманаха: «Свердловское областное книжное издательство в лице директора тов. Сосновского В. Г. и гл. директора тов. Крупаткина Б. Л. и Облкнигторг в лице зам. директора тов. Ханина С. А. каждый в своей области систематически чинят альманаху невероятные препятствия» [Там же]. Документ подробно знакомит с иными проблемами, которые волновали редакторов и литераторов «Уральского современника»: низкие гонорары, отказ в публикациях некоторых работ, принуждение к снижению тиража.

Недатированный отчет о работе Свердловского отделения Союза писателей помимо публикаций альманаха за 1955 г. упоминает названное обращение с докладной запиской в обком партии и областное управление культуры. Отчет вновь акцентирует внимание на проблемах альманаха, связанных с его изданием: «чрезмерно растянутые сроки печатания альманаха» и заниженные гонорары [ГАСО. Ф. р. 1615, оп. 1, д. 54, л. 99]. Два документа ГАСО отчетливо дают понять, что выпуск альманаха в середине 1950-х гг. был проблематичным. На собраниях писателей редакторы систематически критиковали работу указанных организаций, сообщали о недостаточном финансировании, что зафиксировано в протоколах иных архивных фондов⁹.

Еще одна тема, рассматриваемая в документах Свердловской писательской организации, позволяет проследить преобразование альманаха «Уральский современник» в журнал «Урал». В. А. Стариков как редактор всеми силами старался сохранить печатный орган ССП, поэтому предложил переформировать издание в межобластное, что могло бы способствовать сплочению коллектива авторов Свердловской, Челябинской, Молотовской, Курганской областей. На общем собрании Свердловского отделения Союза писателей от 21 октября 1955 г.

⁸ Например, «План работы секции прозы на ноябрь – декабрь 1955 года» включает информацию о дате выпуска номера: «8 декабря – 2й альманах “Уральский современник”» [ГАСО. Ф. р. 1615, оп. 1, д. 49, л. 197]. См. также: [Там же, л. 198; д. 44А, л. 15].

⁹ См., например: [ОМПУ. Ф. 37, оп. 1, д. б/п, л. 5–6], [ЦДОСО. Ф. 304, оп. 1, д. 4, л. 238–240].

литактив впервые, как видим по сохранным документам, узнает о существовании подобной идеи. К. Боголюбов критиковал скрытность редактора: «Стариков решает вопросы сам. А мы ничего не знаем» [ГАСО. Ф. р. 1615, оп. 1, д. 50, л. 114]. М. Пилипенко и О. Коряков также отмечали отсутствие коллегиальности [Там же, л. 114–115].

На общем собрании Свердловского отделения Союза писателей от 11 ноября 1955 г. Стариков конкретизировал предложение о межобластном альманахе: «Выбор в первую очередь пал на Урал (Свердловская обл., Челябинская, Молотовская, Курганская). Здесь значительные писательские силы, да кроме того нужно привлечь интеллигенцию, научные силы, новаторов производства и сельского хозяйства. Выходить альманах будет нормальным тиражом, 3 раза в год» [Там же, л. 96]. По замыслу Старикова, писатели должны были работать с членами редколлегии в своих городах, а потом редакторы собирались бы коллегиально, чтобы «окончательно решать вопрос с их отбором» [Там же]. Ответственный редактор «Уральского современника» подобрал материалы для первого выпуска и оповестил областные писательские организации: «Первый номер в основном собран. В него войдут произведения Елисеева, Мелешина, Воронова, Вохминцева, Фейерабенда, Найдича, Гроссмана, Михайлова и других» [Там же]. Перечисленные авторы были из разных городов, например, С. Мелешин и Н. Воронов из Магнитогорска, Я. Вохминцев и М. Гроссман из Челябинска, Б. Михайлов из Перми. Тактика Старикова выражалась в переходе к межобластному, а потом, возможно, и межзональному альманаху, который «по своему содержанию был близок к журналу» [Там же]. Литактив Свердловского отделения ССП понимал выгоды от перехода к формату журнала: официально закрепленный и оплачиваемый штат сотрудников, дополнительные выплаты для развития издания, широкая рубрикация и ответственные за каждый отдел литераторы, а значит, повышение качества текстов. Обновленная структура межобластных номеров приближала бы альманах к журналу¹⁰.

Коллектив писателей Свердловска и на втором общем собрании не был готов к внезапному решению редактора. Для Н. Куштума приближением к журналу было «повышение качества наших областных альманахов», а «межобластной альманах нам не нужен» [ГАСО. Ф. р. 1615, оп. 1, д. 50, л. 100]. Представитель издательства Б. Крупаткин удивился «ликвидации областного альманаха», который задумывался к XX съезду партии: «Почему такие серьезные вещи так кустарно решаются?» [Там же]. В. Артищев переживал, что в случае создания межобластного альманаха «мы не сумеем предоставить площадь на листах альманаха нашим молодым писателям», и предложил выпустить по договоренности с областями сборник, «добиваться журнала», но сохранить свой альманах [Там же]. В поддержку сохранения свердловского альманаха высказался и О. Коряков [Там же, л. 98–99].

¹⁰ Позднее журнал «Урал» включал тексты писателей ближайших областей, представлял собой региональное издание: «Журнал был один на шесть областей и две национальные республики Большого Урала» [Лукьянин, с. 8].

Категорически против межобластных альманахов выступал челябинский писатель М. Гроссман, которому идея Старикова показалась «неправильной, неясной, непродуманной» из-за организационных вопросов: как должна «работать редколлегия, как и где собираться, каким образом она может быть объединенной» [ГАСО. Ф. р. 1615, оп. 1, д. 50, л. 98]. Писатель высказался в пользу журнала для объединения литераторов, а «переходные ступени не нужны» к нему [Там же]. Гроссман был убежден в неэффективности работы Старикова по проекту межобластного альманаха. Он отмечал, что Челябинская область планировала «своей областной альманах не отдавать» и предлагала «ставить вопрос перед ЦК партии о создании журнала» [Там же].

Молотовцы в лице литератора А. Спешилова соглашались с предложением Старикова: «Наши товарищи считают, что надо и межобластной альманах (как журнал), но обязательно сохранить и областной альманах» [Там же, л. 99]. Поддержал идею также С. Самсонов, потому что «этот альманах будет представлять современный Урал, и, в конце концов, он, видимо, приблизится к журналу» [Там же, л. 97]. Ю. Хазанович отметил, что созданные с трудом областные альманахи трудно будет сохранить, а основная задача — научиться организовывать редколлегии в разных городах для дальнейшей успешной работы журнала: «...там тоже понадобится раскиданная редколлегия» [Там же, л. 99]. М. Найдич также поддержал замысел по объединению: «Он скоординирует писательские силы 4-х областей» [Там же, л. 100]. М. Пилипенко выступил за «межобластной альманах — как ступеньку к журналу» [Там же, л. 99]. Таким образом, межобластной альманах задумывался как «большая репетиция к журналу» [Там же].

Писатели переживали по поводу случайного материала, который планировали собрать, в том числе к XX съезду партии [Там же, л. 97]. Из-за недовольства писательского коллектива постановили «вопрос о межобластном альманахе оставить открытым вплоть до согласования с другими областями» [Там же, л. 103]. В заключение Стариков объяснял, что «в межобластном альманахе наши писатели получат большую трибуну, а читатели через него шире узнают об Урале» и для областей станет важным показать «какое-то единение литературных сил» региона [Там же, л. 102]. Редактор не давал подробных комментариев, какое именно «единение» требовалось. Для открытия журнала первоочередной задачей было представление писателей разных областей как факт стабильной работы альманаха.

Другим важным вопросом на том же собрании стало обсуждение фельетона Ю. Мячина, С. Самсонова и Л. Румянцева «Альманах еще не вышел...», опубликованного в «Уральском рабочем» [Мячин, Самсонов, Румянцев]. В нем авторы критиковали «Уральский современник» еще до выхода номера, указывали слабые, по их мнению, места альманаха. Критиковалось преимущественное включение в альманах произведений редколлегии, с чем связывалось отсутствие молодых литераторов на страницах «Уральского современника». Проблемным был вопрос распределения гонораров за выпуск № 30 за 1955 г. В фельетоне говорится об убыточности альманаха для государства¹¹. Вероятно, по этой причине издательство

¹¹ По данным фельетона, убыток составляет 38 тыс. руб. [Мячин, Самсонов, Румянцев].

отказалось выплачивать сумму, которая была предложена редакторами «выше обычного» «из-за поэмы Мурзиди» [ГАСО. Ф. р. 1615, оп. 1, д. 50, л. 104]. По мнению авторов фельетона, редакторы и во второй раз несправедливо распределили выделенный гонорар. На собрании писатели возмутились необъективностью критики в газете, однако литераторов больше волновал денежный вопрос. В ходе обсуждения решили «в дальнейшем распределение авторского гонорара производить коллегиально, на заседаниях редколлегии» [Там же, л. 112].

Таким образом, альманах оценивался и обсуждался в целом неохотно, внимание уделялось наиболее острым вопросам. Редакторы старались работать с учетом собственных идей и стратегий развития издания. Писателей волновали гонорары, а также изменение формата альманаха за счет объединения областей, что могло повлиять на очередность публикации рукописей. Литактив старался отвоевать пространство для собственных произведений, сохранить самостоятельность альманаха, поэтому далеко не все поддерживали предложенный новый формат.

Часть документов касается будущего журнала «Урал». Неравнодушные редакторы альманаха и писатели направили письмо секретарю Свердловского обкома КПСС В. А. Куроедову. Цель недатированного текста — это создание всеуральского журнала. Предполагалось, что журнал «Урал» сохранил бы редакторское ядро «Уральского современника» и выходил бы до шести раз в год [ГАСО. Ф. р. 1615, оп. 1, д. 61, л. 259]. Вероятно, в то же время в протоколе № 2 заседания правления Свердловского отделения Союза писателей от 23 апреля 1956 г. имеющиеся произведения редакторы распределяли по шести номерам журнала [Там же, д. 53, л. 12]. Также секретарю ЦК КПСС П. Н. Поспелову и секретарю Свердловского обкома КПСС А. П. Кириленко писатели, депутаты и ученые отправили товарищеское письмо с просьбой открыть журнал, поскольку «Уральский современник» «приобрел характер периодического издания», но «альманах не имеет материальной базы, штатов, не распространяется по подписке» [Там же, д. 61, л. 263]. Быстрого решения проблема не получила.

Несмотря на решения и готовность Свердловского отделения ССП к журналу, литактиву и редакторам предстояла борьба за фактическое его открытие. Председатель Свердловского отделения ССП Н. А. Попова 27 августа 1957 г. отправила ходатайство в секретариат Союза писателей СССР с просьбой поддержать выпуск журнала на Урале [ГАСО. Ф. р. 1615, оп. 1, д. 48, л. 162]. По сохраненному протоколу общего собрания литактива Свердловского отделения Союза писателей от 9 июня 1957 г. видно, что выпуск альманаха «Урал» планировался в количестве четырех номеров. Тогда же озвучили проблему с распространением и литературоведческими работами, а также намерения редакции выпустить в 1958 г. версию журнала: «Слаб еще литературоведческий отдел журнала. Нужно его оживить»; «По подписке не все еще гладко с книготоргом, но постепенно уладится. В портфеле альманаха есть материалы уже и для первого номера “Урал” на 1958 год» [Там же, д. 50, л. 60].

Среди прочих документов содержится информация по литактиву, а также о составе редколлегии. Так, по протоколу № 5 заседания правления Свердловского

отделения Союза писателей от 25 июня 1956 г. утвердили «зам. редактора альманаха “Уральский современник” члена редколлегии т. Тамарченко А. В.» [ГАСО. Ф. р. 1615, оп. 1, д. 53, л. 4]. На заседании правления Свердловского отделения Союза писателей 30 мая 1956 г. (протокол № 4) постановили «для окончания работы над циклом очерков и рассказов о колхозной деревне по заданию альманаха “Уральский современник” предоставить товарищу Макшанихину командировку сроком на двадцать дней» [Там же, л. 5]. Поскольку автор после публикаций в № 22 и № 23 за 1952 г. не появился в «Уральском современнике», можно сделать вывод, что материал не был подготовлен или был отклонен редколлекгией. На заседании правления Свердловского отделения Союза писателей 8 февраля 1956 г. В. А. Старикова рекомендовали в члены Союза писателей СССР [Там же, д. 54, л. 114]. Почти через год, 21 февраля 1957 г., Стариков просил освободить его от должности редактора, поскольку «у него предполагаются длительные и частые выезды» [Там же, д. 49, л. 180]. Редактора освободили от должности и поблагодарили за «бескорыстную и добросовестную» работу «с занесением в личное дело» [Там же]. В качестве нового редактора рекомендовали О. Ф. Корякова, с вхождением в редколлекгию М. А. Батина и С. И. Бунькова как ответственного секретаря. 7 марта 1957 г. на собрании Свердловского отделения Союза писателей СССР редколлекгию обновленного альманаха утвердили окончательно: «...ввести редактором — Корякова и заведующим отделом критики и библиографии — Батина М. А.» [Там же, д. 50, л. 82].

Таким образом, рассмотренные разрозненные документы складываются в некую общую линию. Отчетливо видны периоды работы с «Уральским современником» в начале издания альманаха под руководством Рождественской, в момент его трансформации при редакторстве Старикова и в некоторой степени при Корякове. Протоколы заседаний правления и собраний писательского коллектива Свердловска, содержащиеся в ГАСО, представляют интерес не столько из-за упоминания альманаха «Уральский современник», сколько с точки зрения общего литературного движения региона.

Альманах не был популярным в советские годы, малоизвестен сегодня, хотя издание объединяло весь писательский коллектив Свердловска и привлекало к участию литераторов иных областей. «Уральский современник» в некоторой степени был ключевой платформой, на которой авторы Урала представляли собственные тексты. Издание обсуждалось писательским составом Свердловска, выполняло партийные установки, старалось нравиться публике. Также альманах положительно оценивался в столице. По мнению редакции альманаха и литераторов, проблемы, связанные с изданием и распространением «Уральского современника», требовали «активного вмешательства» отдела науки и культуры ЦК КПСС и Министерства культуры СССР, так как «обком КПСС занимает <...> позицию невмешательства» [ГАСО. Ф. р. 1615, оп. 1, д. 61, л. 270].

В. А. Стариков делал попытку заинтересовать альманахом иные области, спасти издание, но реформирование получилось незначительным. Скорее, вынужденные меры носили паллиативный характер. Трудно судить о финансовом

обеспечении «Уральского современника», но по разрозненным комментариям писателей на собраниях можно предположить, что проблема финансирования была серьезной. Вероятно, для широкого распространения альманаха требовались большие силы и время, нужен был коллектив, который бы увлеченно занимался изданием. Таким образом, просмотренные документы ГАСО дают представление о литературном процессе в Свердловске в целом и жизни альманаха «Уральский современник» в определенные периоды, открывают забытые страницы литературной истории края.

Антошин А. В., Антошин В. А. В борьбе за свободу печати: эсеровская пресса Урала в первые месяцы большевистского режима // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2015. № 144 (4). С. 90–97.

ГАСО (Гос. арх. Свердл. обл.). Ф. р. 1615. Оп. 1. Д. 44А. Л. 15.

ГАСО. Ф. р. 1615. Оп. 1. Д. 44Б. Л. 57–68.

ГАСО. Ф. р. 1615. Оп. 1. Д. 48. Л. 102, 118–119, 162.

ГАСО. Ф. р. 1615. Оп. 1. Д. 49. Л. 160–161, 180, 197, 198–199.

ГАСО. Ф. р. 1615. Оп. 1. Д. 50. Л. 60–63, 82, 96–112, 113–121.

ГАСО. Ф. р. 1615. Оп. 1. Д. 53. Л. 4, 5–7, 12–13.

ГАСО. Ф. р. 1615. Оп. 1. Д. 54. Л. 97–102, 114.

ГАСО. Ф. р. 1615. Оп. 1. Д. 61. Л. 259, 262–264, 269–271.

Горбунов Ю. А. «Уральский следопыт» // Екатеринбург литературный : энцикл. словарь. Екатеринбург, 2017. С. 382–383.

Журавлева Н. С. Коллективные формы литературного процесса на Урале в 1925–1932 гг. // Урал. истор. вестн. 2009. № 1(22). С. 94–100.

Климина А. С., Литовская М. А. Альманахи для юношества в периодической печати Среднего Урала 1930-х годов // Урал. филол. вестн. Сер. : Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. 2018. № 3. С. 114–124.

Литовская М. А. Детский журнал «Делай все сам» (1924–1931) и приоритеты советской индустриализации // Литература Урала: история и современность. Литература и история — грани единого (к проблеме междисциплинарных связей). Екатеринбург, 2013. С. 272–279.

Лукьянин В. П. «Урал»: журнал и судьбы. Екатеринбург, 2018.

Мячин Ю., Самсонов С., Румянцев Л. Альманах еще не вышел...// Уральский рабочий. 1955. № 249 (12135), 20 окт. С. 3.

ОМПУ (Объединенный музей писателей Урала). Ф. 37. Оп. 1. Д. б/п. Л. 1–85. КП–16923.

Павел Петрович Бажов. Письма. 1911–1950 / сост. Г. А. Григорьев, Л. С. Григорьева. Москва ; Екатеринбург, 2018.

Подлубнова Ю. С. Агиттеатр 1920–1930-х гг. на страницах «Живой театрализованной газеты»: жанровая специфика // Литература сегодня: знаковые фигуры, жанры, символические образы. Екатеринбург, 2011. С. 141–145.

Подлубнова Ю. С. От «Уральского охотника» к «Уральскому следопыту»: природа и природные ресурсы в культурных репрезентациях 1920–1930-х гг. // Литература как форма социальной и индивидуальной рефлексии. Екатеринбург, 2016. С. 48–56.

Подлубнова Ю. С. Цитадель пролетарской литературы. УралАПП на подъеме: 1926–1930 гг. // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2020. Т. 26, № 3 (199). С. 169–180.

Подлубнова Ю. С. «Штурм» // Екатеринбург литературный : энцикл. словарь. Екатеринбург, 2017. С. 422–423.

Рябинин Б. С. Ушедшее — живущее : книга воспоминаний. М., 1985.

ЦДООСО (Центр документации обществ. организаций Свердлов. обл.). Ф. 4. Оп. 15. Д. 464. Л. 1–9.

ЦДООСО. Ф. 304. Оп. 1. Д. 4. Л. 238–240.

Челякин Ю. В. Периодика университета: вехи истории // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2010. № 3 (78). С. 25–36.

Litovskaya M. “Do it all yourself”: teaching technological creativity during soviet industrialization // The Pedagogy of Images: Depicting Communism for Children, ed. by M. Balina and S. A. Oushakine, Toronto, 2021. P. 299–330.

Статья поступила в редакцию 20.12.2021 г.

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Рецензия на книгу

УДК 070:004.738.5 + 159.99 + 004.5 + 004.032.6

DOI 10.15826/izv1.2022.28.1.020

ЧТО ВАЖНЕЕ – ТЕХНОЛОГИИ ИЛИ СМЫСЛЫ? РАЗМЫШЛЕНИЯ О КОНВЕРГЕНТНОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ

Рец. на кн.: Олешко В. Ф., Олешко Е. В. СМИ как медиатор коммуникативно-культурной памяти. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. 470 с.*

Алексей Валерьевич Антошин

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия
alex_antoshin@mail.ru*

А н н о т а ц и я. Статья представляет собой рецензию на монографию В. Ф. Олешко и Е. В. Олешко, вышедшую в Издательстве Уральского университета в 2020 г. Обоснован вклад авторов в разработку концепции конвергентной журналистики. Доказано, что в рецензируемой монографии проведен глубокий анализ роли СМИ в условиях цифровой эпохи.

К л ю ч е в ы е с л о в а: СМИ; конвергентная журналистика; цифровая эпоха; коммуникативно-культурная память

* В 2021 г. вышло второе издание монографии: *Олешко В. Ф., Олешко Е. В. СМИ как медиатор коммуникативно-культурной памяти. 2-е изд. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та ; СПб. : Алетейя, 2021. 472 с.*

WHAT IS MORE IMPORTANT – TECHNOLOGIES OR MEANINGS? REFLECTIONS ON CONVERGENT JOURNALISM

Book review: *Oleshko V. F., Oleshko E. V. Mass media as a Mediator of Communicative and Cultural Memory. Ekaterinburg : Ural University Press, 2020. 470 p.*

Aleksei V. Antoshin

*Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia*

alex_antoshin@mail.ru

Abstract. The article is a review of the monograph by V. F. Oleshko and E. V. Oleshko, published by the Ural University Press in 2020. The authors' contribution to the development of the concept of convergent journalism is substantiated. It is proved that the monograph under review provides an in-depth analysis of the role of the media in the digital age.

Key words: mass media; convergent journalism; digital age; communicative and cultural memory

В 2020 г. в Издательстве Уральского университета вышла монография В. Ф. Олешко и Е. В. Олешко, ставшая итогом работы авторов в рамках проекта РНФ «Цифровизация коммуникативно-культурной памяти и проблемы ее межпоколенческой трансляции» (№ 19-1800264). Во многом данный труд базируется на ряде предшествующих публикаций авторов [Олешко В., Олешко Е., 2016; 2019; Олешко Е., 2016]. Вместе с тем комплексный, обобщающий характер данного издания, ставящего перед журналистским сообществом ряд весьма непростых вопросов, обуславливает, на наш взгляд, необходимость более глубокого взгляда на эту книгу.

Ее центральной проблемой стала роль СМИ и конкретного журналиста в цифровую эпоху. Как известно, в условиях пандемии коронавируса, начавшейся в 2020 г., многие исследователи прогнозировали, что «мир уже никогда не будет прежним», произойдет кардинальная трансформация социальных структур и моделей повседневности. Особая роль в этом процессе отводилась цифровизации, которая, с одной стороны, являлась следствием невозможности осуществления социальных связей в традиционном формате, с другой — становилась одним из важнейших путей решения проблемы атомизации общества. Естественно, что в этих условиях должна была ускориться активно развивавшаяся в XXI в. трансформация СМИ, роль которых как средств коммуникации в условиях разрыва многих социальных связей особенно возростала.

Какой должна быть эта роль в новую эпоху? На наш взгляд, заслуга авторов в том, что они одними из первых указали на то, что именно СМИ призваны осуществлять важную миссию медиатора коммуникативно-культурной памяти. Заслуживает внимания то обстоятельство, что авторы данного труда при анализе

проблемы роли СМИ в условиях «цифровой революции» применяют известную концепцию культурной памяти Яна Ассмана. Как культурологам, так и историкам хорошо известны подходы Мориса Хальбвакса, Пьера Нора и других исследователей; большой вклад в освоение этих концепций российским академическим сообществом внесла Л. П. Репина. Однако далеко не всегда в дискуссиях, связанных с проблематикой «мест памяти» и «политики памяти», уделяется внимание роли СМИ. Закрытию этой лакуны в отечественной гуманитаристике и посвящен труд В. Ф. Олешко и Е. В. Олешко.

Именно избранный авторами ракурс позволил им по-новому решить саму проблему трансформации роли СМИ в условиях цифровой эпохи. Исключительно важным в концептуальном плане, на наш взгляд, является тезис авторов: «Сугубо технологический аспект организации системной деятельности массмедиа, на котором все чаще акцентируется внимание исследователей журналистики, нельзя рассматривать в отрыве от социальной, культурообразующей и культуроформирующей проблематики» [Олешко В., Олешко Е., 2020, с. 45]. Действительно, увлекшись описанием технологических новаций, связанных с формированием медиaprостранства XXI в., исследователи значительно реже обсуждают вопрос о том, изменится ли в содержательном, смысловом плане та миссия, которую осуществляют журналисты в обществе. Парадокс состоит в том, что, как и в ряде других случаев, ученые в этом плане нередко отстают от художников слова, писателей: ведь многие социокультурные последствия эпохи цифровизации давно уже были представлены в произведениях Брюса Стерлинга, Уильяма Гибсона, Пэт Кэдиган и других мастеров литературы киберпанка. Тот факт, что В. Ф. Олешко и Е. В. Олешко попытались проанализировать, какой может быть роль журналиста в этом «дивном новом мире», заслуживает, на наш взгляд, особого внимания.

Этот анализ проводится авторами на основе ранее обоснованной ими концепции конвергентной журналистики как интеграции информационных и коммуникативных технологий в единый ресурс. Они показывают, как в процессе распространения практики репостинга происходит размывание профессиональных границ, как все более актуальными становятся узкоспециализированные СМИ и корпоративные медиа. И вновь В. Ф. Олешко и Е. В. Олешко ставят вопрос: «Можно ли все проблемы трансляции и интериоризации необходимой человеку информации... сводить только к технологиям?» [Там же, с. 122]. Они доказывают, что именно в этих условиях еще более возрастает потребность в профессиональных журналистах, в «объясняющей журналистике».

При этом стоит подчеркнуть, что авторы не скрывают тех проблем, которые стоят перед профессиональным сообществом. Они показывают, что процесс коммерциализации массмедиа ставит в наиболее трудное положение именно так называемые «качественные» СМИ (о чем свидетельствует закрытие ряда авторитетных печатных изданий с многолетней историей). Однако, В. Ф. Олешко и Е. В. Олешко подчеркивают: в условиях жесточайшей конкуренции с гражданскими журналистами и «новыми медиа» для журналиста не остается иного выбора, кроме как быть высоким профессионалом.

На наш взгляд, исключительно важно то обстоятельство, что этот профессионализм журналиста авторы отнюдь не сводят к технологическому аспекту, владению навыками веб-дизайна, работы с массивами Big Data и т. д. Последовательность методологических установок, характерная для данной книги, ярко выражена в самой постановке проблемы аксиологического контекста бытия этико-мировоззренческих доминант в современных медиатекстах, которая вынесена в название одной из глав [Олешко В., Олешко Е., 2020, с. 194–221]. В ней анализируется проблема этики журналистского творчества, показана ее связь с исключительно сложной проблемой профессионального выгорания журналиста.

При этом, конечно, В. Ф. Олешко и Е. В. Олешко не игнорируют и тот факт, что в современных условиях многое должно меняться и в организации работы журналистов. Они доказывают, что необходима ее алгоритмизация, появление новых специализаций журналистов, формирование так называемых конвергентных редакций СМИ. Серьезные изменения, отмечают авторы, неизбежно происходят и в традиционных жанрах журналистского творчества (таких, как, например, информационные сообщения): необходимо учитывать «клиповое мышление» новых поколений — «аборигенов» цифровой эпохи. Все это ведет к трансформации содержательно-оформительской палитры моделей массмедиа. Закономерно и то обстоятельство, что авторы обращают внимание на проблему подготовки вузами кадров для СМИ: безусловно, факультеты журналистики классических университетов столкнулись с весьма серьезными вызовами. Всегда ли традиционные центры подготовки способны наладить выпуск качественных профессионалов в тех новых областях, которые связаны с работой редакций в условиях цифровой эпохи? Очевидно, что здесь необходимы весьма серьезные, часто болезненные для российского академического сообщества структурные трансформации. Этого не скрывают и авторы книги, прямо заявляя, что «классические университеты слишком долго раскачивались, развивая систему онлайн образовательных технологий» [Там же, с. 369].

Вместе с тем заголовок книги не случайно отсылает нас к роли СМИ именно как медиатора культурно-коммуникативной памяти. В. Ф. Олешко и Е. В. Олешко отмечают, что СМИ не могут ориентироваться лишь на поколения Y и Z. В связи с этим весьма любопытным представляется проведенное на страницах монографии сопоставление ожиданий от СМИ, характерных для различных поколений российского общества. Авторы разработали даже «дорожную карту» реализации современными СМИ концептуальной модели эффективной трансляции коммуникативно-культурной памяти «цифрового поколения». Важно и то обстоятельство, что авторы не абсолютизируют и не идеализируют те тенденции снижения интереса к текстовым элементам медиасообщений (в частности, падение популярности лонгридов), на которые указывают некоторые эксперты. В. Ф. Олешко и Е. В. Олешко подчеркивают: «Чтение является, помимо всего прочего, еще и одной из важнейших демократических ценностей нации» [Там же, с. 389].

Монография, посвященная анализу столь крупной и дискуссионной проблемы, неизбежно вызывает у читателя желание обратить внимание авторов на какие-то

лакуны в их исследовании, указать на те аспекты, которые пока еще не нашли освещения на страницах данного труда. Конечно, как и любая книга, данный труд не свободен от опечаток, некоторые из них являются забавными. Так, на с. 166 отмечено, что А. Г. Рихтер еще «в начале XX в.» отмечал: «...компьютерное право, право новых технологий и коммуникаций расширят существующее правовое поле». Вряд ли исследователи в Российской империи были столь успешными футурологами, что могли предсказать появление компьютеров! Однако подобные упущения, конечно, являются мелочами.

Более значимо, на наш взгляд, то обстоятельство, что данное сочинение, посвященное столь крупной (поистине глобальной) проблеме, слабо затрагивает вопрос о том, как в условиях цифровой эпохи выполняют функцию медиатора коммуникативно-культурной памяти ведущие мировые СМИ. Безусловно, в ходе работы над проектом авторы провели серьезное исследование. Эмпирическую базу данного труда составили более 8 тыс. текстов из 24 печатных СМИ и 12 сетевых изданий; был проведен опрос 261 сотрудника СМИ, 524 студентов ряда вузов Большого Урала. Однако многие тренды трансформации традиционных СМИ в современные массмедиа, безусловно, задаются ведущими глобальными игроками на данном рынке. Как отвечают на вызовы времени «New York Times», «Washington Post» и другие ведущие западные издания, которые во многом формируют мировую информационную «повестку дня»? Что происходит с «Boston Globe», которая многие годы воспринималась как один из образцов классической журналистики? Какова судьба традиционных СМИ в Великобритании и Франции, чья история насчитывает уже несколько веков? Ведь такие издания, как «The Times» или «Le Figaro», не только в течение многих лет определяли информационное пространство своих стран, но и стали моделью для возникновения феномена ежедневной прессы во многих зависимых от европейских держав странах: рецензент, занимаясь историей периодической печати в странах Африки, неоднократно обращал внимание на это обстоятельство. В современной Европе проблема трансляции культурной памяти, как известно, стоит весьма остро. К сожалению, эти сюжеты лишь изредка упоминаются в данном труде.

Хотелось бы обратить внимание авторов еще на один, исключительно важный, по нашему мнению, аспект темы. Именно в рамках рассмотрения роли СМИ как медиатора коммуникативно-культурной памяти очень продуктивным был бы анализ современных массмедиа в странах Востока. Российские востоковеды уже обращали внимание на то, что сама цифровизация на Востоке происходит с учетом тех цивилизационных особенностей, которыми характеризуются общества Азии [Валиахметова]. После «арабской весны» серьезные процессы произошли и в системе СМИ стран Ближнего Востока [Васильев, Жерлицына], что особенно заметно на примере феномена телеканала «Аль-Джазира». Рассмотрение того, как в этих условиях СМИ Востока выполняют функцию трансляции культурной памяти стран региона, было бы чрезвычайно интересным. Компаративный анализ позволил бы более четко высветить и то, какую специфику в этом плане имеют современные российские СМИ.

Наконец, в рецензируемой монографии весьма кратко представлен обзор русскоязычной прессы США. Авторы сосредоточились на нескольких локальных изданиях, выходящих в штате Техас. Однако, на наш взгляд, гораздо более показательным было бы обращение к судьбам крупнейших СМИ русской Америки. Их подробный анализ был представлен, например, в известной монографии П. Н. Базанова [Базанов]. Особого внимания, по нашему мнению, заслуживают старейшие эмигрантские газеты — просуществовавшие около 100 лет «Новое русское слово» (Нью-Йорк) и «Русская жизнь» (Сан-Франциско) [Уральский, Новак]. Что же касается тех изданий, которые были основаны выходцами из позднего СССР и современной России, то здесь можно было бы обратиться к распространяемому на Брайтон-Бич «Вечернему Нью-Йорку». Именно эти издания ярко символизируют роль русскоязычных СМИ США как медиатора коммуникативно-культурной памяти.

Данные пожелания, безусловно, носят рекомендательный характер и не меняют общего положительного впечатления от работы В. Ф. Олешко и Е. В. Олешко. Трудность задачи, которая стояла перед авторами, бесспорно, состоит в том, что сам предмет их исследования отличается крайней лабильностью, динамизмом, неустойчивостью. На наш взгляд, именно это и удалось показать авторам. Их труд во многом носит прорывной характер, открывает перед исследователями СМИ целый спектр проблем, к которым еще не раз будут обращаться ученые.

Базанов П. Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988). СПб., 2008. 468 с.

Валиахметова Г. Н. Исламский мир в условиях цифровых угроз XXI в. // *Minbar. Islamic Studies*. 2019. № 1. С. 95–110.

Васильев А. М., Жерлицына Н. А. Динамика государственной политики в отношении СМИ в регионе Ближнего Востока и Северной Африки // *Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. : История и политические науки*. 2019. № 2. С. 210–221.

Олешко В. Ф., Олешко Е. В. Адаптация журналистов к конвергентным основам информационной деятельности (результаты социологического исследования. 2014–2016 гг.) // *Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры*. 2016. Т. 22, № 3 (153). С. 27–36.

Олешко В. Ф., Олешко Е. В. Коммуникативно-культурная память: идентификационные ресурсы современных массмедиа // *Гуманитарный вектор*. 2019. Т. 14, № 5. С. 77–86.

Олешко В. Ф., Олешко Е. В. СМИ как медиатор коммуникативно-культурной памяти. Екатеринбург, 2020. 470 с.

Олешко Е. В. Конвергентная журналистика. Профессиональная культура субъектов информационной деятельности. Москва ; Екатеринбург, 2016. 125 с.

Уральский М., Новак М. Новое русское слово: история одной знаменитой газеты русско-еврейской диаспоры США // *Русские евреи в Америке / ред.-сост. Э. Зальцберг*. Торонто ; Санкт-Петербург, 2015. Кн. 11. С. 9–61.

Рецензия поступила в редакцию 09.01.2022 г.

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 1
Проблемы образования, науки и культуры
2022. Т. 28. № 1

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию

Редактор и корректор *Н. В. Чанаева*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48319 от 27.01.12.
Учредитель – Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».
Адрес учредителя: 620002, Свердловская обл., г. Екатеринбург, ул. Мира, 19.

Дата выхода в свет 27.03.2022. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 18,5. Усл. печ. л. 17,9. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Тираж 300 экз. Цена свободная. Заказ 54.
Издательство Уральского университета.
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра УрФУ.
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 358-93-06, 350-58-20, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
<http://print.urfu.ru>

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры»

- зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–48319 от 27.01.2012 г.;
- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering — ISSN) 28.03.2012 г. с присвоением международного стандартного номера ISSN 2227–2275;
- электронно-сетевая версия журнала зарегистрирована в Национальном агентстве ISSN Российской Федерации 01.12.2017 г. с присвоением международного стандартного номера сериального издания ISSN 2587–7151;
- включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук;
- в соответствии с рекомендациями Президиума Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, журнал публикует статьи по двум отраслям науки: 10.00.00. **Филологические науки** (группа специальностей 10.01.01. **Русская литература**, 10.01.10. **Журналистика**); 24.00.00. **Культурология** (24.00.01. **Теория и история культуры**, 24.00.03. **Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов**).
Решение по публикации научных материалов по другим отраслям принимается индивидуально, в каждом конкретном случае;
- включен в объединенный каталог «Пресса России». Индекс 43138;
- материалы журнала включены в информационную систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полнотекстовая версия журнала размещается на портале Уральского федерального университета: <http://urfu.ru/science/proceedings/>

I. О ПОРЯДКЕ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

1. Журналу предлагаются не публиковавшиеся ранее научные труды объемом не более 0,75 одного учетно-издательского (авторского) листа (30 000 знаков с пробелами), не представленные для рассмотрения и публикации в другие журналы, и рецензии на научные издания объемом не более 20 000 знаков с пробелами.

Автор высылает в редакцию по электронной почте (izvestia_1@urfu.ru) **текст статьи** (см. ниже требования к оригиналу).

2. По электронной почте редакция уведомляет автора о том, принят или не принят материал к рассмотрению и если принят, сообщает автору замечания по содержанию и оформлению рукописи, которые необходимо устранить до передачи текста на рецензирование.

3. В целях обеспечения высокого научного уровня публикаций редакция направляет статьи на рецензирование.

4. Редакция согласовывает с автором исправления, дополнения и т. п., которые необходимо внести в статью по рекомендации рецензентов.

5. Автор пересылает исправленный текст в редакцию по электронной почте.

6. Статьи, одобренные редколлекцией, печатаются бесплатно.

7. Отправка статьи для публикации в журнале означает согласие автора на обработку персональных данных и размещение статьи в открытых интернет-источниках.

II. ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРСКОМУ ОРИГИНАЛУ

1. Авторский оригинал предоставляется в электронной версии в формате Microsoft Word или RTF и обязательно содержит следующие метаданные:

название статьи;

аннотацию (в которой указываются тема и цель работы, методология исследования, источники, основные результаты и выводы) объемом 100–150 слов;

ключевые слова;

информацию о финансировании (если есть, с указанием номера проекта и его названия) и благодарности (при необходимости);

перечень затекстовых библиографических ссылок;

сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (при наличии); ученая степень, звание, должность; название организации (с указанием адреса); e-mail, ORCID.

2. Все метаданные предоставляются на русском и английском языках.

3. Страницы должны быть пронумерованы, переносы не расставляются.

4. Диаграммы, графики и схемы в тексте должны быть доступны для редактирования (редакторами **Word** или **Excel**). Иллюстрации высылаются отдельными файлами в формате JPEG (разрешение не ниже 300 dpi). Все иллюстрации должны быть пронумерованы, а в тексте должны быть сделаны соответствующие отсылки.

III. ПОДГОТОВКА ЭЛЕКТРОННОГО ВАРИАНТА РУКОПИСИ

Гарнитура – Times New Roman.

Размер шрифта: основной текст, аннотация, ключевые слова, благодарности, таблицы, подписанные подписи, библиографический список – 14; сноски – 12.

Межстрочный интервал – 1,5.

Абзацный отступ.

Выравнивание текста по ширине.

Нумерация страниц внизу, справа.

Переносы не расставляются.

Квадратные скобки – на латинской клавиатуре.

Межсловный пробел – один знак. Пробелы обязательны после всех знаков препинания (включая многоточие), в том числе в сокращениях *т. е.*, *т. н.*, *т. д.* В личных именах все элементы разделяются пробелами.

Дефис должен отличаться от тире.

Тире должно быть одного начертания по всему тексту, с пробелами слева и справа, за исключением оформления пределов «от... до» в числах и датах.

Кавычки должны быть одного начертания по всему тексту («...» – внешние, “...” – внутренние).

Римские цифры набираются с помощью латинской клавиатуры. Века и тысячелетия обозначаются римскими цифрами.

При наборе не допускается использование стилей, не задаются колонки.

Не допускаются пробелы между абзацами.

В тексте могут использоваться общепринятые сокращения.

IV. СТРУКТУРА СТАТЬИ

Название статьи

Имя, отчество, фамилия автора

Организация,

город, страна

E-mail, ORCID

Аннотация (5–7 строк, по ГОСТу 7.9-95; включает характеристику основной темы, проблемы, объекта, цели работы и ее результаты, указывает, что нового несет в себе данная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению; ее рекомендуется писать простыми предложениями, без сложных синтаксических конструкций)

Ключевые слова (7–10 для статей и не менее 3 для рецензий)

Благодарности

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ (на английском)

Имя, инициал отчества, фамилия автора (на английском)

Организация (на английском),

город, страна (на английском)

Аннотация (на английском)

Keywords

Acknowledgements

(обращаем внимание авторов на необходимость представления качественного перевода, неадекватный перевод может стать основанием для отклонения статьи)

Текст статьи

(возможна рубрикация текста и выделение следующих блоков: введение, методы, источники, обсуждение, результаты (выводы))

Затекстовый перечень библиографических ссылок (см. раздел V).

Фамилия, имя, отчество автора

Surname, name, middle name or patronymic

Ученая степень, звание, должность

Academic degree, position

Организация

Organization

Физический адрес организации (с индексом)

Mailing address

E-mail

Email

ORCID

ORCID

V. Примечания и библиографические ссылки

Примечания оформляются с помощью подстрочника и арабской цифры-индекса в качестве знака сноски. Ссылки на литературу в составе примечания приводятся в виде отсылки в квадратных скобках.

Отсылки в тексте — в квадратных скобках с указанием фамилий авторов (если документ создан 1–3 авторами) или названий (4 и более авторов, коллективные сборники),

а также при необходимости номера тома и страницы при прямом цитировании. Инициалы автора в ссылках указываются в том случае, если в списке есть носители одной фамилии. Год издания указывается лишь в том случае, если есть ссылки на другие книги этого автора. В случае, когда несколько работ одного автора изданы в одном году, используются дополнительные буквенные индексы.

Ссылки на электронные публикации должны содержать все необходимые сведения об источнике: ФИО автора, название публикации, название сайта / портала, URL конкретной публикации, дату обращения. В тексте такие ссылки оформляются через фамилию автора или (при невозможности установить автора) название публикации, адрес сайта указывается только в библиографическом списке.

Отсылки на архивные документы в тексте оформляются аналогично: в квадратных скобках, элементы отсылки через запятую. Ссылки на архивный источник за текстом — по правилам оформления затекстовых ссылок. Название архива, если оно не является общепринятым, расшифровывают:

[ГАСО (Гос. арх. Свердлов. обл.). Ф. 773, оп. 1, д. 27, л. 14—14 об.]

[РГИА. Ф. 773, оп. 1, д. 27, л. 14—14 об.].

Затекстовые ссылки оформляются в виде списка в соответствии с национальным стандартом РФ ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка». Список выстраивается в алфавитном порядке и не нумеруется. Обязательно указание на страницы цитируемых статей. Для публикаций, имеющих DOI, необходимо указывать соответствующую ссылку. Ссылки на иностранные источники следуют после русскоязычных.

Труды, на которые нет ссылок в тексте статьи, в библиографический список не включаются.

Примеры оформления библиографических ссылок

Амзин А. А. Интернетжурналистика. Как писать хорошие тексты, привлекать аудиторию и зарабатывать на этом. М., 2020.

Бредихин А. Л., Удальцов А. А. Пропаганда как средство осуществления идеологической функции государства // *Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России.* 2020. № 3 (87). С. 10–14. DOI: 10.35750/20718284202031014

Быков И. А. PR и пропаганда как инструменты политической мобилизации: актуальные подходы // *Российская пиарология: тренды и драйверы* : сб. науч. тр. в честь проф. В. А. Ачкасовой / под ред. А. Д. Кривоносова. СПб., 2021. С. 30–34.

В Свердловской области ввели обязательную вакцинацию отдельных категорий граждан // *ТАСС.* 2021. 1 окт. URL: <https://tass.ru/obschestvo/12555883> (дата обращения: 01.10.2021).

Ватаным Татарстан : [официальный сайт]. URL: <https://vatantat.ru/> (дата обращения: 03.10.2021).

Вырощева Е. В. Трансформация традиционных публицистических жанров в современных медиа // *Вестн. Челяб. гос. ун-та.* 2015. № 5. С. 207–213.

Выступление Президента на сборе руководящего состава Вооруженных сил от 16.11.2006 г. : [сайт Президента РФ]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 14.02.20013).

Гаспаров М. Л. Сюжет и идеология в эзоповских баснях // *Вестн. древней истории.* 1968. № 3 (105). С. 116–127.

Герцен А. И. С того берега // *Соч. :* в 9 т. М., 1956. Т. 3. С. 58–112.

Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. «Серебряное» образование как ресурс развития региона // *Вестн. РУДН. Социология.* 2020. Т. 20, № 4. С. 939–952.

«Найти работу очень сложно»: где ждут пенсионеров. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2019/11/18/12819056.shtml> (дата обращения: 12.09.2021).

Педагогика взрослых: организация профессионального обучения граждан старшего возраста / *Л. И. Воронина, Т. И. Касьянова, Т. Е. Радченко, Т. М. Резер.* Екатеринбург, 2020. 248 с.

РГАВМФ (Рос. гос. арх. Военно-морского флота). Ф. 406, 418, 609, 701, 716. Р-181, Р-183, Р-187.

Сумароков А. П. Избранные произведения / *вступ. ст., подгот. текста и примеч. П. Н. Беркова.* Л., 1957. 608 с. (Библиотека поэта).

Blasco Ferrer E. Tracce indeuropee nella Sardegna nuragica? DOI 10.1515/9783110243390.177 // Indogermanische Forschungen. 1993. № 98. P. 177–185.

Grove L. Emblematics and SeventeenthCentury French Literature: Descartes, Tristan, La Fontaine and Perrault. Charlottesville, 2000. 284 p. (EMF critiques).

La Fontaine J. Œuvres complètes. I. Fables, contes et nouvelles / Préface par E. Pilon et R. Groos ; texte établi et annoté par R. Groos (fables) et par J. Schiffrin (contes). [Paris], 1954. XVI, 877 p. (Bibliothèque de la Pléiade. Vol. 10).

Sinyavskaya O., Chervyakova A. A., Gorvat E. S. Does job change after becoming a pensioner contribute to maintaining employment in old age? // NRU HSE. Series WP BRP. Ser. : Public and Social Policy. 2020. № 25.

United States Department of State // Foreign Relations of the United States Diplomatic Papers, 1941. General, The Soviet Union (1941). URL: <http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/FRUS.FRUS1941v01> (accessed: 12.07.2013).

Walker B. M. No more heroes any more: the ‘older brother’ as role model. DOI: 10.1080/03057640701706169

Адрес редакции:

620000, Свердловская обл., г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51. УрФУ, ИПЦ

Редакция журнала «Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования,
науки и культуры».

Главному редактору *Амирову Валерию Михайловичу*.

Материалы принимаются в Издательстве УрФУ:
Екатеринбург, ул. Тургенева, 4, Издательство УрФУ
(для *Ларисы Александровны Хухаревой*).
Электронный адрес журнала: izvestia_1@urfu.ru